

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Фольклорно-диалектологический
альманах

С Л О В О

Выпуск 3

*Формы существования
современного русского языка*

*Благовещенск
2005*

*Печатается по решению учёного совета Амурского
государственного университета*

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. 236 с.

В выпуске представлены работы учёных из разных университетов России, посвященные изучению форм существования современного русского языка: литературному языку, народным говорам, городскому просторечию и языку русского зарубежья. Выпуск сопровождается звуковое приложение на CD, иллюстрирующие некоторые материалы альманаха.

Для специалистов в области филологии.

Рецензенты: С.И.Гусева, д-р филол.наук, профессор кафедры иностранных языков № 1 АмГУ;

О.Ю.Галуза, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания БГПУ.

Редакторы: Архипова Н.Г., канд. филол. наук,
Оглезнева Е.А., канд. филол. наук

Отв. за выпуск: Н.А.Сосина

Редакция компакт-диска: Д.Н.Галимова

© Амурский государственный университет, 2005

Предисловие

Язык - подвижная материя, и желание языковеда «поймать», зафиксировать тот или иной временной срез его бытия вполне естественно. В настоящем сборнике представлены работы лингвистов из университетов России, которых волнуют вопросы состояния различных форм существования современного русского языка: высшей, литературной, формы, а также говоров, просторечия и языка русского зарубежья.

Необходимость в таком сборнике вызвана стремлением показать направления исследований современных форм существования русского языка и стремлением к научному объединению и дальнейшему сотрудничеству по их изучению.

В раздел «Русский литературный язык: современное состояние и перспективы развития» включены разные по предмету и объекту исследования работы, но все они объединены духом антропоцентризма. Так, в статье проф. В.И. Зимина (Москва) исследуется прагматический потенциал фразеологических единиц в связи с оценочной деятельностью человека. Доц. Н.Г. Архипова (Благовещенск) и доц. М.А. Куроедова (Благовещенск) анализируют фрагменты русской концептосферы, представленные в идиостиле публициста (Куроедова М.А.) и в современном языковом сознании по данным лексикографии и социолингвистического эксперимента (Архипова Н.Г.). В статье доц. И.А. Кунгушевой (Благовещенск), работающей в области мотивологии, исследуются семантические модификации слова, возникающие в результате демотивации исходного значения под влиянием как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Е.А. Гордиенко (Волгоград) изучает категорию интенсивности в современном русском языке на примере антонимо-синонимических блоков и приходит к выводам об особенностях строения аксиологической шкалы в языке. Междисциплинарный характер носит статья доц. Е.В. Савеловой (Хабаровск), доц. Н.И. Рябининой и доц. А.А. Шунейко (Комсомольск-на-Амуре). Авторы осуществляют

лингвокультурологический подход к тексту, который способен реализовывать базовые для тех или иных групп носителей языка (в данном случае - конфессиональных групп) концепты.

Раздел «Русские говоры на рубеже XX-XXI веков» содержит статьи по разным направлениям исследования современных русских говоров, как материнских, так и говоров переходного типа. Антропоцентризм и функционализм при анализе конкретных фактов языка и речи очевиден и в публикациях этого раздела. Культурно-прагматический потенциал диалектных фразем на материале донских казачьих говоров исследует проф. Е.В.Брысина (Волгоград), в ее статье показана ценностная деятельность этнокультурной языковой личности. Структура речевого жанра «Воспоминание» и особенности реализации элементов его структуры в рассказах о былом у старожиллов Приамурья представлены в работе Н.В.Лагута (Благовещенск). Функционирование дейктических лексем «тут» и «там» в диалектном высказывании на материале Вершининского говора рассматривает в своей статье Н.В.Курикова (Томск). Сравнительный анализ метафор, называющих жизнь и её проявления в книжном и диалектном дискурсах (на материале русских говоров Приамурья), выполнен Д.Н.Галимовой (Благовещенск). Статья Н.А.Сосиной (Благовещенск) представляет собой опыт лингвокультурологического описания функционирующих в амурских говорах названий кушаний как языковых единиц, имеющих историко-культурную, этнографическую значимость.

В разделе «Язык современного фольклора» помещены научные публикации, связанные с таким фольклорным жанром, как заговор: это аналитическая статья проф. Л.М.Шипановской (Благовещенск), написанная на материале функционирующих в современном Приамурье заговорных текстов, и статья А.В.Туяковой (Благовещенск), в которой рассматриваются вариативные элементы в текстах заговоров, построенных на основе одного из апокрифических сюжетов.

Раздел «Просторечие как форма русского национального языка» включает статью С.П.Беляковой (Усачёвой) (Тверь), представляющую интерес как для диалектологов, так и для исследователей городской речи. Автор, анализируя некоторые фонетические процессы в тверском городском просторечии, показывает тенденции развития языковой системы в условиях контакта различных форм языка – диалекта и просторечия. Работа В.В.Пирко (Благовещенск) представляет собой опыт описания просторечия Приамурья как системы.

Новаторский характер носит раздел «Язык русского зарубежья», поскольку язык русского зарубежья пока не входит в традиционный перечень форм существования русского языка, но по ряду признаков может быть к ним отнесён. В раздел включена статья доц. Е.А.Оглезневой (Благовещенск), в которой автор создаёт речевой портрет одной из представительниц русской диаспоры в Харбине (Китай) на широком социокультурном фоне. В статье А.Н.Анцыповой (Красноярск) анализируются функции и значимость религиозной лексики в языке эмиграции на материале речи русских эмигрантов в Австралии. Работа Н.В.Колесовой (Красноярск) посвящена исследованию орфографических особенностей передачи иноязычных лексем в текстах писателя-эмигранта третьей волны В.Аксёнова; описанные в ней явления представляют интерес в сравнении с процессами, протекающими в современном русском литературном языке.

Материалы настоящего сборника научных статей не претендуют на полноту и исчерпанность в освещении тех или иных лингвистических проблем и вопросов, но они способствуют активному научному общению и поиску. Мы благодарим всех, кто прислал свои статьи в наш сборник, и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Редколлегия

*РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

В.И.Зимин

*Московский государственный педагогический университет
г.Москва*

**ОЦЕНОЧНО-ЭМОТИВНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Для успешного изучения фразеологических единиц необходимо проделать параметрический (макрокомпонентный) анализ семантической структуры фразеологизмов, выделение макрокомпонентов, отражающих структуризацию фразеологического значения по типам передаваемой информации; такие компоненты могут быть изолированы в структуре фразеологического значения и выделены через семантические оппозиции фразеологических единиц. Взятые же в их синтезе, они довольно полно репрезентируют семантику фразеологических единиц. В семантической структуре фразеологизмов выделяются следующие макрокомпоненты: денотативный (дескриптивный) (этому макрокомпоненту соответствует обозначаемое как объективно существующий класс признаков, задающий «контуры» фрагмента действительности, той ситуации, которая имеется в действительности), грамматический макрокомпонент семантики (он отображает все грамматические, или кодовые, свойства идиом), оценочный макрокомпонент (он несёт информацию о ценности того, что отражается в денотативном содержании идиомы, при этом «оценивающий» субъект соотносит с ценностной картиной мира всё, что случается или происходит в мире и отражено в идиомах), мотивационный макрокомпонент (его принято соотносить с тем феноменом, который в современной лингвистике называется внутренней формой наименования (не важно какого: слова или фразеологизма), а также – с фразеологической картиной мира), эмотивный макрокомпонент (он

объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому; эмотивность проявляет своё действие на шкале «одобрение – неодобрение», это крайние точки шкалы, между которыми располагаются другие характеристики типа презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, ласкательность, ирония, насмешка и т.п.), стилистический макрокомпонент (главное для этого макрокомпонента – это функционально-стилистическая маркированность, которая регулируется фактами социального характера – она указывает на уместность/неуместность употребления идиомы в той или иной сфере коммуникации. Суммирование (синтез) информации, исходящей от всех макрокомпонентов фразеологизма, адекватно представляет семантическую структуру фразеологизма.

В нашей статье будут описаны оценочный и эмотивный макрокомпоненты, создающие амбивалентность фразеологизмов в прагматическом аспекте.

Оценочный компонент, повторяем, несёт информацию о ценности того, что отображено в денотативном содержании идиом. Формирование фразеологизмов происходит на базе некоторых исходных жизненных ситуаций (обиходно-бытовых, сентенциональных и даже алогичных). Буквальный план фразеологизма, буквальное прочтение его (сознательное или бессознательное – всё равно), а также образ («гештальт») фразеологизма – все это провоцирует эмоциональное и тем самым оценочное восприятие фразеологизмов. Так как фразеологизмы, как правило, образны, то их образование не может не сопровождаться качественной или количественной оценкой денотативного содержания. Например, в идиоме *не находить себе места* в сферу оценки попадают такие свойства денотата, как беспокойство, тревога, волнение человека и поведение его соответственно ситуации, рисуемой буквальным прочтением идиомы, что и вызывает оценку «считай, что это «плохо»; в идиоме *кровь с молоком* в сферу оценки попадают такие свойства денотата, как «здоровый», «краснощёкий» человек, что провоцирует оценку «считай, что это «хорошо».

«Оценка зависит от денотации» [1, с.74], денотативное содержание фразеологизма является основой создания оценочного отношения говорящего индивида, а этот последний соотносит свои оценки с ценностной картиной мира, установившейся в том языковом социуме, в котором живёт индивид и в котором протекает его мыслительно-речевая деятельность.

По отношению к денотативному содержанию идиом оценочный компонент занимает «последующее» положение: свойства обозначаемого – повод (мотив) для оценки, но не наоборот: оценка как бы надстраивается над денотативным содержанием, играя в семантической структуре идиомы роль сильного оценочного ореола и идиомы и всего высказывания, содержащего идиому.

Оценка имеет довольно сложную структуру. Исследователи отмечали прежде всего такие компоненты структуры оценки, как «эксплицитный или имплицитный субъект оценки, обозначающий лицо или социум, с точки зрения которого даётся оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также «точка отсчёта», включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы» [2, с.23].

Кроме этих основных компонентов структуры оценки, можно назвать ещё некоторые признаки, в частности, аспекты оценки, указывающие на признаки объекта, по которым он оценивается, оценочные критерии и мотивировки, классификаторы, указывающие на аспект оценки, различные интенсификаторы и деинтенсификаторы и т.п.

Фразеологизмы с оценочным значением связаны с ценностным картированием мира. Ценностная же картина мира определённого социума (в нашем случае – русского) включает набор и иерархию ценностей, выражающихся в оценках, предполагает наличие оценочных стереотипов и норм (что хорошо, что плохо), оценочной шкалы и ориентировки оценки. В целом аксиологию оценки можно представить в наборе следующих понятий: «ценность – явление внешнего или мыслительного мира, получившее наиболее позитивную оценку; оценка – акт человеческого сознания (закрывающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в

жизнедеятельности субъекта) и его результаты, которые закрепляются в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения; оценочный стереотип – устойчивая реакция на сходные ситуации (одобрение, осуждение, безразличие); норма – положение, соотносимое с позитивной оценкой социума и приписываемое предмету оценки его представителями; оценочная шкала – упорядоченное положение ориентиров оценки (ценностей, оценок, символов, образов, образцов, идеалов, норм, правил) относительно друг друга, регулирующее оценочную деятельность» [3, с.6-7].

Оценочный компонент идиомы так или иначе связан с информацией о ценности, которая отображается в денотации идиомы. При этом выражение оценки может осуществляться либо в нейтрально-логической норме, либо в экспрессивно-эмоциональной. Что касается фразеологических единиц, то в них оценка как правило выражается в экспрессивно-эмоциональной форме: см., например, *зарывать/зарыть талант в землю* – «губить, не использовать способности, природный дар (говорится с неодобрением)», такая денотация и эмотивность неодобрения вызывает оценку «считай, что это «плохо»»; *рвать (разрывать) на части* – «наперебой приглашать, просить, домогаться, не давая покоя (говорится с неодобрением). Подразумевается, что выполнить всё это одновременно невозможно, такая денотация (буквальное прочтение образной основы фразеологизма) и эмотивность вызывают оценку «считай, что это «плохо»»; *расти/вырасти в глазах кого, чьих* – «обретать высокую оценку в чьём-либо мнении, приобретать уважение (говорится с одобрением). Имеется в виду оценка какого-либо заслуживающего уважения поступка или ряда действий, такая денотация и эмотивность вызывают оценку «считай, что это «хорошо»».

Несмотря на казалось бы очень тесное соединение оценки и эмотивности фразеологизмов, они существенно различаются. Сопоставим их.

Оценка действует в контексте мнения, в диапазоне «хорошо – плохо». Оценочная шкала «хорошо – плохо» является основой той модальной рамки,

которую оценочность «задаёт» высказыванию. Оценку принято записывать в форме суждения о ценности, ей приписывается когнитивный маркер «считай, что это «хорошо»/«плохо», что объект оценки «хороший»/«плохой» или «больше»/«меньше» нормы, при этом приписывание оценки осуществляется по определённым признакам, выделяемым по определённому аспекту. Например, фразеологизм *выживать/выжить из ума* – «перестать соображать, здраво мыслить, поглупеть от старости (говорится с неодобрением)» в аспекте интеллектуальных способностей человека даёт негативную оценку («считай, что это «плохо») человеку по признакам глупости (поглупения), умственной недостаточности; фразеологизм *дубина стоеросовая* – «дурак, болван (говорится с пренебрежением)» в аспекте интеллектуальных способностей человека даёт негативную оценку («считай, что это «плохо») человеку по признаку полного отсутствия ума; фразеологизм *крыша едет/поехала*, у кого – «теряется способность здраво соображать и разумно действовать (говорится с неодобрением)» в аспекте интеллектуальных способностей человека даёт негативную оценку («считай, что это «плохо») человеку по признаку его способности думать и действовать и т.п.

Эмотивность действует в контексте чувства-отношения, в диапазоне «одобрение – неодобрение». Эмотивная шкала «одобрение – неодобрение» является основой той модальной рамки, которую эмотивность «задаёт» высказыванию. Эмотивность обязательно имеет ассоциативно-образное основание идиомы (не важно какое: зрительное, акустическое, «умозрительное» и т.п.) как стимул для появления эмоциональной реакции: без этого стимула эмотивность фразеологизмов не возникает, оценка не имплицитно чувств-отношений в диапазоне «одобрение – неодобрение». Эмотивному компоненту фразеологических единиц приписывается когнитивный маркер «испытай... одобрение / неодобрение / презрение / уничижение и т.п.». Эмотивный компонент фразеологизмов, как мы уже говорили, объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому.

Основное различие между оценкой и эмотивностью заключается в том, что оценка выносит приговор-мнение («считай, что это «хорошо/плохо»), а эмотивность говорит об одобрении/неодобрении (презрении, пренебрежении, унижении и т.п.) в эмоционально-окрашенном спектре («испытай... одобрение/неодобрение/презрение/унижение и т.п.»), имея под собой ассоциативно-образную мотивацию как эмотиогенный источник и стимул.

Оценочный компонент является данностью семантической компетенции говорящего, поскольку суждения о ценности связаны с ценностной «картиной мира». Ценностная картина мира создаётся обычно в определённом языковом социуме. С прагматической точки зрения здесь часто возникает очень сложная картина, связанная с тем, что в языке наличествуют оценки, выражаемые всеми говорящими в данном коллективе, а в речи могут быть оценки, выражаемые отдельной личностью и имеющие потому личностную окраску. Говорящий субъект, чтобы быть понятым членами того же говорящего коллектива, не может выйти за рамки принятой в данном обществе ценностной картины мира: быть понятым адресатом – это сущность коммуникативной ориентации речи. И тем не менее говорящий субъект часто в речи выражает свои оценки (имеет на это право!). Это создаёт тонкую прагматическую игру в употреблении фразеологизмов, приводя к амбивалентности оценки, выражаемой во фразеологизмах. Дело в том, что значение идиомы является результатом взаимодействия всех компонентов семантики: денотации, оценки, мотивации, эмотивности, стилистического компонента, вместе взятые они образуют сигнификат (план содержания). Сигнификат «закреплён узусом употребления за определённым звукорядом (планом выражения, соотносимым с сочетанием слов) и указывает на референциальный потенциал идиомы – знака (применительно к классу референтов – на его денотацию), т.е. на объективную действительность, и на прагматический потенциал знака, т.е. на включённую в знак интерпретацию обозначаемой действительности говорящим и/или слушающим» [4, с.20]. Именно интерпретация действительности, т.е. денотативного содержания идиомы, может быть различной со стороны как

говорящего, так и слушающего, при этом различная интерпретация одного и того же денотативного содержания может зависеть от Я-ТЫ-ОН-грамматики, от стратегических целей говорящего в данном речевом акте, от "сиюминутного" настроения говорящего и слушающего, наконец, от эмпатии актантов речевой ситуации. Ср., например, употребление фразеологизма *вешать лапшу на уши*. В целом в этом фразеологизме сообщается о том, что некто (лицо или социальный коллектив) сознательно вводит в заблуждение другое лицо (или социальный коллектив), распространяет некую ложную информацию как достоверную [4, с.20]. В этом фразеологизме ещё содержится сведение о том, что эта информация не только лживая, но примитивно лживая и что она внушается наглым и циничным образом (эта часть значения идиомы базируется на ассоциативно-образном прочтении «буквального» значения идиомы). В прагматическом аспекте выбор этого образного основания предопределяется необходимостью выразить рационально-оценочное отношение субъекта по моральному аспекту. Оценка «считай, что это «плохо» относится прежде всего к обману по поведенческому аспекту, к способу сокрытия истины и образу «затуманивать мозги» и т.п. А самое главное, что внутренняя форма этой идиомы, т.е. образ, «гештальт-структура» работает не только на создание объективного значения, но и выступает в качестве стимула для эмоциональной оценки или эмотивности. Содержание же эмотивности – «это отображение того состояния души, которое испытывает субъект речи, использующий идиому, и которое неслучайно в словарях выражается с помощью помет презр., пренебр., уничиж. и т.п.» [4, с.21]. Информация, исходящая от эмотивного компонента идиомы, способна выражать иллюкутивную силу, свидетельствующую о том, в какое состояние говорящий хочет привести адресата, а также и третье лицо. Отсюда в речи возникает амбивалентность в употреблении идиомы или эмотивная полисемия, т.е. возможность одной и той же идиомы выражать в речи различные эмотивные отношения. См., например, «*Средства массовой информации опять вешают народу лапшу на уши*» (пример взят из разговора) – это осуждение за пренебрежение к народу; «*Что ты мне лапшу на уши*

вешаешь?» – обвинение за пренебрежительное отношение; *«Зачем ты ему лапшу на уши вешаешь?»* – осуждение говорящим своего партнера, по диалогу за пренебрежение к третьему лицу (ему), к которому говорящий относится сочувственно. Другой пример: **тёртый калач**. В словарях значение этого фразеологизма обычно определяется как «об опытном, бывалом человеке, которого трудно обмануть». В речи же этот фразеологизм приобретает различные прагматические характеристики в зависимости от ситуации речи, пресуппозиций речевого акта и т.п. *«Впрочем, Виктор говорит только то, что теперь говорит целый город, – прибавил Верёвкин. – Как тёртый калач могу вам дать один золотой совет: никогда не обращайтесь внимания на то, что говорят здесь про людей за спиной»* (Мамин-Сибиряк, «Приваловские миллионы»); здесь одобрительное признание своей опытности говорящим субъектом. *«Ай да старик Кутузов! Поддел Бонапартия, как ни хитрил француз! – Михайло Ларивоныч – тёртый калач: он и турка объегорил!»* (Л.Раковский, «Кутузов»); здесь одобрение, похвала, исходящая от говорящего субъекта, третьему лицу (Кутузову). *«Хорошо, что ты попал в нашу сотню, тут у тебя и брат и я... Я, паря, не хвастаясь скажу, что калач я тёртый»* (К.Седых, «Отчий край»); здесь похвала говорящим самому себе, самореклама. *«Филиппов не из мелочей, царю он стряпал торты, жирел с продажи калачей и сам калач был тёртый»* (В.Маяковский); здесь ирония по отношению к Филиппову. Ещё пример: **Филькина грамота** – «фальшивый или не имеющий силы документ». По своему происхождению этот фразеологизм обязан Ивану Грозному, который во время царствования преследовал московского митрополита Филиппа, выступавшего против бесчинств царя: царь презрительно называл разоблачительные послания митрополита Филькиными грамотами. Филька – глупый, недалекий человек. В речевых актах этот фразеологизм может вызвать различные прагматические характеристики. См. *«Это не документ, а филькина грамота, – с возмущением / гневом / недовольством / пренебрежением... сказал он»*. Однако в этом последнем случае, кажется, невозможно изменить эмотивный знак «минус» на «плюс»:

оценочно-эмотивная характеристика фразеологизма в любом случае остается в границах «неодобрительного» и «плохого».

Амбивалентность оценочно-эмотивной характеристики фразеологизма происходит по причинам того, что у него есть способность нести информацию об иллокутивной силе и что эта информация в любом случае зависит от структуры речевого акта. Информация же об иллокутивной силе – «это результат «внедрения» в значение того чувства-отношения (как состояния души), которое в конечном счете и регламентирует выбор идиомы [5, с.21].

В заключение наших рассуждений об амбивалентности фразеологических единиц скажем, что семантика и оценочного и эмотивного компонентов адекватна их прагматическому статусу. Как пишет Е.Д.Арутюнова, аксиология «гуманизирует» объективное: последнее, получая знак «+» или «—», который и становится темой сообщения, теряет объективный статус, поскольку оценочные предикаты сами по себе уже обладают иллокутивной силой [1, с. 26]. Значение оценочного компонента обычно представляют в виде суждения «говорящий считает, что... это «хорошо» или «плохо» («хороший» или «плохой»), из которого видно, что оценка «охватывает» всё суждение, выраженное предложением с фразеологизмом, содержащим оценку. В речи, таким образом, объективное содержание (общезыковое, узуальное) перекрывается субъективным. В этом заключается механизм взаимодействия между объективным и субъективным, механизм сугубо прагматический, предполагающий обязательное «участие» говорящего субъекта. Прагматическая сущность оценочной деятельности выражается, таким образом, в том, что обозначаемые оценочно маркированных фразеологизмов (а оценочно маркированы практически все фразеологизмы-идиомы) не могут быть объединены в классы, поскольку признаки денотативного содержания здесь являются не существенными для собственно интенциональной семантики оценки: не существует класса «тёртых калачей», «старых воробьёв», «стоеросовых дубин» и т.п., но любой человек может быть квалифицирован как тёртый калач, старый воробей, дубина стоеросовая и т.п. И многие

фразеологические единицы (например, *тертый калач*, *старый воробей*) в различных прагматических условиях употребления обнаруживают часто очень широкую амбивалентность, оценочно-эмотивную полисемию, свидетельствуя об исключительно богатом прагматическом потенциале фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. От образа к знаку. // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988.
2. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков). Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград. 1997.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
4. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., «Наука». 1991.
5. Телия В.Н. Активные зоны в Автоматизированном толково-идеографическом словаре русских идиом (система АТИСИ) // Лингвистическая прагматика в словаре. Виды реализаций и способы описания. Сб. статей. СПб, 1997.

Н.Г.Архипова

*Амурский государственный университет
г.Благовещенск*

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЗДОРОВЬЕ» – «БОЛЕЗНЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В современной гуманитарной науке проблема этнического самосознания как важного элемента этнического определения нации остается актуальной. Одним из ключевых понятий, с помощью которого в настоящее время моделируется «культурное самосознание» наций, является термин «картина мира». «Картина мира – это образ мира, лежащий в основе мировидения человека, выступающий в качестве регулятива жизнедеятельности, проявляющийся в поведении человека» [1, с. 3].

Поскольку картина мира, в том числе и языковая, является фундаментальным понятием концепции человека, выражая специфику его существования в сложных взаимоотношениях с собой и с окружающим миром,

то наиболее целесообразным представляется ее изучение с антропоцентрической точки зрения, то есть через национальную языковую личность, которая при таком подходе понимается как «индивид или коллектив, пользующийся языком как базовым каналом коммуникации» [2, с. 26].

Парадигма современного лингвистического знания демонстрирует органический синтез подходов к языку, объединенных антропоцентризмом. «Синтез когнитивного и коммуникативного исследования явлений языка стал определяющим в изучении важнейших моментов существования языка – от его природы и функционального назначения, – до принципов внутренней организации» [3, с.101].

Цель работы состоит в определении характера актуализации и функционирования концептов «Здоровье» и «Болезнь» в языковом сознании носителей современного русского языка с определением ядерных и периферийных смыслов окультуренных понятий.

Для достижения поставленной цели исследуется комплекс семантических элементов, из которых складывается система представлений о болезни и здоровье.

Материалом исследования послужили лексикографические данные с эксплицитным представлением концептов в тематических группах «Здоровье» – «Болезнь», а также результаты социолингвистического эксперимента, направленного на изучение того, как отражаются социальные факторы на семантике общеупотребительных слов.

В традиционной народной культуре здоровье – ценность высшего порядка, естественное и искомое состояние человека. В обрядовой системе – объект оберегающей магии (напр., заговоры на сохранение здоровья); категория, противопоставленная болезни и смерти, основа благополучия, условие вступления в брак и продолжения рода. Здоровье сравнивают с богатством и ставят его превыше всего остального: *Здоровью цены нет. Было бы здоровье, а остальное приложится. Здоровье – лучшее богатство.* Представлением о здоровье как о самом важном условии жизнедеятельности человека объясняется включение пожелания здоровья в традиционные бытовые приветствия:

Здравствуйте, Будьте здоровы, Здравия желаю.

Положение о том, что болезнь как некоторая субъективная реальность, вовлеченная в систему культурных представлений, не сводится к натуральным событиям организма, не нуждается в настоящее время в особых доказательствах [4, с.95]. В традиционной народной культуре болезнь предстает, главным образом, как мифологический персонаж, внешний и чужеродный. Объяснение строится от противного. Заболевание противопоставляется нормальному, здоровому состоянию как нечто такое, что не свойственно человеку, привнесено извне и от него не зависит. Болезнь – это неуправляемое явление, обладающее независимой от человека собственной активностью. Болезнь проявляется в качестве самостоятельного объекта, происхождение которого требует объяснения в соответствии с принятой картиной мира. Такие представления существенно отличаются от логики научного познания и общей культурной пресуппозиции относительно источника и причин болезни. Однако диалектные высказывания и заговоры от болезни говорят о сохранении фрагментов архаичных мифов о болезни как об антропоморфном или зооморфном (но при этом наделенном человеческими признаками) существе, наиболее полный набор смысловых признаков которого выявляется на морфологическом (внешний облик болезни, атрибуты), языковом (названия болезни, имена собственные, эпитеты), акциональном (действия, функции и связанные с ними акустические проявления, модусы, локативные и темпоральные характеристики) уровнях [5, с. 86-88].

Концепт актуализируется в тексте. Культурнозначимые единицы, имея высокий показатель частотности употребления, обязательно фиксируются в национальном словарном фонде. В связи с этим в наши задачи входит исследование лексикографической репрезентации концептов «Здоровье» и «Болезнь» с целью определения их культурной значимости, с одной стороны, и выявления принадлежности к определенному типу культур, с другой.

В Частотном словаре под ред. Л.Н.Засориной [6] наибольшей частотностью в тематической группе «Болезнь» обладают лексемы «больной»

(индекс общей частотности (kh – 134), «болезнь» (kh – 92), «болеть» (kh – 77), «больно» (kh – 83). Наименьшая частотность характерна для лексем «болезненный» (kh – 17), «болезнетворный» (kh – 1), «больница» (kh – 47), «больничный» (kh – 3). В тематической группе «Здоровье» наиболее частотны лексемы «здоровье» (kh – 108), «здоровый» (kh – 89), «здравствовать» (kh – 215), наименее частотны – «здоровенький» (kh – 2), «здоровяк» (kh – 2), «здравие» (kh – 23), «здравомыслие» (kh – 1), «здравомыслящий» (kh – 2). Наиболее частотные лексемы обеих тематических групп входят в первую сотню полнозначных лексем частотного списка, что говорит об актуальности значения и употребления единиц у носителей языка.

Исходя из анализа данных словарных статей лексем *здоровый* – *больной* в толковых словарях русского языка [7, 8, 9, 10], можно сделать вывод о том, что лексема *здоровый* во всех лексикографических источниках представлена одинаково, а именно, *здоровый* как «обладающий здоровьем, не больной». В толковом Словаре языковых изменений конца XX века под ред. Г.Н.Скляревской лексема *здоровый* не представлена, что свидетельствует о том, что в течение XX века не произошло изменения лексического значения слова.

Что касается лексем *больной*, то она одинаково толкуется в словарях С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой и В.И.Даля. Ср.: Больной – «пораженный какой-нибудь болезнью, свидетельствующий о наличии болезни». В словаре В.И.Даля представлен синонимический ряд с доминантой *больной*: *больной* – *немогущий* – *нездоровый* – *немогущий* – *хворый* – *недужный* – *хилой* – *скорбный* – *болеющий* – *хворающий* – *одержимый какой болезнью, болью*. Напр.: *Больному все горько. Больная жена мужу не мила. Не рад больной и золотой кровати* [7, с.171]. В словаре под ред. Г.Н.Скляревской указано новое значение лексем: Больной – «находящийся в упадке, в глубоком кризисе (об экономике, обществе и т.п.)» [10, с.87]. Таким образом, речь идет о расчленении лексического значения слова, дальнейшем развитии полисемии (что подтверждает мнение о дробном и конкретном представлении негативного,

противопоставленного норме опыта в языковой картине мира). В этом аспекте справедлива мысль о том, что «поскольку с течением времени может измениться роль какой-либо реалии в общественной практике языкового коллектива, постольку в значении слова, именующего эту реалию, также могут произойти изменения, т.е. семантика слова всегда социально обусловлена» [11, с. 114].

В словаре синонимов русского языка под ред. А.П.Евгеньевой [12] представлен следующий синонимический ряд: *больной: нездоровый – немощный – хворый (прост.) – недужный (прост.)*, – т. е. «страдающий какой – либо болезнью». *Больной и нездоровый* употребляются при обозначении как временного, так и хронического состояния болезни, болезненности всего организма, а также какого-либо органа (*больная рука, нога, больной глаз*.) *Немощный* как «изнуренный болезнью, больной и слабый», *недужный* (устар.) как «тяжелобольной». *Хворый* – слово обиходно-бытовой речи, употребляется только при характеристике общего состояния организма. Синонимический ряд с доминантой «здоровый» в словаре не приведен.

В словаре З.Е.Александровой [13] представлены оба синонимических ряда с доминантами *больной и здоровый*. Все синонимы с доминантой *больной* можно определить как «страдающий чем». У данного слова выделяются следующие синонимы: *болящий (прост.) – скорбный – недужный (уст. и обл.) – нездоровый*. О безнадежно больном человеке говорят: *стоит на краю могилы, не жилец (на этом свете), еле дышит, на ладан дышит, много не надышит (прост.)*.

Синонимический ряд с доминантой *здоровый* представлен такими лексемами, как *крепкий – цветущий – пышущий здоровьем – ядреный (разг.) – здоровенный (прост.)*.

В Идеографическом словаре русского языка О.С.Баранова [14] тематическая группа «Здоровье» включает 101 лексему. Семантического поля «Болезнь» в словаре нет. Анализ материала подтверждает мысль о том, что одним из ядерных концептов русской языковой картины мира является концепт

«Здоровье», причем концептуализация лексемы *болезнь* осуществляется в самой тематической группе «Здоровье» через лексемы группы «Нездоровье».

Сущность концепта «Здоровье» раскрывается через такие понятия, как *целостность, прочность, выносливость*, т.е. человек включается, с одной стороны, в систему неживых объектов мира (ср., *целостность, прочность вещества: рожь – красней кирпича; сухое дерево дольше скрипит; ты как заржавленный гривенник*), и тем самым подчеркивается физический аспект здоровья.

С другой стороны, «здоровье» – качество, присущее только человеку как высшему существу. Это проявляется в значении лексем *выдержка, стойкость*. Так демонстрируется морально-психический аспект концепта «Здоровье». В сознании носителя языка человек также включается в мир других живых существ, имея такие качества, как *выносливость, сила* (ср., *выносливость лошади, осла и т. п.; здоров, как медведь; как бык; как лошадь; шея, как у быка.*).

Таким образом, человек является связующим элементом между миром живой и неживой природы. Схематически это можно представить следующим образом:

- Здоровый человек
- I. Здоровый человек как психическое существо:
выдержка, стойкость. Напр.: В здоровом теле – здоровый дух.
 - II. Здоровый человек как физиологическое существо:
полон сил, двухжильный, семижильный, выносливый, ноги несут, живой, сильный. Напр.: Растет как на опаре. Подкову в руках переломит. Камень в руках сожмет – вода потечет.
 - III. Здоровый человек как физический объект:
Крепкий, цветущий, кровь с молоком, свежий, закаленный. Напр.: Здоровый: кровь с молоком. Нескладно скроен, да крепко шит.

Лексемы *здоровье* и *болезнь* образуют антонимическую пару. Это проявляется не только через противопоставление значений самих слов, но и через представление в идеографическом словаре таких понятий, как *слабость*, *истощение*, *старость*. Больным может быть человек от рождения: *сморчок*, *некрепкий*, *хилый*, *чахлый*. Болезненное состояние может быть приобретено в течение жизни: *истощенный*, *изможденный*, *расстроиться*, *расстроить здоровье*, *чахнуть*. В тематической группе «Болезнь» актуализируются лексемы, обозначающие неизбежную старость: *старые кости*, *маразм*, *рутина* и т.д. Т.о., человек либо рождается с болезнью, либо приобретает ее в течение жизни. Болезнь всегда сопровождает старость.

Несмотря на антонимичность значений ядерных лексем, в идеографическом словаре концепты «Здоровье» и «Болезнь» представлены в отношениях гиперонима к гипониму, т.е. «Болезнь» («Нездоровье») во всех случаях актуализируется через лексемы тематической группы «Здоровье»: нездоровье – «отсутствие здоровья, т.е. болезнь». В процессе концептуализации в большей степени по сравнению с другими признаками актуализируются физический, физиологический и психологический аспекты понятий *болезнь* и *здоровье*. Схематически это можно представить следующим образом:

ЗДОРОВЬЕ			
Здоровье	Нездоровье		
1. <i>целостность</i> -здоровствовать, здороваться, мочься (прост.)	<i>слабость:</i> -бессилие -хилость	<i>истощение:</i> -измождение -изнурение	<i>старость:</i> -руина -развалина
2. <i>прочность</i> пока ноги носят (прост.), полон сил, здоровый, крепкий, цветущий, сильный, кровь с молоком	-немоощь -тщедушие -мозгляк -заморыш -сморчок	-изможденный -изнуренный -истощенный -надрыв -надлом	-маразм -песок сыплется -выжить из ума -впадать в детство
3. <i>выносливость</i> здоровье так и прет, полное здоровье, здороветь, свежить, крепнуть (окрепнуть)	-сосуд скудельный (уста.) -соплей перешибешь (прост.)	-надорвать,-ся -подорвать -надломить -надсадить -надсесться -расстроить,-ся (расстроить здоровье)	
4. <i>польза</i> ожить воскреснуть воспрянуть целебный целительный живительный ожить	-слабый, слабосильный, малосильный, маломощный -некрепкий -бессильный -хилый	-надрыв -надлом -надорвать,-ся -подорвать -надломить -надсадить -надсесться -расстроить,-ся (расстроить здоровье) -расшатать,-ся -истрепать,-ся -расклеиться -чахнуть -хиреть	

воскреснуть воспрянуть целебный целительный живительный 5. <i>стойкость</i> закаленный стойкий 6. <i>выдержка</i> двужильный семижильный	-немошный -тщедушный -мозглявый -чахлый -хлипкий -квельый -мдащий -дохлый -худосочный -изуплый -слабогрудый -недоразвитый	-хилеть -слабеть -слабнуть -ослабевать -изнемогать -вянуть -увядать -гаснуть -угасать -таять (// на глазах) -ослабеть -ослабнуть	
--	--	--	--

В рамках настоящей работы проведено социолингвистическое исследование, цель которого – выявить содержание концептов «Здоровье» – «Болезнь» в языковой картине мира современных носителей русского языка. В эксперименте приняло участие более 100 человек обоего пола. Возрастная категория участников – люди от 12 до 70 лет. Эти рамки обусловлены тем, что рефлексиям о здоровье и болезни подвержены и молодые и пожилые. Цель исследования – определить сходства и различия в структуре концептов «Здоровье» – «Болезнь» на уровне современного языкового сознания, проявляющегося в разговорной речи. Вслед за Л.А.Грузберг, мы считаем, что «в языковом сознании определенного социума слова связываются прежде всего с теми чертами, признаками, сторонами, аспектами обозначаемой реалии, которые наиболее существенны для жизненной практики, трудовой деятельности данного коллектива» [11, с.114]. Задача участников эксперимента состояла в том, чтобы ответить на вопрос «Что вы понимаете под здоровьем и болезнью? Попытайтесь дать определение этим понятиям». Дифференциация респондентов по полу не проводилась, так как нами не обнаружено принципиальной разницы в толковании понятий *здоровье* и *болезнь* у мужчин и женщин.

Результаты эксперимента обобщены в таблицах и выводах.

Таблица 1 – Актуализация признаков концепта «Здоровье»

Возраст информантов	Аспекты здоровья	Реализация аспектов здоровья
12-14 лет	Моральный	бодрость, <u>хорошее настроение*</u> , <u>радость</u> , <u>веселье</u> , <u>жизнерадостность</u> , храбрость;
	Физический	<u>сила</u> , отсутствие повреждений, большой размер, крепость, <u>красота</u> ;
	Духовный	влюбленность.
17-22 года	Физический	отсутствие боли, хороший сон, <u>сила</u> , <u>красота</u> ;
	Моральный	крепкие нервы, <u>жизнерадостность</u> ;
	Духовный	сильный дух;
	Умственный	способность мыслить.
30-40 лет	Физический	<u>красота</u> , <u>сила</u> , выносливость, плодовитость, трудоспособность;
	Моральный	независимость, стойкость, <u>жизнерадостность</u> , ощущение счастья.
50 лет и старше	Физический	хорошее самочувствие, работоспособность, активность, <u>сила</u> , <u>красота</u> , энергичность;
	Моральный	уверенность в себе, <u>жизнерадостность</u> , <u>веселость</u> .

Представленные данные позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, в обыденном сознании носителей языка здоровье выступает как многоаспектное явление. В полной мере характеристики здоровья реализуются в показателях языкового сознания молодых людей 17-22 лет (физический, моральный, духовный, умственный критерии) и подростков (моральный, физический, духовный критерии). Можно отметить, что подростки, в отличие других групп опрашиваемых, в первую очередь, фиксируют моральные ощущения здоровья, проявляющиеся в таких характеристиках, как бодрость, хорошее настроение, радость, веселье, жизнерадостность, храбрость. Остальные в качестве ведущего критерия выделяют физическое ощущение здоровья: силу, отсутствие повреждений,

* Подчеркиванием обозначены совпадающие семы значений при толковании лексем лицами всех возрастных групп

большой размер, крепость, красоту, отсутствие боли, хороший сон, выносливость, плодовитость, трудоспособность, хорошее самочувствие, активность, энергичность. Только молодые люди 17-22 лет в качестве одного из критериев здоровья назвали здравость ума, что, как нам кажется, обусловлено спецификой деятельности этой группы – учащиеся и студенты – их направленностью на познавательную деятельность.

Во-вторых, если подростки и молодые люди акцентируют внимание, главным образом, только на состоянии организма (красота, сила, выносливость), то представители более старшего поколения говорят и о функциональной стороне здоровья (трудоспособность, работоспособность, активность, бодрость). Женщины репродуктивного возраста, в отличие от остальных групп опрошенных, называют плодовитость (способность иметь детей) одним из важных критериев здоровья.

В-третьих, проанализировав данные опроса, мы можем сказать, что, несмотря на разницу в актуализации семантических признаков лексемы *здоровье* в разных возрастных группах, все же выделяются универсальные признаки, зафиксированные в анкетах опрошенных всех возрастных групп, такие как сила, красота, жизнерадостность. Можно считать, что они образуют ядро концептуального значения лексемы.

Таким образом, в наивном сознании носителей языка здоровье представляется ощущением, главным образом, физического и морального характера, проявляющимся в таких категориях, как сила, красота, жизнерадостность.

Таблица 2 – Актуализация признаков концепта «Болезнь»

Возраст информантов	Аспекты болезни	Реализация аспектов болезни
12-14 лет	<p>Физический:</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>самоощущения</i> - <i>внешнее состояние человека</i> - <i>состояние тела</i> 	<p><u>плохое самочувствие, слабость, недомогание;</u></p> <p>плохая внешность, хилость, маленький рост, худоба;</p> <p>повреждение организма;</p>

Возраст информантов	Аспекты болезни	Реализация аспектов болезни
	<p><i>- явные симптомы</i></p> <p>Атрибутивный</p> <p>Причинный</p> <p>Моральный</p>	<p>кашель.</p> <p><u>лекарства</u>, лечение в больнице.</p> <p>питье водки, курение, несоблюдение правил гигиены.</p> <p>хандра, отсутствие настроения</p>
17-22 года	<p>Физический:</p> <p><i>- самоощущение</i></p> <p><i>- внешнее состояние человека:</i></p> <p><i>- состояние тела</i></p> <p><i>- явные симптомы</i></p> <p>Духовный</p> <p>Моральный</p> <p>Атрибутивный</p> <p>Темпоральный</p> <p>Нравственный</p> <p>Социальный</p> <p>Психологический</p>	<p><u>плохое самочувствие, слабость, недомогание;</u></p> <p>ужасный вид, бледность лица, грустные глаза;</p> <p>нарушение функций какого-либо органа;</p> <p>боль, страшная боль.</p> <p>душевная боль</p> <p>отсутствие интереса к окружающему миру</p> <p><u>запах лекарств</u>, больница</p> <p>старость</p> <p>обязательность поддержки окружающих, требование внимания и заботы</p> <p>разного рода проблемы</p> <p>неуравновешенность, раздражительность</p>
30-40 лет	<p>Физический:</p> <p><i>- самоощущение</i></p> <p><i>- внешнее состояние человека</i></p> <p><i>- внешние проявления</i></p> <p>Физиологический</p> <p>Моральный</p> <p>Социальный</p>	<p><u>слабость</u></p> <p>некрасивость</p> <p>слезы, нытье</p> <p>смерть</p> <p>крушение планов, безысходность, депрессия, апатия, подавленность</p> <p>пассивность, беспомощность, немощность</p>
50 лет и старше	<p>Моральный:</p>	<p>плохое настроение, моральный кризис, удрученность, подавленность, отсутствие радости</p>

Возраст информантов	Аспекты болезни	Реализация аспектов болезни
	<p>Волевой</p> <p>Физический: - <i>самоощущения</i> - <i>внешнее состояние человека</i> - <i>внешние проявления</i></p> <p>Социальный</p> <p>Нравственный</p> <p>Ассоциативный</p>	<p>терпение, преодоление боли</p> <p><u>слабость</u>, вялость;</p> <p>плохой внешний вид;</p> <p>плаксивость.</p> <p>денежные затруднения, обуза для семьи, потеря трудоспособности, немощность</p> <p>хитрость</p> <p>беда</p>

Представленные в таблице 2 факты позволяют сделать следующие заключения.

Во-первых, в сознании носителей языка болезнь, как и здоровье, выступает многоаспектным явлением. В полной мере характеристики *болезни* реализуются в показателях языкового сознания молодых людей 17-22 лет (физический (самоощущения, внешнее состояние человека, состояние тела, явные симптомы), духовный, моральный, атрибутивный, темпоральный, нравственный, социальный, психологический аспекты) и пожилых людей старше 50 лет (моральный, волевой, физический, социальный, нравственный и ассоциативный аспекты). Объяснить это можно повышенным интересом представителей данных возрастных групп к вопросам здоровья и, следовательно, болезни. В первой и третьей группах (12-14 лет и 30-40 лет) представления о болезни менее расчленены, и, главным образом, выделяются физические и моральные ощущения болезненного состояния. Это объясняется психологическими и социальными факторами: для представителей первой группы рефлексии по поводу недугов не являются актуальными, а члены третьей возрастной группы являются социально активной частью населения, вовлеченной в процесс производства, где концентрация внимания личности на

проблемах здоровья социально порицается. Т.е. «в сознании человека со словом связываются прежде всего те признаки именуемой этим словом реалии, которые важны с точки зрения общественной практики» [11, с. 117].

Во-вторых, любопытно заметить, что с приобретением жизненного опыта человек частично изменяет свое восприятие болезни. Так, подростки акцентируют свое внимание, главным образом, на физических проявлениях болезни: самоощущениях, внешних признаках, явных симптомах, а люди пожилого возраста, в первую очередь, выражают свое отношение к болезни как к моральному и социальному злу.

В-третьих, проанализировав данные опроса, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на разницу в актуализации признаков болезни в разных возрастных группах, все же выделяются такие ее абсолютные признаки, как ощущение слабости, недомогание, плохой внешний вид, отсутствие настроения, немощность, потеря трудоспособности.

Таким образом, в сознании современных носителей языка болезнь – это дисгармония человеческих ощущений, проявляющаяся чувством физического, морального и социального дисбаланса, выраженного в таких признаках, как слабость, недомогание, плохой внешний вид, отсутствие настроения, немощность.

Обобщая результаты исследования можно сказать, что понятия *болезнь* и *здоровье* входят в концептосферу коллективной языковой личности. Сущность отношений между концептами проявляется в противопоставленности физических и моральных ощущений названных состояний, что дает нам право считать ее бинарной оппозицией морально-физиологической сферы. Однако несмотря на то, что часть информантов и отмечает бинарность концептов, можно определить ряд понятийных несовпадений. В этом случае лучше подчеркнуть то, что болезнь и здоровье представляют собой единство. При характеристике признаков здоровья не отмечаются его социальный, духовный, атрибутивный, темпоральный, нравственный и психологический аспекты, которые актуализируются при характеристике болезни. Таким образом, болезнь

представляет собой систему более широких представлений, чем здоровье, и является злободневным явлением для человека по причине своей ненормативности. Носители современной культуры не персонифицируют ни болезнь, ни здоровье, а представляют их лишь как ощущения (что принципиально отличает современное ментальное восприятие от восприятия, закрепленного в фольклорном тексте).

Таким образом, абстрактное имя, имея понятийную дефиницию в толковом словаре, в речи способно вызывать рефлексии о целом ряде различных признаков, часто не сводимых к лексикографическому толкованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И. Языковая картина мира // Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников всероссийской школы молодых ученых. Томск, 2000. С. 3 – 9 .
2. Дубов Н.Г. Феномен менталитета: психоанализ // Вопросы психологии. Уфа, 1993. С. 20 - 29.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2-х тт. М., 1995. Т. 2.
4. Николаева В.В. Психологические аспекты рассмотрения внутренней картины болезни // Психолонические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии. Л.: «Медицина», 1976. С. 95 – 98.
5. Архипова Н.Г. Концепт болезнь в русских говорах Приамурья // Вестник АмГУ. 2002. № 16. С. 83 – 88.
6. Частотный словарь русского языка /Под ред. Л.Н.Засориной. М., 1977.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка . М., 1981.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. М.: ОГИЗ. Т. 1, 1935.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Российская Академия Наук», 2003.
10. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия /Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.
11. Грузберг Л.А. К социолингвистическому описанию семантики слова. // Семантическая структура слова. Сборник научных трудов. Кемерово, 1984. С. 114-120.
12. Словарь синонимов русского языка. В 2-х тт. /Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО Изд-во «Астрель». Т. 1, 2001.
13. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык: «Медиа», 2003.
14. Идеографический словарь русского языка /Под ред. О.С. Баранова. М.: Наука, 1995.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПУБЛИЦИСТА В.ПЕСКОВА

В изучении языковой личности лингвокогнитивный, тезаурусный уровень (лексикон) занимает важное место. Именно с возможности индивидуального выбора, с личностного предпочтения одного понятия другому и начинается языковая (речевая) личность. В качестве единиц этого уровня рассматриваются обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия – концепты. На сегодняшний день концептуальный подход к анализу сущностных характеристик языковой системы личности получил широкое распространение [1–6]. Важно отметить, что этот же подход лежит и в основе многих работ, посвященных изучению языковой картины мира того или иного субъекта речи [7, 8]. В качестве основных концептов мы выбираем те, которые автор публицистического текста открыто декларирует для себя и для других людей – читателей. Последнее особенно важно, т.к. в этом проявляется социальная сущность выступлений очеркиста.

Одним из основных лейтмотивов в творчестве В.Пескова является идея *радости*. В данной статье мы подробно остановимся на анализе концепта «Радость» и соотносимых с ним понятий в очерках публициста, так как сам очеркист особо выделял этот концепт в своем творчестве. Одну из авторских сентенций «*Всякое проявление жизни дает ощущение радости бытия*» можно поставить в качестве эпиграфа к той части его творчества, которая посвящена природе, то есть ко всем проанализированным нами очеркам журналиста в рубрике «Окно в природу» (газета «Комсомольская правда»).

Любая лейтмотивность свидетельствует о целостности творческого мира автора, особенно лейтмотивность тем, проблем, образов. Словесная же лейтмотивность особым способом цементирует каждое конкретное произведение, связывает между собой разные произведения. Под словесным

лейтмотивом мы понимаем «повторяющийся элемент поэтики произведения (текстуальный эквивалент, языковая манифестация), который отличается смысловой значимостью и характеризуется смысловым приращением в маркированном отрезке текста» [9]. Понятие радость характеризуется двумя основными параметрами: это соотнесенность с самим чувством радости и с теми качествами предмета или объекта, которые вызывают чувство радости.

К словам, обобщающим чувства радости, относятся общие аксиологические оценки, языковые элементы, выражающее общее настроение, эмотивные состояния (в данном случае позитивные) субъекта речи: «В лесу *хорошо* ходить всяко: ватагой – аукаться, собирая грибы, и петь под гитару у костра песни; вдвоем, когда локтем толкнешь спутника, и он без слов понимает *общую радость*. И одному *хорошо!*» (Радость на птичьих крыльях); «А сколько *радости* дают человеку чистые воды бегущих горных ручьев и речек, зеркальная вода озер, обрамленная кувшинками и пахучими травами. Человек, выраставший возле воды, уносит из детства *самые радостные впечатления*» (Обыкновенное чудо); «Этот особый, прогретый солнцем плодоносящий мир – *радость* для путника, утомленного равнинной степной дорогой» (Грушевый лес); «Наибольшее *удовольствие* доставили нам медведи и волки, живущие вместе» (Волки просили хлеба). В этих примерах языковой манифестацией чувства радости являются общие аксиологические оценки: *хорошо*, *самые радостные впечатления*, эмотивные состояния *радость*, *удовольствие*. Во многих высказываниях В.Пескова к языковым элементам, выражающим это чувство, добавляются те характеристики объектов, которые вызывают эти состояния: «Встретить свиристелей и снегирей в заснеженном лесу или парке – на весь день *радость*. *Ничто не украшает* зимний мир *лучше*, чем кисти рябин и две эти *очень нарядные* птицы» (Боярышня); «Более часа я просидел *очарованный* комарами, *нежными* златоглазками, жуками черными и ярко-красными или как будто кованными из вороненой стали» (Мир Гребенникова). Текстовым эквивалентом радости в данных примерах является причастие

очарованный, выражающие радость характеристики: *очень нарядные* птицы, *нежные* златоглазки.

Радостью окрашено в очерках В.Пескова восприятие не только видимых, приятных для глаз явлений, но и слышимого мира: «Киньте камешек на тонкий, недавно образовавшийся на пруду лед и вы услышите череду замирающих звуков: тек-тек-тек... Вот он первый урок звуковой *радости*. А как развито чутье и как *приятны* сочетания песенных звуков птиц!... Даже барабанная дробь дятла по дереву заставляет остановиться и прислушаться *с радостью*» (Чарующий звук). Радостными впечатлениями характеризуются и более обобщенные, и даже абстрактные явления: «*Первые дни* в октябре были *волшебными*» (В гостях у лесничего); «На свет моего фонарика летели мохнатые бабочки. В сухой траве гремели кузнечики. Через тропинку прыгали жабы. И в темноте в ивняках журчала вода... *Благословенный август!*» (Август благословенный).

Интересно отметить, что к объектам природы, способным очаровывать и радовать человека, В.Песков относит не только животных и растения, но и такие явления неживой природы, как камни: «Посмотрите на эти камни. Игрою ветров и воды за многие годы создано *чудо. Чудо!*» (Памятники природы). А иногда даже и не явления природы, а какие-либо диковинные детали пейзажа: «*Радость* была немаленькая, когда в глубокой долине, заросшей непролазным шиповником и еще каким-то цветущим кустарником, мы увидели древний каменный дом с колесом на боку. Мельница!»; «Водяные мельницы стали представляться мне вымершими мамонтами. И вдруг одну из них обнаружил я на брянской земле. Это был *праздник*» (И ветра шум, и шум воды). Очеркист называет подобные явления «изюминками» и призывает журналистов находить их и рассказывать о них читателям.

Спектр радостных человеческих переживаний в очерках В.Пескова широк. *Счастье, восторг, радость, удовольствие, наслаждение, очарованный, чудо, волшебный, благословенный* являются словами, в которых семя радости проявляется наиболее интенсивно. Есть примеры менее интенсивных

переживаний: «Мы видим ее (интимную жизнь животных – М.К.), сидя на мягком диване за чаем. В сознании нашем остается *теплое чувство*»; «И было на душе *хорошо и тепло*» (Радость на птичьих крыльях), «Сурикаты хорошо приручаются, очень *забавны* при жизни в доме, и местное население держит их иногда вместо собак и кошек как *исключительно приятных животных*» (Часовые пустыни). В этих предложениях интенсивные впечатления: *хорошо и исключительно приятные* дополнены менее интенсивными: *забавны, теплое чувство*. В некоторых случаях автор использует названия позитивных реакций, не содержащих эту сему, но и эти авторские высказывания создают у читателя положительные впечатления: «Все, кто видел сурикат, проникаются к ним *уважением. Смелые, любознательные, дружные, трудолюбивые*, они обитают в местах, не слишком благоприятных» (Часовые пустыни). «Заразиться *бы* нам *мудростью*, а не безумием!» (Памятники природы). Слова *мудрость* и *уважение* являются квалификаторами не эмоциональных характеристик личности, а интеллектуальных. Однако благодаря своему высокому положительному потенциалу они способны в данном контексте возбуждать эмоциональные чувства.

Многие свои творческие идеи автор воплощает через метатексты, включенные в авторское повествование. Идея человеческой радости в ответ на радость животных нашла свое отражение в чужом тексте. В очерке «Медовая западня» герой – таежный житель Ерофей – почти умирает от голода, но не убивает рябчика только из-за того, что «так *весело, хорошо* было ему глотать березовые почки». Увидев этого рябчика на следующий день вновь за радостным поеданием березовых почек, Ерофей заговорил с птицей. И что-то изменилось в сердце таежного скитальца: «Солнышко уже припекало, и стало *хорошо* у меня на душе. Даже и умереть было *не страшно*». Эти слова Ерофея, употребленные в авторском тексте, способны взволновать любое сердце.

Использование чужой речи в разработке основной темы может носить еще более активный характер: «Я рассказал ей, как журавли весной танцуют, разбившись на пары, кричат так, что голоса их сливаются в один

торжествующий звук любви. Старушка слушала внимательно и, прощаясь, сказала три слова: «Какой вы *счастливый*...». Яснополянский мудрец говорил то же самое в дневниках: «*Счастье* – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней» (Радость на птичьих крыльях). В этом высказывании автор с помощью чужих текстов возводит важный концепт своего творчества – *радость* – в высшую степень – *счастье*.

В особый подраздел можно выделить разработку в очерках В.Пескова темы *радости в жизни животных*: «Речь не идет о явлении симбиоза, когда два вида животных извлекают из сожительства взаимные выгоды, речь идет об истинной дружбе, в которой два существа обретают *общую радость общения*» (Водой не разлить); «Игры животных – *это радость движений*, сопряженных с познанием окружающего мира и познанием себя самого... С какой *радостью* носит собака вам палку, с каким *наслаждением* кувыркается, впервые познав эту *радость*, молодой барсучок...» (Игра); «Звуки птичьего пения нас *чаруют*. Но ведь они изначально предназначены не для человеческого уха. Их должен услышать спутник их жизни. Отчего ж не подумать, что песня и у него вызывает чувства, сходные с человеческими, – *чувства радости*»; «Но совершенная слуховая система, можно предположить, *с радостью* воспринимает и просто *приятные* звуки, а их *гармоничное* сочетание доставляет даже и *удовольствие*» (Чарующий звук). Чувства радости, испытываемые животными, журналист облачает в не менее разнообразные формы, чем человеческие чувства: *радость, наслаждение, удовольствие, приятные звуки, гармоничное сочетание*.

В очерке «Игра» радость животных является словесным лейтмотивом, пронизывающим все произведение. В тексте слово *радость* встречается 7 раз, эквивалентное ему слово *удовольствие* – 2 раза. Помимо этого можно выделить слова, семантически соотносимые с главным понятием: *наслаждение, власть, нравится, любимая игра, самозабвенно*. Не менее густо насыщен подобными языковыми элементами и текст очерка «Чарующий звук»: *радость* - 4, *удовольствие* – 4, *приятные* – 3, а также слова: *восторг, наслаждение,*

воодушевить, привлекательный. Тема радости животных является в очерках одним из куплетов общей оды очеркиста, посвященной радости жизни, испытываемой человеком: «Прозрачные крылья у них сверкают слюдой, полет *переливчат как музыка.* Иногда парочка садится на твой удочный поплавок передохнуть, и *радость* жизни, переполняющая стрекоз, передается всем, кто их наблюдает» (Летающий мир).

Позитивное переживание, эмоциональное потрясение, возбуждение впечатления – эти эмоциональные задачи В.Пескова в его очерках имеют **эстетический эффект.** С этих позиций роль эмоционального элемента в публицистическом произведении можно оценивать как стержневую художественную характеристику: «Важное отличие знака художественно-образных языков заключается в том, что их системы сформировались в тесной связи с прямыми чувственными формами отражения и до сих пор сохранили эту связь» [10, с.21]. Очерки В.Пескова демонстрируют и обратный процесс, когда эстетическое переживание рождает эмоциональный эффект: «И, наконец, *красота...* С малого возраста ее олицетворяют цветок и бабочка... Ни на что другое в животном мире не потрачено столько *изящества, выдумки, красоты...*» (Мир Гребенникова); «Первое впечатление: очень *красива!* Огромные оранжевые глаза *забыть невозможно*», «*Прекрасная* белая птица – *украшение* скудной суровой земли» (Снежная бабушка), «*Полосатые, удивительной красоты* поросятки...» (Потомки вепря); «*Беззвучный, веселый* их хоровод на отражающей синеву неба воде – *праздник для глаза*» (Бегущие по воде). *Удивительная красота, очень красива, изящество, гармоничность, живописный, прекрасная, украшение, переливчат как музыка, очень нарядные, нежные, очарованный, праздник для глаза* – эти сигналы эстетического в тексте создают определенное эмоциональное настроение: «Посредством эстетической ценности искусство, таким образом, прямо воздействует, на самые главные регуляторы человеческого поведения и мышления – на чувственное и волевое отношение к миру» [11, с.120].

Многообразие лексических элементов, сопровождающих концепт «радость», присутствие их во многих очерках позволяет сделать вывод о том, что словесный лейтмотив «*радость*» в творчестве В.Пескова сформировался в лейтмотив-тему и лейтмотив-образ, образ яркий и выразительный, в основе которого заложены эстетические и эмоциональные характеристики: «Удалите все это из жизни или по нерадивости потеряйте (это возможно при варварском отношении человека к Природе), и жизнь потеряет *краски* и главный *источник радости*» (Радость на птичьих крыльях). Слова *краски* и *источник радости* соответствуют эстетическому и эмоциональному. Подобного рода авторские высказывания являются программными, в которых обозначаются не только жизненные, но и творческие позиции автора

В сегодняшнее время весьма актуально выделить еще один эффект, производимый творчеством В.Пескова и являющийся своеобразным результатом сплава эстетического и эмоционального, – это ***психотерапевтический эффект***. Помимо позитивного посыла, формирования определенного отношения к природе, форма и содержание его очерков вносят элемент умиротворения и успокоения в чувства читателей. Это тем более важно сейчас, когда журналистика является в основной своей массе стрессором, психологическим, а иногда и социальным дестабилизатором аудитории. В.Песков рассматривает природу как гармонизирующий фактор и старается своими произведениями внести гармонию в жизнь читателей: «Сколько раз после трудного дня я приходил в себя и, успокоенный, засыпал, стоило только вспомнить рябины, верещанье дроздов, желтые бурьяны и лосей, жующих кислые яблоки» (Грушевый лес). А читателям рекомендует самим внимательно наблюдать за природой и запечатлевать в памяти чудные места: «И каждый из нас может припомнить пусть не такую *диковину*, а хотя бы просто большой камень-валун возле дороги либо выветренную до сходства со зверем скалу или пещерку, студеной ключ, бьющий на дне оврага, *живописный* обрыв *с интересными* обнаженьями, озеро или болотце в пойме реки, колонию

цапель в лесу, селение ласточек-береговушек. Всего не перечислить» (Памятники природы).

Лирическая окраска очерков В.Пескова выявляет в его портрете не только черты художника, но и черты поэта. Тем более сам очеркист нередко использует слово «поэтическое» в качестве позитивной оценки тех или иных явлений, связанных с природой: «Хрипловатое кукование не только напоминает: «время идет», но и служит *поэтическим образом* времени» (Радость на птичьих крыльях); «По рассказам я представлял *поэтический мир* мукомольных снарядов, приводимых в движение ветром и течением воды» (И ветра шум, и шум воды); «Сознание, что их зелеными и цветущими видели наши далекие предки, рождает у одних *чувство поэтическое*, у других почти религиозное», «Сам по себе интересный и достойный называться памятником природы, он вдруг оказался тут *поэтическим символом*, организующим центром в оваянных блоковскими стихами местах» (Памятники природы).

Надо сказать, что эти художественные процессы глубоко и полно вовлекают *читателя* в область авторского мирозерцания, формируют в его душе собственный, но подобный авторскому, очень личностный взгляд на мир. Переживание, в котором реализуется эстетическое отношение, является наиболее неотрывной от индивидуальности формой личностного, субъективного восприятия мира.

Очень важным элементом, влияющим на процесс проникновения авторского сознания в сознание адресата, является включение в высказывания семы 2-го лица. Автор может непосредственным образом включать читателя в текст («с какой радостью носит собака вам палку»); еще более активны в плане воздействия апеллятивы («киньте камешек... и вы услышите череду замирающих звуков»; «посмотрите на эти камни»; «удалите все это из жизни...»). Это может быть и «мы» обобщенное: «звуки птичьего пения нас чаруют»; «и каждый из нас может припомнить...», и инфинитивная форма глагола («встретить свиристелей и снегирей в заснеженном лесу – на весь день радость»). Читатель присутствует и в обобщенно-предметных по

значению местоимениях (*«и радость жизни... передается всем, кто их наблюдает»*), а также в лексеме «человек» (*«сколько радости дают человеку чистые воды»*).

Присутствие читателя в позитивных программных высказываниях автора способствует налаживанию доверительных отношений между журналистом и аудиторией. Автор делает адресата своим другом, соавтором, сопереживателем, сонаблюдателем. Мы специально акцентируем на этом внимание, так как в речевых действиях «сентенция» и «директива», которые характерны для очерков В.Пескова, наблюдается некоторый налет назидательности и дидактичности. Эти характеристики, обычно соотносимые с личностными параметрами, способны затруднять процесс общения. Активной установкой на доверительные отношения автор успешно, на наш взгляд, преодолевает этот барьер.

Следует сказать, что назидательность, дидактичность и директивность могут являться и авторскими установками, особенно когда дело касается очень сложных на современном этапе взаимоотношений человека и природы. Многие журналисты, пишущие на экологическую тему, активизируют эти текстовые параметры в произведениях, придавая своим выступлениям обличительный характер. У В.Пескова установки другие. Он ориентирован *на положительные конструкторы*, своим творчеством он призывает не бороться за природу, а любить ее, вполне справедливо считая, что любовь более, чем принуждение, способна на *созидание*.

Немалый вклад в формирование позитивных векторов, направленных от человека к природе, вносит в очерки В.Пескова разработка *темы «природного» человека*, человека, живущего природой, любящего ее, заботящегося о ней. Автор не скупится на положительные оценки таких людей: «Возле этого чуда мы и сняли Сергея Михайловича Новикова, *замечательного русского лесничего, доброго, любознательного, гостеприимного человека*» (В гостях у лесничего); «*Счастливое сочетание многих способностей* видим мы в этом *умельце*. Мир насекомых он знает и *любит* с такой же *преданностью*,

каким прославился Фабр», «Мой мир» – это яркий рассказ *об интересной, не бестолково прожитой жизни, жизни не рядовой, жизни замечательного человека*» (Мир Гребенникова); «Всего в деревне, по прикидам *доброто* старика, вывелось более трех тысяч птиц» (Столица аистов – Илемно). Доброта к животным, любовь и преданность к ним становятся базовыми позитивными характеристиками в оценке журналистом таких людей.

Журналист положительно характеризует за любовь к природе не только отдельных персонажей, в своих поездках автор оценивает подход к этой проблеме жителей тех стран, по которым он путешествует. Например, усилия американских энтузиастов охраны природы в очерке «Они еще держатся» В.Песков называет *благородными*, их работу *ответственной*, отмечает их *великолепный, грамотный, с размахом и основательностью* подход к проблеме. Не менее положительно оценивает он и опыт шведов: «Дикая природа в *системе ценностей* шведов стоит на *заметном* месте», «О любви шведов к природе мне *много* рассказывали», «Это Стокгольм. В нем много зелени, много чистой воды и, видно, *неплохи* люди, которым животные *доверяют*» (Барсук в подворотне).

Позитивный контекст снижает назидательный характер многих директив: «Нашлись, однако, *энтузиасты*. Мир орнитологов с *величайшим* вниманием следил за *ответственной* их работой... А для всех озабоченных «уходящими» это *пример*: от какой, казалось бы, безнадежной черты можно «уходящего» отвести» (Они еще держатся); «Не знаю, кто это сделал, но я порадовался *мудрости* этих людей (или одного человека)... *Заразиться бы* нам мудростью, а не безумием!» (Памятники природы). «В раздрызганной нашей жизни они донкихоты... И *долг* наш не посмеиваться над такими людьми, а протянуть им руку поддержки» (Глухарина школа). Помимо контекста, роль нейтрализаторов назидательности играют в этих примерах и обобщенно-предметные местоимения (*для всех, нам, наши*), через которые автор обращается к своим читателям с призывом, при этом автор не разделяет себя с читателем. Мы уже отмечали, что в подобных фразах необходимость следования призывам

и указаниям опирается не на логику изложения материала, а на эмоционально-психологическое содержание данного текста.

Таким образом, в качестве преобладающих параметров в творчестве журналиста мы отмечаем позитивные характеристики, определяющие взаимоотношения человека и природы. Однако анализ этих взаимоотношений был бы недостаточным, если бы мы ограничились только обозначенными выше тематическими направлениями. Безусловно, авторское внимание к теме природы, ее преобладание в творчестве В.Пескова во многом определены индивидуально-личностными пристрастиями публициста, особенностями его мировосприятия и мирозерцания, действием древнего психологического закона – «от избытка сердца говорят уста». И мы можем только приветствовать то, что в сердце журналиста есть этот избыток радости и любви к природе, которыми он охотно и плодотворно делится с читателями.

Но в журналистике тематика выступлений зависит во многом от такого профессионального явления, как социальный заказ или социальная позиция автора [12, с.74-83]. И, к сожалению, социальный заказ в случае с журналистом В.Песковым диктуется далеко не радостными и любвеобильными взаимоотношениями человека с природой. Причиной активной профессиональной деятельности публициста В.Пескова является желание остановить крайне негативный процесс разрушающего воздействия человека на природу: «*Человек силой своей подавляет все сущее на Земле, – пишет он в одном из своих очерков (Ну, заяц, погоди). – И наши симпатии всегда на стороне слабых*», – добавляет автор при этом. Если в словесном выражении своей главной темы журналист опирается на эстетический параметр (природа приносит человеку красоту и радость), то мотивировкой его творчества является *этический* параметр (надо остановить разрушение природы человеком).

Таким образом, анализ основополагающих концептов, реализуемых в очерках В.Пескова, выявил основные направления разработки главной темы автором. В разрабатываемых концептах четко проявляются мировоззренческие

и творческие установки очеркиста, входящие в структуру речевого портрета, и концепция авторского восприятия природы, а именно: природа приносит человеку красоту и радость. Данная концепция раскрывается с помощью разнообразных и многочисленных языковых элементов, группирующихся вокруг понятия-концепта «радость» и формирующих позитивный эмоциональный посыл. Разработка данного концепта в речевой структуре очерка тяготеет к эстетическим категориям.

Позитивная концепция является в очерках журналиста ведущей, определяющей во всем творчестве В.Пескова. В этом проявляется авторская установка *на положительные конструкты*, чем его творчество заметно выделяется на общем фоне современных разрушительных журналистских тенденций: стремлению к сенсационности, ажиотажности, ориентированности на скандалы, криминал, компромат, на удовлетворение примитивных потребительских интересов: «В нынешнем переходном состоянии нашего бытия Василий Песков утверждает самоценность жизни как таковой при всех ее трудностях и житейских заботах. Это важно делать всегда, но сегодня особенно важно» [13].

При эмоциональной разнонаправленности мировоззренческих установок в очерках В.Пескова выявлена единая эмоционально-эстетическая творческая концепция, в которой эмоциональное и эстетическое занимают равноправные и взаимозависимые позиции, позволяющие выделить в речевом портрете очеркиста черты художника, лирика, поэта и пламенного публициста.

Эмоционально-чувственный компонент органически вплетается в контуры очеркового повествования, способствует авторской убедительности и воздействию эффекту: «Фундаментальное значение имеет тот факт, что конструктивный принцип газетной речи требует и лингвистически разрешает сопрягать в едином акте творчества интеллектуальное и эмоционально-волевое» [14, с.111]. Пример публикаций В.Пескова указывает на то, что проявляющаяся в речевом портрете личность автора, концентрирующая в тексте мировоззренческие и творческие концепции, мировосприятие и

установки, является художественным стержнем произведения: «Искусство – это прежде всего программируемая сенсуализация окружающего мира, даже если оно и воспринимается как нечто иное» [15, с.259].

Чувственное, эмоционально-эстетическое восприятие природы – особая личностная характеристика человека. Философами, психологами, литературоведами оно называется «переживанием природы», «*чувством природы*» [16, с.5-14]. Чувство природы, благоговение перед жизнью ученые теснее всего связывают с эстетическими эмоциями. В художественно-публицистическом творчестве В.Пескова качество художественного изображения определяется, по нашему мнению, именно этими чувствами, так как они синтезируют в себе мировоззренческий аспект и чувственное восприятие естественной среды. Глубокое переживание природы всегда было свойственно лучшим писателям и публицистам [17]. Русская классика дает нам ярчайшие примеры благоговейного отношения к природе в творчестве А.С.Пушкина, А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, И.А.Бунина, А.И.Куприна. Литературное и публицистическое творчество более поздних авторов – М.М.Пришвина, К.Г.Паустовского, Ф.А.Абрамова, В.М.Шукшина – является продолжением лучших традиций нравственно-художественного осмысления мира, в основе которого лежит благоговейное отношение к окружающему нас миру. В этом мы видим и основную ценность творчества В.Пескова, его роль и значение для тех людей, которые много лет соприкасаются с произведениями публициста. Используя свой дар, публицист закладывает в умы и сердца своих читателей важнейшие основы человеческой личности: «Чувство природы должно приобрести значение важнейшего компонента мировоззрения и особые задачи по его формированию будут возлагаться на процесс воспитания, при этом увеличится значение философского, эстетического и особенно нравственного аспектов чувства природы» [16, с.13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1999.
2. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
3. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
5. Буянова Л.Н., Журавлева О.А. Концепт «любовь» как эксплициатор эмоционального поля языковой личности // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1988. С.22-23.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. М., 2001, №1. С.64-72.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
8. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
9. Зыховская Н.Л. Словесный лейтмотивы в творчестве Ф.М.Достоевского. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
10. Орлова Т.И. Гносеологический анализ природы художественного мышления. Автореф. дисс...канд. филос. наук. Киев, 1981.
11. Макаревич Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
12. О взаимоотношении личного и социального в творчестве публициста см: Солганик Г.Я. Автор как стилиобразующая категория текста // Вестник Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. 2001, №1. С.74-83.
13. Сунгоркин Владимир из беседы с читателями газеты «Комсомольская правда» // <http://www.billi.kp.ru/kollekt/Peskov/>.
14. Пронин Е.И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. М., 1981.
15. Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986.
16. Гурленова Л.В. Содержание понятия «чувство природы» // Природа и человек в русской литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград, 2000. С.5-14.
17. См. об этом: Природа в художественном мире писателя. Волгоград, 1994; «Чувство природы» в русской литературе. Сыктывкар, 1995; Эстетика природы. М., 1994.

РАЗРЫВ МОТИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ

«Проблема поиска соотношения материального и идеального, плана выражения и плана содержания, формы и значения продолжает оставаться актуальной в любой социальной, политической или научной ситуации, своеобразно проникая сквозь время и пространство, какие бы смены научных парадигм ни потрясали учёный – и прежде всего лингвистический – мир. Однако именно изменение акцента, угла зрения в тех или иных взглядах и позициях позволяет по-новому увидеть и интерпретировать многие аспекты этой «вечной» проблемы философии и языкознания» [1, с.86].

Проблема стирания «внутреннего образа слова» в рамках мотивологического подхода сводится к изучению явления демотивации слов (явлению утраты словом его мотивированности). В связи с этим сохраняет актуальность выявление сущностных свойств демотивации (ДМ) на фоне других изменений в слове – фонетических, морфологических, лексических, тех факторов, которые поддерживают стирание мотивационных отношений.

Язык, существуя и развиваясь во времени, не «может представлять собой мёртвое пассивное орудие, готовую застывшую массу» [2, с.82], он непрерывно преобразуется «в ответ на всякий духовный сдвиг, поэтому в языке, как в непрестанном горении человеческой мысли, не может быть ни минуты покоя» [2, с.158]. Изменение является одной из форм существования языка, который постоянно стремится к совершенствованию. Анализ различного рода языковых изменений связывается с понятием «динамика», которая предполагает в первую очередь исследование комплекса причин, вызывающих модификации в его составе и структуре.

Существенной причиной, вызывающей ослабление мотивационных связей слов, а затем и утрату внутренней формы слова (ВФС), являются противоречия

внутри языковой системы, к примеру, различного рода семантические сдвиги в историческом развитии лексических единиц.

«Семасиологическая сторона наших слов не есть нечто постоянное и устойчивое» [3, с.11], как и все элементы языка, смысловая структура слова находится в состоянии непрерывного развития. В связи с этим семантические преобразования, происходящие в мотивированном или мотивирующем слове, не могут не повлиять на характер ВФС. Многие исследователи считают семантический аспект изучения ВФС одним из сложнейших в ходе этимологического анализа, т.к. «системность и закономерность семантических изменений далеко не столь очевидна, как в области фонетики и морфологии» [4, с.31]. Кроме того, трудность установления закономерностей в процессах изменения значения объясняется тем, что они, в отличие от формальных, чаще всего не внутриязыковые, а «ведут за пределы языка, с одной стороны, в область мышления и психологии, с другой, - к объективной действительности: к истории, социологии, культуре, быту народов» [5, с.73].

В массе сложных семантических процессов, приводящих к ДМ, можно выделить наиболее важные типы изменений. К их числу относятся следующие.

1. Изменения, которые произошли в семантике первичного мотиватора слова. В этом случае оба слова функционируют в языке, но отношения мотивированности полностью утрачены по причине выпадения из современной системы языка одного из значений мотивирующего. Отсюда ранее мотивированная единица превращается в демотивированную. Так, сущ. *врач*, исходным значением которого было «тот, кто лечит наговором», первоначально мотивировалось гл. *врать* в значении «говорить». Утрата данного значения у слова *врать* привела к ДМ сущ. *врач*. В слове *мещанин*, исторически производном от сущ. *место*, которое употреблялось в ныне утраченном значении «город», изменение семантики мотиватора повлекло за собой разрушение мотивационных связей. Аналогичные примеры:

Бурьян – от гл. *бурить* «разорять, разрушать» (растение названо по буйному росту и разрушающему действию). Ср. современное значение «делать скважину».

Варежка – от гл. *варить* в знач. «защищать». Совр. знач. «подвергать тепловой обработке».

Гроб – от гл. *грабить* в знач. «грести». Совр. знач. «воровать».

Калина – от сущ. *кал* «грязь» (растёт на влажной почве). Совр. знач. «испращения».

Ковыль – от гл. *ковать* «биться, трепаться» (трава колыхается от ветра). Совр. знач. «обрабатывать раскалённый металл».

Ошибка – от гл. *ошибиться* «нанести удар мимо цели». Совр. знач. «сделать что-либо неправильно».

Простыня – от прил. *простой* в знач. «прямой»; *простыня* букв. «прямое полотно». Совр. знач. «незамысловатый, несложный».

Сметана – от гл. *сметать* «сгребать, собирать в кучу». Букв. «собранное, взбитое молоко». Совр. знач. «подметать, производить уборку».

Чеснок – от гл. *чесать* «требушить» (название дано по способу разделывания луковицы). Совр. знач. «скрести, разравнивать».

2. Изменения, которые произошли в мотивированном слове. Изменение семантики слова, как правило, не одномоментный акт, а результат накопления нового в недрах старого. Вначале «неочевидные», «неявные» семантические сдвиги переходят в устойчивые, узуальные, что в конечном итоге приводит к формированию новых значений. В смысловой структуре мотивированных слов смещается лексико-семантический центр, и на базе основного значения образуется частное, которое закрепляется в качестве единственного. Объём значения лексической единицы не статичен, он в разные периоды существования слова может как сужаться, так и расширяться. Отсюда изменения в мотивированном слове делятся на две разновидности: преобразования, вызванные расширением семантического объёма и сужением лексического значения слова.

А) Преобразования, характеризующиеся расширением семантического объёма мотивата. «Расширение объёма применения выступает в тех случаях, когда в новом употреблении слово охватывает больший круг понятий, т.е. может быть употреблено как средство называния шире, чем раньше» [6, с.71]. Семантическая структура расширяется в результате деления одного значения на два разных или в результате перехода оттенка в самостоятельное значение. Например, сущ. *плотник* сегодня не вызывает представления о человеке, изготавливающем плоты, хотя первоначально обозначало «мастер по плотам, скреплению брёвен». Предельно расширив свою семантику, слово приобрело более широкое значение «столяр, мастер по деревообработке», что и послужило причиной ДМ. Другой пример: сущ. *подоплёка* первоначально было связано со словом *плечо*, поскольку обозначало «подкладка у рубахи от плеч до груди». В процессе семантического переосмысления у данного существительного появилось более отвлечённое и обобщённое значение «действительная, но скрытая причина каких-либо действий».

Масть – от гл. *мазать*. *Масть* первонач. «жир», затем «то, чем смазывают, окрашивают», далее «цвет (о лошадях, картах)».

Облава – от сущ. *лов* «охота». Первонач. «отряд, войско», затем «цепь людей, окружающих место для захвата», далее «засада».

Образ – от гл. *разить* «ударять». Первонач. «удар, след от удара», затем «то, что вырезано, выбито», далее «вид, форма, облик».

Обруч – от сущ. *рука*. Первонач. «украшение, носимое на руке, на запястье», далее «обод».

Рубеж - от гл. *рубить* «делать зарубки». *Рубеж* первонач. «зарубка, черта», затем «граница».

Союз – от сущ. *узы*. Первонач. «то, чем можно связать, путы», затем «единение, связь».

Чепуха – от сущ. *чеп* «щепка, крошево». Первонач. «очистки, отходы», затем «что-либо незначительное, пустяк», далее «вздор».

Приведённые примеры показывают, что значение ранее мотивированных единиц, расширивших свою семантику, изначально являлось конкретным, в дальнейшем на его основе развивается абстрактное значение, т.е. в процессе расширения семантики увеличивается предметно-вещественное содержание слова и сфера его применения. Общая тенденция семантического развития от конкретного к абстрактному отражает реальные сдвиги, происходившие в мышлении человека на протяжении многовековой истории человеческого общества.

Б) Семантическое движение, в котором наблюдается сужение лексического значения слова. Это процесс, противоположный процессу расширения объёма значения. В результате его действия слова приобретают более узкий смысл, нежели раньше. В лингвистике данное явление называют конкретизацией или специализацией значения. Сужение значений связано с дифференциацией признака, т.е. обобщением группы признаков в одном значении слова. Этот языковой феномен иллюстрирует сущ. *ворот*. Первоначально так называлось «всё то, что вращается, поворачивается», затем – «часть тела, шея». Позднее закрепилось значение «край одежды, облегающей шею, вырез для ворота (шеи)».

Дача – от гл. *дать*. Первонач. «то, что даётся, отдаётся», затем «дарованная князем земля», затем «земельный участок», далее «загородный дом для отдыха».

Знамя – от сущ. *знак*. Первонач. *знамя* - «отметина», далее «флаг».

Зоб – от гл. *зобати* «есть». *Зоб* первонач. «пища вообще», затем «то, с помощью чего поглощают пищу, т.е. горло».

Игла – от **jьgo* «иго, ярмо». Первонач. «ремень для стягивания ярма», затем «тонкая заострённая палочка, которой стягивалось ярмо», далее «инструмент для шитья».

Палка – от гл. *палить* «жечь». Первонач. «то, что сжигают», затем «орудие для добывания огня», далее «ветвь дерева».

Позор – от гл. *позреть* «посмотреть». Первонач. «взгляд», затем «зрелище», затем «зрелище, оскорбляющее чью-либо честь», далее «постыдное положение».

Росомаха – восходит к *розсъмокъ*, где *смок* «дракон, змей» (ср. *смоктать* «высасывать»). Первонач. *росомаха* «злой дух, злая сила», затем «опасный хищник из семейства куньих».

Ружьё – из сущ. *оружие*. Первонач. *ружьё* «вооружение», затем «один из предметов вооружения», далее «ручное огнестрельное оружие».

3. Развитие лексического значения слова, при котором наблюдается образование смысловой отдалённости между мотиватом и мотиватором. Утрата мотивационных отношений связана с большим расхождением старой ВФС с фактическим его употреблением в языке, что может быть вызвано редкой (нулевой) актуализацией мотивационных отношений данного слова. Так, слово *нёс* «собака» уже не ассоциируется с его первоначальным мотивирующим *нёстрый* (название животному было дано по цветной пятнистой окраске). Сущ. *вилка* уже не связывается со словом *вилы*, поскольку представление о вилах в мотивированном слове у носителей языка является стёртым. Слово *немец*, в основе которого лежит представление о немом, т.е. о не говорящем на понятном славянском языке человеке, подвергается ДМ в силу расхождения исконной мотивировки в виде *немой* с фактическим употреблением сущ. *немец* по отношению к людям, которых нельзя считать немыми. Подобную неживую связь находим в словах: *рыло* «передняя часть головы у животных» и *рыть* (связь условная); *бурка* и *бурый*; *весло* и *везти*; *гнев* и *гнить*; *ветчина* и *ветхий*; *гусеница* и *ус*; *дуло* и *дуть*; *жир* и *жить*; *край* и *кроить*; *козырёк* и *коза*; *копьё* и *копать*; *крыльцо* и *крыло*; *место* и *мести*; *мост* и *метать*; *мука* и *мягкий*; *обойма* и *объять*; *пир* и *пить*; *плечо* и *плести*; *рубаха* и *рубить*; *рысь* и *рыжий*; *сало* и *сесть*; *сено* и *сечь*; *счастье* и *часть*; *телега* и *телец*; *угодьё* и *угодить*; *улика* и *лик*; *хлястик* и *хлестать* и др.

Несмотря на то, что между мотиватором и мотиватом наблюдается некая фонетическая близость, носители языка не осознают их семантическое сходство

и мотивационные связи. Вероятно, для современного человека с течением времени перестали быть существенными признаки, положенные в основу номинации подобных слов, т.к. при назывании тех или иных предметов оказывала действие система представлений об окружающем мире, которая существовала в разные периоды развития человечества. Название одной из четырёх сторон света *запад* было дано с опорой на мотивационный признак «падать, западать», что было связано с особым представлением об устройстве мироздания: солнце, как считали древние, западало за горизонт. С точки зрения современного носителя языка данный мотивировочный признак является несущественным, и ВФС затемняется. «Выделение одного из признаков предмета в качестве мотивировочного – не длительный процесс, а акт, причём акт, до известных пределов допускающий воздействие субъективно-личностных и ситуативных факторов. Каждое наименование в принципе имеет своего конкретного автора, создающего его в определённое время и в определённых условиях. Поэтому мотивировочный признак может быть случайным, не отвечающим сущности называемого предмета» [7, с.24].

Т.Г.Аркадьева связывает семантическое расхождение этимологически родственных слов с положением стержневой семы в структуре значения. Она может быть утрачена или трансформирована, может произойти изменение нагрузки или расщепление стержневой семы. К примеру, в слове *шурин* (от гл. *шить*), имеющем буквальное значение «тот, кто «пришит» к роду посредством брака своего родственника», стержневая сема «шить» утрачена, что и вызвало ДЭ данного слова. По мнению исследователя, в лексических единицах, ранее связанных мотивационными отношениями, «значения слов отпочковываются от семантического направления, заданного этимоном. Образование этимонимов идёт по линии накопления новых сем, в сумме превышающих пространство этимолого-семантического поля» [8, с.17].

4. Утрата образности, метафоричности, имевшей место при наименовании предмета. А.А.Потебня назвал данный процесс прозаизацией слова [9, с.418], а Л.Г.Долженкова «снятием» в имени момента языкового творчества» [10, с.168].

Между лексическими единицами исчезает былое сходство признаков, которое нередко при первоначальном представлении является субъективным и случайно возникшим. Кроме того, причиной потускнения образа в самом общем плане может служить частота его употребления. Носитель языка привыкает воспринимать образные слова как знаки, передающие просто фиксируемое ими значение. На основе метафорического мотивировочного признака формировалась когда-то ВФ слова *рожа* «морда» (экспрессивное образование на базе слова *рожа* как название болезни; *рожа* – лицо, как у больного рожей), которая для современных носителей языка уже не является живой. Результаты подобного процесса, инициирующего ДМ, нашли отражение в словах:

болван «негативно о человеке» – от сущ. *болван* «бревно, чурбан» (ср. *болванка*);

ирис «сорт конфет» – от *ирис* «цветок» (конфета отличается особой душистостью и пёстрой окраской компонентов (сахара, шоколада, сливок));

зефир «сладость» – от сущ. *зефир* «лёгкий ветер» (продукт назван по своей лёгкости, воздушности);

нёбо – от сущ. *небо* (подобие свода);

пастырь – от гл. *пасти* (пастырь наставляет верующих, наблюдает за ними, словно пасёт);

перепалка – от гл. *палить* «стрелять» (ссора напоминает перестрелку);

пещера – от сущ. *печь* (названа по внешнему сходству с печью);

поршень – от гл. *порхать* (название дано по «летающему» (при его действии) характеру);

плуг – от гл. *плыть* (плуг по сравнению с сохой кажется плывущим);

пузырь – от сущ. *пузо* (по своей вздутости напоминает пузо);

селезень – от сущ. *селезёнка* (птица названа по схожести с ярким цветом органа, селезёнка необычного тёмно-красного цвета с фиолетовым отливом);

укор «порицание» – от сущ. *укор* «сдирание кожи, одежды» (**kor* «резать»);

хвощ «трава» – от сущ. *хвост* (лесной хвощ назван по сходству с конским хвостом);

шея – от гл. *шить* (шея словно пришивает голову к туловищу).

В сущ. *копчик* «конечная часть позвоночника», образованном от диал. *кобчик* «маленький сокол, ястреб» (название кости дано по её внешнему виду, схожести с птицей) утрата ВФС обусловлена не только угасанием метафоричности, но и специализацией мотивата (слово становится медицинским термином). Аналогичным образом пережили прозаизацию и специализацию сущ.: *грыжа* – от гл. *грызть* (грызущая боль); *мышца* – от *мышь* (переносное значение возникло на том основании, что сокращение мускулов производило впечатление, будто под кожей бегают мышь); *пестик* (цветка) – от сущ. *пест* «палка» (по внешнему сходству); *скула* – от сущ. *скала* (скулы возвышаются на лице, будто скалы).

5. Демотивация наступает, когда перестаёт осознаваться метонимический перенос, который лежал в основе номинации слова. Семантический сдвиг в значении наблюдается, например, в сущ. *восток* (от гл. *востечь*) и *запад* (от *западать*), утративших значение процессуальности (действие - место действия (восхода/захода солнца)). Современное значение слов - «стороны света» - выходит за рамки ситуации, рисуя движение светила. ДМ данных слов закрепляется следующим шагом семантического развития – терминологизацией, сужением объёма понятия: одно из значений многозначного слова превращается в самостоятельную лексическую единицу. Существительные не только теряют какие бы то ни было семантические связи со своими истоками – глаголами, но и оказываются вовсе не соотносимыми с глагольной семантикой. Аналогично:

Беседа – от наречия *без* «вне, снаружи» + сущ. *седа* «сидение». *Беседа* первонач. «сидение вне дома», затем «разговор во время такого сидения», далее «разговор вообще».

Воздух – исходно «действие по гл. *воздыхать*»; далее – «то, чем мы дышим, что вдыхаем».

Забор – первонач. «действие по гл. *забрать, охватить*», затем «то, что огорожено», далее «то, чем огорожено, т.е. ограда».

Осока – первичное знач. «действие по гл. *осечь*»; далее – результат конкретизации, метонимии «растение, которым можно осечься».

6. Стирание ВФС может быть связано с малой информативностью мотивирующего признака. Если в самом общем виде мотивацию охарактеризовать как понимание менее известного через более известное, то в этом случае мотивирующее слово не выполняет предназначенной ему функции. Отсутствующая информация в мотиваторе ограничивает возможность носителей языка понять характер и способ мотивировки, и мотиватор как таковой забывается. Часто подобная неинформативность мотивирующего вызвана его принадлежностью к классу собственных имён.

Архаровец «о человеке» – от фамилии *Архаров* (московский полицейский 18 - нач. 19 вв.). У слова развилось знач. «правонарушитель», позднее «буян».

Баян «муз. инструмент» – назван по имени др.русс. певца *Бояна*.

Берданка «винтовка» – название дано по имени изобретателя американского полковника *Бердана* (1868).

Волынка «муз. инструмент» – от топонима *Волынь* (завезена из Румынии).

Канарейка «птица» – по названию Канарских островов, родины этих певчих птиц.

Общеизвестно, что выбор мотивирующего признака слова, который определяется отношением человека к обозначаемому предмету, может характеризоваться случайностью и субъективностью, он способен подчиняться «ситуативным, разовым потребностям» [11, с.101]. Существует множество примеров слов, в которых закрепилось далеко не объективное представление человека о предмете или явлении, характерное для определённой эпохи. Так, во многих существительных звукоподражательного характера, таких как *выпь, гагара, грач, гусь, коростель, кречет, пугалица, скворец, сова, сокол, удод, чайка, чечётка, чибис, чиж, щегол, баран, бык, жаба, свинья, хомяк, хряк, чушка, жук, шмель* и др., ВФ перестала осознаваться носителями языка,

главным образом, по причине малой информативности мотивировочного признака (особенностей пения птиц и криков животных). Приведённые существительные обладают достаточным количеством других, более ярких, признаков, способных актуализироваться в речи. Кроме того, природные звуки, положенные в основу номинации подобных единиц, как правило, нельзя достаточно точно и единообразно передать с помощью артикуляции человека. Есть уверенность, что разные люди пение одной и той же птицы воспроизведут и охарактеризуют по-разному. «Характер звукоподражательных слов в значительной степени зависит от фонетических особенностей конкретного языка. Человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленил неартикулируемый поток звуков на фонемочленимый комплекс. Это членение носит сугубо индивидуальный характер по принципу, что кому слышится и как представляется» [12, с.9]. К этой же группе слов отнесём и такие звукоподражательные существительные, как: *брюзга* (человек), *гомон*, *дрязги*, *колокол*, *лепет*, *люлька*, *пух*, *сковорода*, *сопля*, *труба*, *хрящ*, *шкварки* и др.

Таким образом, разрыв отношений мотивата и мотиватора может быть объяснён развитием фрагмента языковой системы. Немаловажную роль при этом играют лексико-семантические трансформации лексических единиц, которые подчёркивают пассивность демотивационного процесса, его зависимость от разнородных сил: языковых и внеязыковых импульсов.

ЛИТЕРАТУРА

- Наумов В.Г. Явление мотивации слов на морфологическом уровне // Актуальные проблемы русистики. Томск: ТГУ, 2000. С. 85-91.
- Гумбольдт В. Ф. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
- Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1967.
- Шелепова Л.И. Диалекты как источник этимологии. Учебное пособие. Томск, 1977.
- Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Л., 1934. Вып. 2. С. 35 – 36.
- Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч.2. М.: Изд. Министерства просвещения РСФСР, 1953.
- Голев Н.Д. Ономазиология как наука о номинации. Статья 2. О некоторых общих вопросах лексики и семантики в связи с разграничением ономазиологического и семасиологического подходов // Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977. С.13 – 23.
- Аркадьева Т.Г. Преобразование этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: Автореф. дисс... докт. филол. наук. Ленинград, 1990.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Долженкова Л.Г. Опрощение отглагольных субстантивов: структурно-семантическое измерение: Дисс... канд. филол. наук. Кемерово, 2000.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: ТГУ, 1989.

Сетаров Д.С. Именованье животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: Автореферат дисс... доктора филол. наук. М., 1992.

Е.А.Гордиенко

Волгоградский государственный педагогический университет

г.Волгоград

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА УНИФИКАЦИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ АНТОНИМО- СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Расплывчатый характер естественного языка обуславливает широкую зону действия градации в языке, применимость шкалирования к разноплановым языковым явлениям. Чем более размыто представление о языковой категории, тем более актуально применение градации и других упорядочивающих приемов исследования.

В основе всех семантических типов категории интенсивности лежат трехчленные оппозиции, отражающие положение данного признака относительно соответствующей нормы (узуальной,okkaзиональной, идеальной) – «выше нормы», «равно норме», «ниже нормы». Среди семантических классов категории интенсивности основным носителем ее категориального значения служит количественная интенсивность.

Коль скоро речь идет об объективной количественной определенности, то возникает искушение ее сосчитать и измерить. С этой целью выстраиваются схемы или шкалы интенсивности, с помощью которых и определяется «объективное количество признака».

Разделяемая «точкой отсчета», шкала распадается на две части: верхнюю, соотнесенную с возрастающим признаком, и нижнюю – с убывающим.

Мы предполагаем рассмотреть с точки зрения градации интенсивности эмоциональной нагрузки все поддающиеся подобному анализу группы слов, не ограничиваясь только качественными прилагательными.

Иллюстрацией к сказанному могут служить синонимические ряды, выстроенные по принципу возрастающей величины признака: *беднота* – *нищета* – *голь* – *голытьба*, – где, согласно словарю синонимов, *беднота* – «люди, не имеющие достаточных средств к существованию»; *нищета* – «те, кто не имеют никаких средств к существованию»; *голь*, *голытьба* – «совершенно нищие люди». Оставляя вопрос о стилевой принадлежности, отметим, что накопление признака «недостаток средств к существованию», выделено в словаре тремя «узлами»: *беднота*, *нищета*, *голь*.

В наиболее ясном виде это возрастание количества (величины) признака присутствует в словарных дефинициях, где каждая последующая единица синонимического ряда представляет собой новую ступень возрастания одного и того же качества. Например, в ряду *восторженный* – *экзальтированный* слово *экзальтированный* определяется как «более высокая степень восторженности», а в ряду *высокомерный* – *надменный*, *надменный* – как «большая степень высокомерия».

Таким образом, в приведенных словах неэксплицированно присутствует представление о степени величины признака. Лексические единицы выстраиваются по принципу восходящей или нисходящей градации. Семантическое пространство, остающееся между двумя соседними лексическими единицами, представляет собой область безразличного для качественной целостности возрастания и уменьшения. Тем не менее, оно «промеривается» языковым сознанием говорящего. Таким образом получают градационные ряды, где каждый последующий член ряда является носителем большего количества признака (количество признака может быть передано и посредством градационной лексики: *нисколько*, *довольно* и др.).

Семантические различия между синонимами — это различия в области денотативного или сигнификативного значения слов. В синонимических

словарях эти значения обычно передаются посредством толкования значений и, в дополнение к толкованию, с использованием пометы «усилит.», которая указывает на количественное изменение одного и того же значения от одного слова к другому. Для достижения различия слов в синонимическом ряду достаточно использования только этого количественного признака.

По степени интенсивности можно сопоставлять не только нейтральное слово и слово, имеющее помету, но также и слова с этой пометой.

Пр.: *беспорядок* (нейтр.) и *анархия* (усилит.); *анархия* (усилит.) и *хаос* (усилит.).

Последняя пара слов при внимательном рассмотрении тоже отличается по степени интенсивности: *анархия* имеет меньшую степень интенсивности, чем *хаос*. На основе такого сравнения, с рассматриваемой точки зрения, можно выстроить в одну цепочку, например, в порядке увеличения интенсивности признака: *беспорядок* – *неразбериха* – *сумбур* – *анархия* – *хаос*.

Нейтральное (заголовочное) слово является точкой отсчета не только при возрастании интенсивности действия (например, в правую сторону), но и при уменьшении этой степени (в левую сторону). Так, в синонимической группе: *устремить* (о взгляде), *обратить*, *направить*., *вперить*, *вонзить* (из синонимической группы взяты только **нейтральные** слова, без пометы), в нашем представлении, есть не только слова, которые надо располагать справа от нейтрального слова, но и слова, которые надо поместить слева, а именно: *обратить* (2) — *направить* (1) – *устремить* — *вперить* (1) – *вонзить* (2).

Надо отметить, что в большинстве словарных статей словарей синонимов различие в степени интенсивности действия (признака, качества) между синонимами не передается.

Исследователи иногда, характеризуя лексические или фразеологические единицы, используют только термин «интенсивность». Мы, объединяя все возможные виды «интенсивностей» (признака, качества, действия и др.), будем использовать термин «интенсивность эмоциональной нагрузки», поскольку, как уже было отмечено, сема интенсивности актуализируется в семантической

структуре единиц, составляющих антонимо-синонимические блоки и вступающих в градуальные отношения, характеризующиеся количественными отличиями «усиления» признака.

Для того чтобы различить два слова в антонимо-синонимическом блоке (например, слова-антонимы), достаточно одного различительного признака; три слова – двух признаков, четыре – трех и т. д. Тот факт, что для описания некоторого массива лексики требуется почти столько же объединительно-различительных признаков (дескрипторов), не делает данное описание экономным. Конечно, среди лексических единиц могут быть дублиеты, варианты и т. п., но за счет их система (описание этой системы) не может существенно упроститься. Задача состоит в том, чтобы максимально **сократить** количество дескрипторов (объединительно-различительных признаков), но таким образом, чтобы их небольшим количеством описывать то же самое – большое – количество лексических единиц, достигая различия всех их значений.

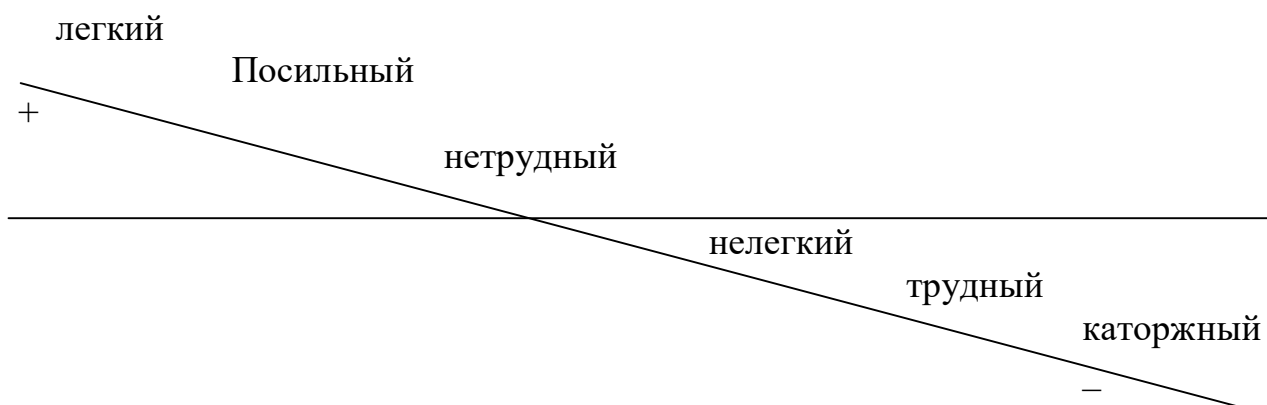
Сокращение дескрипторов (объединительно-различительных признаков) возможно, конечно, за счет построения удачной (совершенной) иерархии этих дескрипторов так, чтобы они, применительно к характеризваемым ими словам и классам слов, пересекались («встречались») друг с другом в строго определенной сочетаемости (комбинировании). Но главное сокращение дескрипторов должно производиться за счет особым образом формулируемого содержания, природы субстанции этих дескрипторов, в частности, использования не только их качества, но и количественных изменений.

Значения слов, входящих в антонимо-синонимический блок (в какое бы отношение они ни вступали – синонимическое или антонимическое), настолько индивидуальны, что если не пытаться их обобщать, то объединение блоков друг с другом почти невозможно. Даже внутри одного антонимо-синонимического блока упорядочение связей между словами – без обобщения – оказывается затруднительным. Необходим поиск такого понятия, которое позволяло бы достигать этого обобщения. Таким понятием мы выбрали «интенсивность эмоциональной нагрузки». Сема интенсивности,

актуализирующаяся в семантической структуре единиц, вступающих в градуальные отношения, характеризуется количественными отличиями сравниваемых единиц.

Внутри антонимо-синонимического блока на основе использования принципа градуальности организуются довольно большие лексические комплексы. Систематизация на основе градуальности охватывает больше лексики, чем систематизация на основе только антонимических пар и синонимических рядов. Систематизация коннотативных значений всех видов на основе градуальности охватывает и объединяет все значения такого плана в структуре одного блока, и делает возможным ее сравнение как компонента семантической структуры различных блоков. Таким образом, признак градуальности организует единство антонимо-синонимического блока не только на семантическом, но и на экспрессивно-стилистическом уровне.

Мы отчетливо осознаем, что главенствующее место в выражении категории градуальности принадлежит качественным прилагательным, так как именно они обозначают такой признак, который проявляется в предмете в большей или меньшей степени:

Качественные имена прилагательные обозначают признаки, которые легко поддаются градуированию: цвет, физические и психические свойства человека, размеры и т.д.

По мнению исследователя градуальности в лингвистике С.М.Колесниковой, «весьма скромное место в выражении лексико-

грамматической категории градуальности занимают существительные с суффиксами субъективной оценки» [3, с.26], но если рассматривать градацию коннотативных смыслов, существительные занимают значительное место по возможностям эмоциональных нагрузок различной степени.

Пр.: *триумф – торжество – победа – успех – удача – везение – невезение – неудача – неуспех – срыв – поражение – крушение – провал – крах.*

Следует отметить, что подобной градации по степени интенсивности эмоциональной нагрузки подвергаются оценочные и абстрактные имена существительные.

Пр.: *война – борьба – вражда – брань – ссора – спокойствие – согласие – мир.*

Градация конкретно-предметных имен существительных возможна также с суффиксами субъективной оценки.

Пр.: *бухарик – буханочка – хлебушек – хлеб – хлебнице; хатка – хата – домишко – домик – дом – домище – домина – хоромы.*

Из примеров видно, что мы рассматриваем слова из самых разных функционально-стилистических пластов языка, поскольку все они входят во множество слов русского языка и соседствуют в речи.

Каждая составная часть лексико-грамматической категории градуальности может выступать как «микрополе» с собственным ядром и периферией. Это утверждение касается и градуальности коннотативного компонента.

Относительно всей категории это поле может выступать как микрополе – т.е. минимальный элемент поля категории, обладающий самостоятельностью в плане выражения и в плане содержания.

При отражении градуируемой реальности в семантике однозначных лексем, согласно исследованиям Мезениной М.В. [5], очень обобщенно можно выделить качественные и количественные компоненты. Качественный компонент – это ядро лексического значения слова, признак, по которому осуществляется градуирование. Количественный компонент дополняет

качественный, указывая на интенсивность, степень проявления качества, его объем в составе лексического значения слова.

На основе качественного компонента (признаковой семы) лексемы объединяются в парадигматические ряды, лексико-семантические группы, базирующиеся на градуальных отношениях. Количественный компонент (градуальная сема) играет роль минимального семантического дифференциатора, указывающего на определенную степень интенсивности проявления признака. В этой части значения составляющие градуального ряда различаются между собой, выражая различные оттенки одного базового значения.

Таким образом, отличительной особенностью объекта нашего исследования является одновременное синкретичное выражение в одной лексической единице и качественного, и количественного аспектов, и признака, и его степени, в отличие от эксплицитного градуирования, для которого характерно обособление выразителя степени признака от наименования самого признака (пр.: *очень красивый*).

Соотношение качественного и количественного компонентов в коннотативном макрокомпоненте лексемы можно изобразить схематично:

Синонимы различаются не только количественным компонентом интенсивности, но и выражают различные добавочные оттенки значения (*ковылять* не то же, что и *ползти*: *ковылять* – идти хромая, с трудом, медленно; *ползти* – (*перен.*) идти, передвигаться очень медленно), а применительно к градации коннотативного компонента изменения признаковой и градуальной сем, по принятой нами терминологии, сводятся к интенсивности эмоциональной нагрузки.

Несмотря на бесконечное многообразие оценочных признаков и средств в языке, оценочные шкалы обладают общими законами построения, касающимися в первую очередь движения оценки в пределах шкалы. В результате анализа движения оценки на шкале можно выделить два типа шкалы градации оценки:

- 1) шкалы, характеризующиеся неизменностью знака оценки под воздействием градации;
- 2) шкалы, для которых характерно переключение знака оценки (с положительного на отрицательный) в результате градации.

Первая группа шкал составляет большинство в парадигматике лексики. Традиционно аксиологическая норма совпадает с позитивным флангом шкалы: одно свойство представляется нормой, противоположное же – отклонением от нормы. Рост интенсивности положительного или отрицательного свойства добавляет к «положительности» или «отрицательности», и противопоставление *норма / ненорма* сохраняется (например: *умный / глупый*).

Вторую группу составляют шкалы ряда частных оценок, для которых высокая и крайне высокая степени, воспринимаемые как чрезмерные, переходят в отрицательные, даже если исходная величина остается нормой, т.е. положительным свойством. Другими словами, в пределах ряда происходит переключение оценки с положительной на отрицательную.

Пр.: *бережливый – расчетливый – педантичный – мелочный – скарредный – скупой; доверчивый – простодушный – наивный – глупый.*

Переход внутри одной шкалы от позитивной оценки к негативной объясняется непринятием всего нарушающего равновесие. Положительное свойство выражается в свой антипод. Т.е. мы можем наблюдать переход количественных изменений в качественные и их тесную взаимосвязь. Рост интенсивности признака ведет к изменению природы градуируемого признака. Характерно, что в пределах негативного отрезка шкалы подобного смещения оценки не наблюдается. Поэтому, если мы объединим шкалы позитивного и негативного признака в один антонимо-синонимический блок (Н.Д.Арутюнова

пользуется термином «скалярно-антонимический комплекс» [1]), то распределение оценки предстает в таком виде: – + – .

Пр.: *небрежный – неряшливый – невнимательный – рассеянный — собранный – внимательный – заботливый – скрупулезный – педантичный – мелочный – придирчивый.*

Ощущение отрицательного эффекта при несоблюдении чувства меры и пропорций, особенно острое у эллинов, побуждало не только помещать «хорошее» в центральную часть аксиологической шкалы, но и интерпретировать добродетели как промежуточные инстанции между отрицательными крайностями. Таким образом, понятие нормы совпадает с осью симметрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (оценка, события, факт). М.: Наука, 1988.
2. Гриднева Т.В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности. Дис. ... канд. филолог. наук. Волгоград, 1996.
3. Колесникова С.М. Понятие градуирования в языкознании / Морд. гос. пед. ин-т им. М.Е.Евсентьева. Саранск, 1994. .
4. Колесникова С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке / Моск. пед. ун-т. М., 1998.
5. Мезенина М.В. Типология градуальных рядов в лексике немецкого языка / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И.Ленина. М., 1990.
6. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психо-лингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
7. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 43 – 79.
8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
9. Убин И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языка): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1974.
10. Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка. Волгоград: Перемена, 2001.
11. Шейгал Е.И. Градация в лингвистической семантике. Куйбышев, 1990.

Е.В.Савелова, Н.И.Рябинина, А.А.Шунейко
Хабаровский государственный педагогический университет
Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет
г.Хабаровск, г.Комсомольск-на-Амуре

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

На сегодняшний день в Хабаровском крае и, в частности, в г. Хабаровске активно развивается и функционирует свыше 15 национально-культурных сообществ (еврейское, украинское, нанайское, немецкое, корейское, белорусское, азербайджанское, татаро-башкирское и др.), а также более 30 религиозно-конфессиональных объединений (старообрядцы, баптисты, адвентисты, «Свидетели Иеговы» и др.). Настоящая статья содержит описание междисциплинарного исследования, которое позволит посредством изучения актуальных для этих сообществ текстов представить их культурную специфику и тем самым решить ряд важных проблем, связанных как с теорией текста, так и с вопросами национальной, религиозной и культурной самоидентификации.

Наш научный интерес сосредоточен на проблеме выявления специфики текстовой репрезентации религиозных и национально-культурных сообществ, сформировавшихся к настоящему времени в Хабаровском крае. Объектом исследования является комплекс текстов различных уровней и типов, представляющих религиозные и национально-культурные сообщества Хабаровского края в пространстве современной культуры Дальнего Востока России. Предмет исследования – способы и механизмы текстовой репрезентации современной социокультурной модели реальности религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края.

Настоящая работа имеет интегративный характер, аккумулируя в себе аспекты таких дисциплин, как литературоведение, семиотика, культурология, лингвистика, лингвокультурология. Это объясняется сложностью и многоаспектностью текста – одного из ключевых культурологических понятий,

значимость изучения которого в современных гуманитарных исследованиях трудно переоценить. В настоящее время диапазон исследовательских интерпретаций текста чрезвычайно велик. Одной из важнейших проблем современных филологических исследований является проблема интертекстуальности – выявления специфики взаимодействия между текстами различных уровней и типов.

Актуальность заявленной научной проблемы состоит в том, что при включении в текстологические исследования разнообразных культурных феноменов происходит значительное расширение границ традиционного лингвистического понимания текста. Как нам представляется, выявление и актуализация через тексты механизмов репрезентации особенностей религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края создаст предпосылки для выстраивания теоретической интерпретативной модели современной социокультурной реальности данных культурных паттернов. Такой ракурс исследования позволяет объяснить мотивацию поведения, социокультурный опыт и «жизненный стиль» представителей этих социальных групп, что даст возможность существенно расширить спектр знаний о региональной культурной специфике.

На наш взгляд, текстологическое исследование национально-культурных и религиозных сообществ Хабаровского края может быть востребовано для прояснения координат общей картины культуры региона и выявления ее качественных характеристик на современном этапе.

Определение сущности и специфики текстового представления религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края предполагает сбор текстов различных типов и их комплексный анализ с позиции статистического, стратификационного, процессуального, коммуникативного, функционального аспектов.

Такое многоаспектное исследование позволит сделать содержательные выводы относительно лингвистической специфики этих текстов, особенностей репрезентации в них актуальных социокультурных концептов, характера

координации этих концептов с экстралингвистической реальностью, степени изоморфности предшествующего социокультурного опыта и его современной реализации.

Эмпирические и теоретические исследования различных социальных, этнических, национальных, возрастных, профессиональных, религиозно-конфессиональных страт и культурных конфигураций достаточно активно ведутся и в отечественной, и в зарубежной науке. В рамках актуального регионального дискурса также представлен ряд историко-культурных и социологических исследований по данной проблеме. Объектом анализа выступают религиозные (в основном, конфессиональные) объединения, а также национальные общины и диаспоры (национально-культурное сообщество как сложный феномен эпохи трансформации последнего десятилетия в поле зрения региональных исследователей пока не включен).

Однако нам представляется, что для адекватного, мотивированного, комплексного, последовательного описания современного состояния культуры Дальнего Востока России необходим всесторонний, в том числе и лингвистический, текстологический культурологический анализ представленных в регионе национально-религиозных феноменов.

Исследование предполагает не только сбор и обработку первичной текстологической информации о ценностных предпочтениях, культурных ориентирах и специфике социальной самоидентификации религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края, но и экспликацию механизмов активного конструирования социокультурной реальности данных культурных конфигураций в коммуникативном процессе. Такого рода комплексное текстологическое исследование репрезентации религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края в культуре Дальнего Востока России предпринимается впервые.

Специфика методологической основы исследований культуры заключается в особом интегративном статусе дисциплинарных подходов и методов, взятых из разных концептуально-теоретических парадигм и позволяющих решать

задачи комплексного уровня познания. Поэтому в качестве исходных методологических предпосылок данного исследования использован комплекс принципов, идей и аналитических процедур семиотического, системного и культурологического подходов, «понимающей» и феноменологической социологии, символического интеракционизма.

Дальнейшая работа предполагает проведение комплексного текстологического анализа следующей совокупности текстов:

1. Тексты, выявляющие характер и особенности речевого поведения представителей религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края (формульные единицы, речевой этикет, лексико-семантические единицы, специфика грамматических конструкций, объем устойчивых фразеологических оборотов, частота ссылок на базовые культурные тексты своей группы и т.п.). Лингвистический материал для анализа этой группы текстов формируется из данных открытого анкетирования (методика незаконченного предложения и ассоциативного эксперимента), а также неформализованных интервью.

2. Тексты, регулирующие различные аспекты и характер внутреннего существования группы (текстовые сообщения, содержащиеся в уставах, протоколах, докладах, резолюциях, решениях, письмах, публикациях и т.п., а также различные ядерные – религиозные или культурные – тексты, имеющие фундаментальное значение для данного коллектива).

3. Тексты, при помощи которых религиозное или национально-культурное сообщество репрезентирует себя внешнему миру. Основу для лингвистического анализа этой группы текстов представляют материалы региональной прессы и средств массовой информации Хабаровского края (публичные выступления руководителей и лидеров соответствующих групп, информационно-рекламные обращения, объявления о характере проводимых мероприятий и акций, интервью и т.п.).

Исследование предполагается осуществлять в рамках следующих методов:

1) метод полевого сбора материала, позволяющий создать необходимую базу лингвистических данных;

2) метод концептуального анализа, позволяющий выявить наличествующие в текстах актуальные для локальных проявлений социокультурного пространства и для всего социокультурного пространства в целом ценностно значимые понятия и охарактеризовать их с содержательной стороны;

3) оппозитивный и дистрибутивный методы, позволяющие установить степень и характер системного взаимодействия концептов между собой.

Комплексное использование указанных методов позволит осуществить целостный анализ текстов и получить адекватные выводы относительно текстовой специфики, с одной стороны, и особенностей современного состояния культуры региона, с другой.

Теоретической основой данного исследования является сложившаяся в мировой и отечественной филологии (Ф.де Соссюр, Э.Бенвенист, А.Греймас, Р.О.Якобсон, Я.Мукаржовский и др.), семиотике (Ч.С.Пирс, Ч.У.Моррис, У.Эко, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский и др.), структурализме (К.Леви-Стросс, Р.Барт, Ю.Кристева, Ц.Тодоров и др.), философской герменевтике (Г.-Г.Гадамер, П.Рикер и др.) традиция рассмотрения текста как дискурсивного единства, обладающего сложноорганизованной и многоаспектной структурой, способной генерировать новые смыслы. Являясь полем методологических операций (Р.Барт), текст произвольно членим на фрагменты и нагружен одновременно многими и лишь отчасти упорядоченными и принципиально незавершенными смыслами. Каждый текст сплетен из множества культурных кодов, а для выявления его смысловой полноты необходимо не раскрытие какой-либо одной, «истинной» структуры, но установление отношений между структурами, «игры множества структур».

Поиск стратегий текстовой репрезентации религиозных и национально-культурных сообществ Хабаровского края предопределил обращение к исследовательским разработкам в области теории текста (И.Р.Гальперин, О.П.Каменская, З.Я.Тураева, О.И.Москальская, В.А.Кухаренко, Н.С.Валгина и

др.). Анализ текстов той или иной социальной (религиозно-конфессиональной, профессиональной, национальной, региональной и др.) группы, выявление их смысловой, семантической, синтаксической структуры позволяет эксплицировать как механизмы порождения текста, так и ту модель мира, которую отражают в своем сознании представители данной группы.

Весьма плодотворными для данного исследования оказались идеи феноменологической социологии (А.Шюц, П.Бергер, Т.Лукман и др.) и символического интеракционизма (Дж.Г.Мид, И.Гофман и др.) об активном конструировании социальной реальности, различных «миров», какими они видятся разным социальным группам в процессе культурной коммуникации.

Отдельные аспекты темы исторического пути и специфики этнонациональных и религиозно-конфессиональных культур на Дальнем Востоке разрабатывались исследователями как Хабаровского, так и Приморского краев (В.В.Романова, А.С.Ващук, И.О.Сагитова, А.И.Петров, Ю.В.Аргудяева, В.Ф.Лобанов, М.Б.Сердюк, Э.М.Владыкина, В.И.Гоппе, Л.А.Герасимова, В.А.Королева, Г.Б.Дудченко, Е.Н.Чернолуцкая и др.). Однако целостного текстологического исследования особенностей религиозных и национальных культурных сообществ Хабаровского края до сих пор не проводилось.

В качестве примера воспроизведем сокращенный вариант анализа трех записанных у старообрядцев текстов, объединенных тематикой веры: (1) «О вере и об Антихристе» (Н.К.Басаргин, пос.Березовый Солнечного района, текст записан в 1981 г.), (2) «О знании Библии и новых проповедниках» (М.С.Давыдова, д.Бичевая, район им. С.Лазо, текст записан в 1978 г.), (3) «О «своей» и «чужой» вере» (Т.В.Полковникова, пос.Березовый Солнечного района, текст записан в 1975 г.). Эти тексты относятся к первой из отмеченных выше групп и при этом четко репрезентируют стереотипы, зафиксированные для данного коллектива текстами второй группы. Тексты характеризуются единым набором базовых понятий, реализованных различными способами. Цитаты воспроизводятся в орфографической записи:

Бог: «Через веру в Иисуса Христа мы стали чадами Божьими. Бог – Творец, а люди – твари Божьи» (1); «<...> через молитвы общаться с Богом» (1); «Вот спрашиваю его: «Скажи мне, проповедник: с чего Господь сотворил Адама?»» (2); «Мы осеняем себя двумя перстами во славу Христа. Доколе не уверуешь в Христа, не будет тебе спасения, ибо Господь есть Бог великий и царь над всеми Богами» (3); «На кресте страдал-то Иисус Христос, а не Троица» (3).

Библия: «В писании сказано: «Кто во Христе, тот – новая тварь» (1); «В Библии все написано» (2); «Неправда, не знаешь Библии» (2). В тексте (3) актуализируется через упоминание апостолов.

Вера: «Вера эта наша жизнь на том свете. Эта дальнейшие состояния души на том свете» (1); «У нас вера старая <...>» (2); «Молодежь держится нашей веры» (3); «Веру нам апостолы передали» (3); «Нам по нашей вере нельзя заговоры» (3).

Время: «Сейчас пришли времена испытаний и искушений для истинных христиан. Вот сейчас надо готовить себя к тому, чтобы дать отпор всем искушениям» (1); «Сейчас нам надо усилить посты <...>» (1); «В эти времена надо вести правильную жизнь <...>» (1). В тексте (2) представление о времени не лексикализировано, но характеризуется через описание прихода в дом иноконфессионального проповедника.

Мы/свои – старообрядцы: «Во Христе мы стали тварью. Это не обидные слова» (1); «У нас вера крепкая, кто душою с Христом, всегда отличит, где дьявольские деяния» (1); «Нам надо духовно ему препятствовать» (1); «Вот один пришел агитировать к нам, к староверам. <...> мы Библию лучше их знаем» (2); «<...> вот видишь, у нас на кресте, у всех староверов, адамова голова» (2); «Каждый праздник молимся» (3); «Мы осеняем себя двумя перстами, два перста сиздавна у нас» (3).

Они/чужие – представители иной конфессии или атеисты: «Вот ходят по домам баптисты, свидетели иеговы» (2); «Аллилуйя мы произносим два раза: в конце каждой молитвы, а у вас – три раза. Для причащения готовят семь

просфор, а у «мирских» – пять» (3); «А мирские щепотью крестятся. За это мы их щепотниками называем. Никониане это, вот кто. Никониане они, еретики. Они заговор знают. Бывало так сделают, что у коровы молоко пропадет. Человека могут проклясть так, что болеет, чахнет и умирает» (3).

Сатана: «Сатана хочет нас утратить, лестью заманить, он же хитрый» (1); «Надо с Божьей помощью распознать Антихриста и его печати. Антихрист – большая опасность для людей» (1); «<...> ИНН – дьявольский знак» (3); «Заговор – песнь дьявола» (3).

Небольшой по объему текстовый материал показывает базовые концепты, актуальные для данной конфессиональной группы, и характер координации между ними, демонстрирующий свойственную группе картину мировосприятия. В качестве своих частей эта картина включает четкое противопоставление «мы/свои – они/чужие», помещенное в однозначные и безвариантные оценочные планы – «мы» – положительные, «они» – отрицательные. При этом все остальные концепты четко координируются с этой оппозицией, одновременно наполняя её мотивированным содержанием. Бог, знание Библии, истинная вера – с «нами»; в то время как Сатана, его атрибуты и «дурные времена» – с «ними». Бинарная модель с локализованными оценочными планами указывает на замкнутость группы и одновременно, что принципиально важно в практическом плане, демонстрирует те концепты, обращение к которым позволяет установить с этой группой контакт.

Е.В.Брысина

Волгоградский государственный педагогический университет

г.Волгоград

**КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОВОРОВ)**

Языковой знак в системе диалекта, выступая средством коммуникации, неизбежно содержит в себе определенный набор информации, которая в процессе диалектного общения передается от одного участника речевого акта к другому и обладает узуальной или потенциальной способностью к прагматическому воздействию. Предметно-знаковым коррелятом такой информации традиционно считается высказывание – как компонент дискурса, под которым обычно понимается речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами. Однако можно также предположить существование и функционирование некоторого промежуточного порядка информации, репрезентированного на более низком текстовом уровне, автономно представленном в составе целостной коммуникативной деятельности и образующем его подсистему. Предметно-знаковым коррелятом такого рода информации в составе дискурса может быть относительно самостоятельный фрагмент текста, занимающий в его системе уровень, располагающийся между текстовой целостностью и уровнем элементарных высказываний. К единицам такого типа, в первую очередь, можно отнести фраземы, содержание которых в процессе семиозиса уподобляется микротексту, сохраняющему их семантические и прагматические свойства. Диалектный фраземный знак, которым оперируют в прагматически обусловленном контексте обыденной коммуникации, характеризуется

интеллектуально-информативной ослабленностью по сравнению со словом или предложением, но обладает большей эмоционально-аксиологической нагруженностью, которая на прагматическом уровне коммуникации связывается с иллокутивным воздействием на адресата.

Семантическая структура диалектной фраземы представляет собой сложное образование, в котором теснейшим образом переплетаются грамматические, семантические и конструктивные свойства слов и словосочетаний, послуживших фраземообразовательным прототипом данных единиц. Традиционно в семантической структуре диалектных фразем (ДФЕ) выделяют три константных макрокомпонента: 1) предметно-понятийный – основу которого составляет двухступенчатый денотат (в качестве первичного денотата выступает предметная ситуация, лежащая в основе синтаксически свободного словосочетания – прототипа ФЕ; вторичный денотат отражает сферу психических понятий или явлений объективного мира, обозначаемую фраземой; 2) коннотативный, являющийся результатом оценочной деятельности сознания; и 3) грамматический, репрезентирующий категориальные и частнограмматические свойства фраземы.

Большинство ученых единодушны в признании доминирующей роли в семантике диалектных фразем *коннотативного* компонента, являющегося опосредованным отражением в сознании диалектоносителей объективной действительности и содержащем некую совокупность смысловых приращений, особым образом реализуемую в процессе коммуникации. Коннотация, являясь прагматически ориентированным компонентом плана содержания фразем (В.Н.Телия), обладает способностью с помощью заложенной в ее микрокомпонентах прагматической информации реализовывать коммуникативно-прагматическую заданность ДФЕ. Говорящий, формируя высказывание, отдает предпочтение той или иной фраземе, связывая с таким выбором свои намерения произвести на слушателя определенный эффект, вызвать проектируемую реакцию адресата, в том числе и речевую, и тем самым реализовать определенную прагматическую функцию.

В ДФЕ переплетаются различные типы информации: *описание*, отражающая денотативное ядро значения, *оценка* говорящим той или иной ситуации, которая описывается фраземой, *информация об эмоционально-оценочном отношении* говорящего к обозначаемому, *этнокультурная информация*, мотивированная тем ассоциативно-образным представлением, которое сопряжено с внутренней формой ДФЕ и фразеологической картиной мира, *функционально-стилевая значимость* ДФЕ и многое другое.

Разного рода прагматическая информация, прагматический потенциал ДФЕ, реализуется в процессе коммуникации через основные микрокомпоненты коннотативной макроструктуры фразеологического значения – *оценочность, эмотивность, интенсивность, образность, стилистические наложения*.

Прагматическая информация представляет собой совокупность разнообразных отношений, оценок (социальных, идеологических, эстетических, нравственных, эмотивных и т.д.), связанных с функционированием ДФЕ в речи. Являясь содержанием в первую очередь коннотативного макрокомпонента фразеологического значения, прагматическая информация представляет собой многослойное образование и в конкретном коммуникативном акте может быть репрезентирована в том или ином качестве и в большей или меньшей степени. Во многом это определяется коммуникативными параметрами речевой ситуации, а также внутрисемным соотношением оценочных, эмотивных, интенсивных и стилистических коннотаций в значении фраземы.

Попытка представить культурно-прагматический потенциал ДФЕ во взаимодействии с его коммуникативным потенциалом (под которым подразумевается присущие фразеологическому значению системные возможности многообразной реализации в коммуникативных актах) в виде многоаспектного анализа прагматической информации, реализуемой через коннотативный макрокомпонент фразеологического значения, имеет под собой методологическое основание, высказанное Г.В.Колшанским: «Глобальное объяснение сущности языковой коммуникации, требующее сохранения целостности объекта, абсолютно не исключает его разностороннего и

разнонаправленного исследования с полным соблюдением условности вычленения тех или иных свойств объекта» [1, с.156]. С этих позиций представляется возможным вычленить в коннотативном макрокомпоненте фразеологического значения различные «кванты информации» (В.Н.Телия).

Оценочный микрокомпонент значения ДФЕ репрезентирует в речи различные виды аксиологической оценочной информации – эмоциональную, этическую (моральную), эстетическую, утилитарную (полезное / вредное), политическую, религиозную и др. [2].

Наиболее широко представленной в значении ДФЕ культурно-прагматической информацией оказываются *эмоционально-оценочная* (хорошо/плохо), *этически-оценочная* (морально/аморально), *утилитарно-оценочная* (полезно/вредно) и *эстетически-оценочная* (красиво/некрасиво) виды языковой информации, являющиеся интеллектуальной оценкой кого-, чего-либо, пропущенной сквозь эмоциональную призму человеческой психики. Очевидным оказывается факт неравномерной представленности того или иного вида оценочной информации в значении ДФЕ, что во многом предопределено специфическими свойствами семантики фраземы как языковой единицы косвенной номинации, а это, в свою очередь, обусловлено самим характером ценностной деятельности этнокультурной языковой личности. Познавая действительность, номинируя ее с помощью фразем, диалектоноситель одновременно квалифицирует познанный факт, определяет его место в системе общепризнанных (коллективных, этнически и культурно обусловленных), а также личностных ценностей, испытывая при этом определенные чувства – удовлетворение, удовольствие, восхищение или, наоборот, раздражение, досаду, неприязнь. Всё, что хорошо (красиво, нравственно, полезно), вызывает положительные чувства; все, что плохо (безнравственно, аморально, некрасиво, безобразно, бесполезно), сопровождается отрицательными эмоциями, то есть в процессе познания эмоциональная оценка оказывается доминирующей в сознании языковой личности. Это находит свое отражение и в семантике фразем: большинство ДФЕ передают именно эмоционально-оценочную

информацию. К примеру, фразема *мордить губы* имеет в донском казачьем диалекте значение «зазнаваться» и содержит отрицательную эмоциональную оценку, потому что зазнайство не только не соответствует общепринятым представлениям о норме поведения, но и фактом нарушения этой нормы вызывает у других членов данного языкового коллектива отрицательные эмоции – неудовольствие, возмущение и под. ДФЕ *бить клы* означает «сплетничать», что также осуждается в коллективе и сопровождается отрицательными эмоциями презрения, неприязни и под.

Фразеологическая оценочность в большинстве случаев осложняется эмотивными оттенками, «полутонами смыслового значения» (В.К.Харченко), поэтому о какой бы разновидности оценочной информации – этической, утилитарной, эстетической – ни шла речь, в каждой из них в той или иной мере представлена информация эмотивная. В этом случае целесообразно говорить лишь о характере соотношения оценочности и эмотивности в коннотативном макрокомпоненте фразеологического значения.

«Экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны» (О.С.Ахманова) часто выступают в совокупности, проникают друг в друга, с чем связаны трудности их практического разграничения. Из всех коннотативных признаков с оценочным теснее всех связан эмоциональный. Они фиксируются одними и теми же словарными пометами: «презр.»; «неодобр.»; «пренебр.»; «укор.» и под., поэтому разграничить их бывает трудно.

Традиционное деление оценок на два типа – рациональный и эмоциональный – в диалектной фраземике находит своеобразное подтверждение: ДФЕ рационально-оценочного типа, называющие объективные качества предметов, которые не вызывают заметного осуждения или одобрения субъекта, находятся на периферии фразеосемантического поля. Это единицы типа *бархатный подпилок* «самый мелкий напильник», *беззаботный монастырь* «беспечная, беззаботная жизнь», *бороздить до последнего* «биться до конца», *болею болеть* «сильно болеть» и под. Те же фраземы, которые образуют ядро и околядерную зону диалектного фраземного поля, содержат в

семантической структуре эмоционально-оценочную информацию: *держат на просол* «долго не отдавать замуж» – это нехорошо, так как противоречит общепринятым нормам, и поэтому вызывает насмешку, ироническое отношение; *заносить хвосты* «угодничать» – такое поведение осуждается и вызывает презрение окружающих.

Оценка относится к числу собственно человеческих категорий, находясь на пересечении интеллектуальной и эмоциональной сфер человеческой психики. Ученые-философы неоднократно отмечали, что оценка изучаемого объекта является неизбежным компонентом процесса познания действительности. Акт оценки проникает в процессы познания и практики. На рациональной ступени оценка уже носит осознанный характер и выражается в соображениях полезности, важности, значимости для человека и общества. Это мнение активно поддерживается и современными лингвистами. Оценка, отмечает Н.Д.Арутюнова, задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства [3, с.3].

Оцениваться в диалектной фраземике могут отдельные свойства лица и предмета: *три бабайки в гору* «о человеке очень высокого роста», *ни пойка ни едка* «о плохих вкусовых качествах пищи»; сам человек, его внешний вид, интеллект, моральные качества: *тихое лето* «очень робкий, тихий незаметный человек», *Устя - рукава спустя* «о неаккуратном, неряшливом человеке», *в носе не кругло у кого* «о человеке, плохо соображающем, не способным сделать что-либо», *ни суй ни пхай* «никчемный, ничего не стоящий человек», *отрывок от черта* «сорвиголова»; поведение человека, его взаимоотношения с другими людьми: *мотать мотки* «вести распутную жизнь», *смолить булды* «бездельничать», *надавать духопелей кому* «побить» и т. д.

Оценочные ДФЕ обладают ярко выраженной антропоцентричностью: в центре оценки стоит человек – как субъект оценивающий и как субъект

оцениваемый. При оценке артефактов и внешнего мира центральным критерием остается сам человек (его интересы, потребности, польза).

Исследователи диалектной фраземики Л.А.Ивашко, Н.И.Лавров, В.М.Мокиенко, А.И.Федоров и др. единодушно отмечают, что среди диалектных фразем с оценочным значением безусловно преобладают те, которые характеризуют называемый объект с отрицательной стороны. Тот факт, что в диалектной фраземике доминируют единицы с пейоративной семантикой, довольно убедительно прокомментировал В.М.Мокиенко: «Народный язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп. К положительным явлениям жизни речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность» [4, с.48]. Используя данные диалектных словарей и материалов диалектологических экспедиций, можно утверждать, что фраземы положительной оценкой обозначаемого составляют приблизительно 5-6% от общего количества оценочных ДФЕ. Мелиоративная оценочность имеет место в некоторых ДФЕ, характеризующих человека по внешним признакам: *как ясмён сокол* «красивый, видный мужчина»; *дунь – полети* «о нарядно одетом человеке»; по свойствам характера: *суетная Марина* «о расторопной, проворной женщине», *из-под пят кожу рвёт* «ловкий, умелый человек», *нетрусова десятка* «смелый, храбрый»; характеризующих ту или иную жизненную ситуацию: *есть хлебушко обдутый* «о богатстве, достатке в доме», *жить как господские* «жить хорошо, ни в чем не нуждаясь» и нек. др. При этом следует заметить, что многие ДФЕ обладают оценочной неоднозначностью, что, вероятно, определяется противоречивой природой самих реалий, стоящих за этими единицами. В зависимости от установки различных оценочных, субъективных начал говорящий может выражать к некоторым качествам и свойствам (гордость, робость, послушность, безропотность, долготерпение, хитрость, довольство и др.) свое различное отношение – одобрение, осуждение, насмешку, иронию, восхищение, удовлетворение, которые предопределяются одновременно и характерными для

данной культуры нормами и ментальными установками, и параметрами конкретной речевой ситуации.

Оценочный макрокомпонент фразеологического значения несет информацию о ценности того, что отражается в денотативном содержании фразем, при этом «оценивающий» субъект соотносит с ценностной картиной мира все, что случается или происходит в мире и отражено во фразеологизмах.

В силу того, что основным дифференциальным признаком эмоциональной оценки является установление ценностного отношения между субъектом и объектом в процессе диалектного общения, определение оценочного статуса кого- или чего-либо, представляется необходимым отметить двойственный характер самой оценки.

Оценочный компонент семантики ДФЕ является объективным по своему содержанию, так как заключает в себе обобщенный опыт ценностного отношения данного этнокультурного сообщества к тем или иным фактам окружающего мира. Суждение о ценности определенного предмета, лица, признака, действия, представленное в семантике ДФЕ, репрезентирует общественно признанную, закреплённую в сознании диалектоносителей оценочную норму, соотнесённую с ценностной этноязыковой картиной мира представителей данного социума. В этом смысле фразеологическая оценка объективна.

Однако в процессе коммуникации ДФЕ, обладающая той или иной оценочностью, выбирается этнокультурной языковой личностью из ряда других языковых средств с целью реализации в речевом акте личностных смыслов, задуманных намерений, коммуникативных интенций. И в этом смысле оценка носит субъективный характер, так как служит для выражения субъективного отношения диалектоносителя к кому или чему-либо независимо от объективных свойств предмета, объекта оценки, и субъективно им применяется.

С одной стороны, говорящий субъект, чтобы быть понятым членами того же говорящего коллектива, не может выйти за рамки принятой в данном

обществе ценностной картины мира: быть понятым адресатом – это сущность коммуникативной ориентации речи (В.И.Зимин). И в то же время в процессе коммуникации говорящий способен трансформировать оценочный смысл ДФЕ, «приписывая» ей иную, нежели узувальная, оценочную информацию. Предмет, объективно обладающий положительными свойствами (полезность, рациональность и др.), в конкретной коммуникативной ситуации может оцениваться диалектоносителем при помощи ДФЕ как непередпочтительный. И наоборот, предмет, имеющий объективно отрицательные черты, может приобрести в высказывании субъекта речи статус передпочтения. Это создает тонкую прагматическую игру в использовании ДФЕ в речи и выражается в их амбивалентности. К примеру, ДФЕ *кошкой на дыбошки* (как *кошка в дубошки*) объективно обладает отрицательной оценочностью, характеризуя человека несдержанного, вспыльчивого. Ср.: *Жена у него, Любка, такая сикливая* (обидчивая – Е.Б.), *прям кошкой на дыбошки* (Б.Екимов). В другом предложении данная ДФЕ обретает иной контекстуальный оценочный смысл, выражая одобрение субъектом речи поведения матери, защищающей детей: *Своих детей Антонина в обиду никому не давала, как кошка в дыбошки становилась на их защиту* (Н.Сухов).

Прагматический потенциал ДФЕ в конкретном речевом акте может быть ситуативно ориентирован. Языковая оценочная информация, содержащаяся в семантике ДФЕ, может воздействовать на адресата с разными целями:

1. Являясь одним из средств осуществления социальных санкций в больших и малых социальных группах для поддержания принятых в данной группе социальных установок, эмоционально-оценочная языковая информация оказывает влияние на поведение посредством воздействия на оценочные установки адресата, посредством указания адресату на опасность оказаться объектом общественного осуждения, социального неодобрения, насмешки. Показательными примерами такого употребления ДФЕ могут служить следующие записи диалектной речи, выбранные из Словаря русских донских говоров и материалов диалектологических экспедиций по Волгоградской

области: *Чиво ты коники выбрасываиш, из ума выжыл, карёжыть тибе, где выбрасывать коники «делать что-нибудь, вызывающее осуждение»; Ну, щиво ф купырь лезиш? Ни-праф-жы ты! – лезть в купырь «спорить, артачиться, лезть в бутылку».* Аналогичную ориентацию имеет ДФЕ *из себя меня корёжыть*, имеющий значение «представляться не тем, что на самом деле есть»: *Што ты тут фсё рассказываиш, иди; фсё мы пра тибя знаим, нечива ис сибя миня карёжыть.*

2. Эмоционально-оценочная информация в семантике ДФЕ может оказывать регулятивное воздействие на адресата путём косвенной апелляции: при такой ориентации ДФЕ употребляется говорящим без непосредственного обращения к адресату; имеет место «рассуждение вслух», при котором говорящий высказывает свою оценку по отношению к третьему лицу, тем самым как бы репрезентируя свою оценочную позицию и давая возможность собеседнику присоединиться к этой оценке (при коммуникативной гармонии) или отвергнуть ее (при коммуникативной дисгармонии). Такая культурно-прагматическая ориентация характерна для ДФЕ *коситься сентябрём «смотреть косо, хмуро, свысока», выделявать котелки «делать что-либо необычное, выкидывать фортели», ходить (идти) отряся ножку «двигаться не спеша», полезть (залезть) за борозду «переступить границу дозволенного»* в следующих примерах: *Идётся, атварачиваица ат-людей, синтябрём касица; Заругаюца – и глядиш ни уступають адин другому, палезуть за баразду, а эта да-дабра ни давидётся; Идётся атряся ношку, каг-бутта ей скоро ничиво ни нада; Ну и страматница, выделявайт катялки, ни стыда, ни совисти.*

3. Положительная эмоционально-оценочная информация, репрезентированная ДФЕ, может быть использована говорящим с целью вызвать у адресата подражательный рефлекс. При этом особую роль играет интонация восхищения, одобрения поведения третьего лица, о котором идет речь в разговоре: *Уш и Ванька, фсё празнал, лиськом сумел прайтить – вот таким и надать быть – пройти лиськом «о расторопном, пронырливом человеке»; А Шурка, она молодец, она им бубны выбьет! (Б.Екимов) – выбить*

бубны «поставить на место кого; справиться с кем-либо». Особенно эффективно данная ориентация ДФЕ проявляется в том случае, если авторитет говорящего в глазах адресата достаточно высок.

4. Положительная оценка, передаваемая ДФЕ, нередко используется для трансляции благодарности говорящего адресату за предшествующее поведение, ранее совершенные поступки и т.д., как стимул дальнейших действий, вызвавших позитивную реакцию говорящего и т.п.: *А када мы ухадилы ф свой дом, я свякры сказала: «Спасиба тебе, мама! Я стольки лет с тобой жыла, а ты мне ф трату ни давала! – не давать (не дать) в трату «не давать в обиду»; В вас радитили цаны ня ценюць, и вы их уш ни абижайтя – не ценить цены «очень дорожить кем-, чем-либо».*

5. Отрицательная эмоционально-оценочная информация, прямо направленная на адресата, может служить своеобразной формой защиты говорящего или средством вербальной агрессии, нанесения обиды собеседнику, что прямо или косвенно может повлиять на поведение объекта воздействия: *Падумаши, абидилси – развесил брюни, самому нечива нарыпаца – развесить брюни (брюнди) «обидеться, надуть губы»; Молат ты мне ишишо указывать, спярва хоть трошки сопли утри! – утереть сопли – «подрости, повзрослеть, набраться опыта»; Привыкли за чужой стиною затишык пахать, так и тинерь ни выласьти, нихто вас ни слухаить – за чужой стеной затишек пахать «уклоняться от ответственности».*

6. Грубая, бранная оценочность, представленная в значениях некоторых ДФЕ, способна спровоцировать ответную грубость, агрессивность адресата, что можно наблюдать в следующем примере: *«– Ты, культяный чёрт, сатаил, сатаил! – задыхаясь выкрикивал дед Парсан, и бородёнка его тряслась как на привязи. – Подкупил разведента, получил землю, а теперь и разеваешь рот шире ворот: «Не на-адо, не на-адо!» – Бреешь! Как кобель бреешь! – Фирсов мотал обрубленной кистью. Тебя б на привязи держать, ты хоть кого оббрешишь! Распахали, а теперь делить. Эх, ты... Умный! Ишь! Дай умка*

пятки помазать! Повадился садиться на готовенькое! Тебе б жевали да в рот клали ...» (Н.Сухов. Казачка).

Субъективная этнокультурная действительность преобладает в семантической структуре ДФЕ, проявляясь в оценочной деятельности говорящего субъекта, в образно-ассоциативном восприятии мира, в эмотивном к нему отношении. Всё это и составляет собственно содержание ДФЕ. Говоря иначе, знаковая функция фразем, особенно тех из них, которые не утратили ассоциативно-образный план, состоит в замещении чувства-отношения говорящего к обозначаемому, при котором номинативный план или денотативное содержание – само обозначаемое реальной действительности – отступает на задний план, на первый план выходит именно это чувство-отношение – оно занимает вершинную позицию в отображении действительности [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1973.
2. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1971.
3. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М.: Наука, 1984.
4. Мокиенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопр. языкознания. 1995. № 4.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

О РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ВОСПОМИНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ)

Речевой жанр (РЖ) «Воспоминание» как вербализация прошлого опыта составляет один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, являясь средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации [1; 2].

По определению словаря [7, т.1, с.215], воспоминание – это «то, что сохранилось в памяти, мысленное воспроизведение этого, возобновление представлений о ком, чем-л.». Следовательно, смыслом коммуникативной ситуации является «извлечение из памяти и вербализация информации о каких-либо событиях, имевших место в прошлом» [2, с.169]. Таким образом, коммуникативная цель жанра воспоминания состоит, во-первых, в передаче информации (воспоминание относится к информативным жанрам, которые осуществляют различные действия с информацией: передачу, сохранение, получение). Например:

Всё готовили у русской печи / в чуунках // Их доставали ухватом / его тауже называют роучаём // Ещё была чепилá / она для сковороды // Без чепилы ни блина не спечёшь // А тоуда у печки наварить / на целый день //

*Телевизеров то(г)да не было / то(ль)ко радио появилось / громкоговоритель был ў конторе / все собирались и слушали // А телевизоры появились то(ль)ко в ше(стиде)сятые годы //**

Во-вторых, вспоминают обычно то, что воздействовало на воображение, что врезалось в память, следовательно, коммуникативная цель состоит и в том,

* Данная работа выполнена на материале диалектных текстов, собранных сотрудниками кафедры русской филологии и студентами филологического факультета в деревне Черновка Свободненского района Амурской области (экспедиции 2000, 2001-го годов). Тексты приводятся в следующем оформлении: знак / означает границу синтагмы, знак // - границу высказывания как интонационно законченного образования.

чтобы передать эмоциональный настрой говорящего адресату, вызвать ответную реакцию – понимание, сопереживание.

Раньше матрасы соломенные были // Матрасовку соломой набьёшь / пару раз постишь и новый можно набивать // А щас матрасов разве накупишься / а они все позбиваются / спать невозможно // А ещё в матрасовку шишек хмельёвых набивали / а от них такой обалденный запах // Спишь на них как убитый // И врачи рекомендуют для тех / у кого бессоница // На палатках спали // Ставили козлы таки невысоки / прибивали доски сверху / вот на таких и спали //

Деревня такая по-над Зеей / тама свадьбу играли // Теперь как вспоминёшь / ой //

Также нужно отметить, что воспоминание в диалектной речи нередко служит средством для формирования определенного обобщенного вывода. Чаще всего, по мнению Л.Г.Гынгазовой [2, с.169], которое мы полностью разделяем, это «разного рода оценки, либо подводящие итог прошлой жизни, либо формируемые из антитезы «раньше-теперь» и соотносимые с полюсами «хорошо-плохо», либо заключающие в себе представления о нравственно-этических нормах, эстетическом идеале и т.п.». Как представляется, право на такого рода выводы, суждения дает прожитый жизненный опыт (возрастной приоритет) рассказчиков:

Машин то(г)да ни у кого не было / зато у всех лесопеды были // А щас у всех машины / все такие важные / а то(г)да не перед кем было нбсы драть //

По телевизору недавно слышала про больницу для новорожденных // Новорожденные жили без матерей / матери только на кормляжку ходили // Там умерло мноую детей / езде одно вредительство //

В моей жизни примечательности не было // Работала я с интересом // В детстве возили на Белорусский вокзал / Кремль видела // Раньше люди добрее были / а сейчас злоба какая-то //

Характеристика участников общения. Образ автора и образ адресата – второй жанрообразующий признак. Объективным различием между автором и

адресатом является разная степень информированности, которая определяется по двум основным критериям: а) возраст (старший – младший, молодой); б) принадлежность к социуму (свой – чужой). В качестве адресата выступают собиратели и исследователи говоров, чаще всего городские жители, не являющиеся представителями крестьянской культуры. Это налагает на автора ограничения в выборе темы, в отборе информации в рамках темы, а также предполагает введение в текст, при необходимости различных комментирующих высказываний. Это чаще всего замечания, связанные с осознанием принадлежности некоторых реалий воспоминания к миру прошлого (ориентация на адресата – человека другого времени). Например:

Потом бельё на людей гладила // А утюгов тогда не было / рубелем гладили//

Уфа́т возьмёшь и туды / ў печку суёшь кастрюлю // Сковородником ещё уоршки брали // Кастрюлев раньше не было // Ложки сейчас купляем ў мауазине / а раньше такие расцветные ложки делали // Деревянные чашки вырубьуали //

Характеристика образа автора по участию/неучастию в описываемых событиях влечет за собой проявление субъективных смыслов, в первую очередь, авторизационных и персуазивных.

Авторизационные показатели, квалифицирующие источник информации, весьма разнообразны в диалекте. Эти показатели могут быть минимальными, выраженными частицами или глаголами, – *мол, дескать, говорит(-ят)*, например:

*Были дожди / вот недавно дождь был / хороший прошел // **Говорят** / что там (в Черновке) не было дождя / а вот оттуда всё / все тучки оттуда шли // А вот почему-то не было там //*

*Коуда суда приехали / я ешио маленькая была / потому точно не знаю / почему родители суда поехали // **Уоворят** / то(г)да аутировали ўсех / мол земли здесь мноуо / вот ўсе и поехали //*

*Так вот / он на них посмотрел и **сказал** / что не повезёт в Чечню мишени для снайперских пуль / пусть / **мол** / их сначала обучат военному делу //*

и могут быть более информативными, представленными развернутыми конструкциями, самостоятельными предложениями.

Примеры:

*У меня свадьбы-то не было / а мама **говорила мне мною** / какие у них в деревне свадьбы были //*

*Вот пошел **я** клуб **гулять** // **Мне рассказывали** / мне там не было / **дома рассказывали соседние девчонки мне** // **Вышли** / **г(о)ворит** / мы с клуба / идём // Он идёт один / и она идёт одна и девчонки идут по одной // Она подбежала к ему / да и **говорит** // «Да **я** все по парам / и мы давай / Миша / с тобой» //*

Вспоминая какое-либо событие или ситуацию, диалектоноситель часто воспроизводит в своей речи чужие реплики или даже диалоги.

Специфика текстов, включающих чужую речь, состоит в том, что в них присутствует третье действующее лицо – автор воспроизводимого текста. При передаче чужой речи происходит столкновение двух коммуникативных сфер – сферы реальной, актуальной коммуникации и коммуникации воспроизводимой или моделируемой. Степень приближенности/отдаленности чужой речи к ее субстрату – первичному сообщению зависит от коммуникативных намерений и индивидуально-речевых способностей говорящего.

Тип коммуникации существенным образом дифференцирует языковые характеристики чужой речи, в частности избираемое синтаксическое оформление [3, с.70]. В устной некодифицированной сфере, какой является диалектная речь, основной формой передачи чужого текста является прямая речь. Выбор прямой речи значительно упрощает для говорящего построение плана выражения, так как в этом случае чужая речь синтаксически оформляется как речь самого говорящего.

Метатекстовые сигналы чужой речи используются в качестве универсального пограничного маркера своей/чужой речи. Репертуар этих сигналов, вводящих чужую речь, предельно сужен в диалектной речи. В нашем материале наблюдается использование частиц *мол*, *дескать* и глаголов

достаточно широкой семантики – *говорить, сказать, спросить, ответить*. Отметим, что насыщенность рассказов-воспоминаний воспроизводимой речью значительна, если темой – «третьим лицом» является человек.

Таким образом, перенося прошлое в ситуацию общения, автор и сам, и его собеседник как бы становятся свидетелями происходившего, при этом показатели авторизации предшествуют передаче чужой речи:

Председательша наша мяне так сказала / мол / мноуо вас таких / на ўсех денеу не напасёшься //

Жила я у приёмных родителей / они не запрещали учиться / но сказали / – Учись да помогай // Тогда ж вообще не было пенсии / да куды / вот я и не выучилась // У людей счастья всем / а мне вся жизнь кувырком с детства //

Было собрание / выступали хронтовики наши // Говорили / – Не обижайтесь / это война //

Мы с сестрой и братом попрятались под кроватью / а японец приходит и говорит / – Вылазьте / мы вас трогать не будем // Куры были дома / всех поперебивали // Мать одна-то // А отец на базар ездил / а там японцы // Его поймали и сказали / – Мы дадим тебе расписку / что ты наших возил в штаб // Он вернулся домой / а тут японцы // Спрашивают / – Ты где был? // А он говорит / – Ваших возил в штаб // Вот так и выжил //

А он с уоруду приехал / посмотрел // Дескать / я в уоруде живу / чистенький / при уалстучке / а она в каких-нибудь сапогах или обутках там / тискаться / доит коров / телят поит //

Персуазивность – уверенность или неуверенность автора в достоверности излагаемой им информации. Коммуникативной нормой для языка является изложение информации, в которой человек уверен, поэтому появление показателей персуазивности в речи обусловлено определенными целями говорящего. Сигналами сомнения в достоверности информации в диалекте чаще всего выступают вводные слова *кажется, может (быть)*:

У нас в Чембарах / каже(т)ца / не было по-чёрному бань /а может и были//

Нужно отметить, что информация, представленная в диалектных высказываниях, чаще получена говорящими путем непосредственного наблюдения, контакта с предметом речи. Употребление вводных слов вызвано недостаточностью информации, обусловленной, как правило, причиной давнего срока: было давно, поэтому кое-что забылось, или помню, но сомневаюсь.

К экспрессивным показателям, усиливающим утверждение, в диалекте относятся модальные слова *конечно, правда*. Эти показатели имеют адресатную природу [6]. Назначение приведенных слов заключается в том, чтобы «снять» возможные сомнения [1], вселить уверенность в собеседника в том, что все было именно так, а не иначе.

Сразу было / конечно / плохо трудодни // Просто не знаю / почему так было //

Мама нам шила платюшки из мешков // Отбелит их и сошьёт // Они отличаются / конечно //

А я знала / что у неё [жены лесника] телефон есть / и сразу поняла / что она с плохой вестью пришла // И правда / сказала / что мой помер //

Введение модальных слов может быть и сигналом того, что говорящий с определенной долей оценивает описываемую ситуацию.

Было / правда / доносительство (и это, конечно, не хорошо!) / сначала боялись / лишнего слова не скажешь / а потом перестали бояться // Боялись люди / и лучше было / и порядок был //

Комментарии модусного характера, эксплицирующие установку автора на правдивость, непреувеличение, могут быть развернуты и в самостоятельные конструкции:

Все начальники живут / а люди нет // Железо копают / с детьми ходят копают // Всё правда / брехни никакой нет //

Итак, автор выстраивает свой коммуникативный образ с ориентацией на адресата, но успех общения возможен только в случае заинтересованности последнего, его психологической готовности слушать, сопереживать, поддерживать автора вопросами-стимулами. Слушатель имеет право

поддерживать, спрашивать, оценивать, мотивированно прерывать рассказчика. Таким образом, коммуникативному сотрудничеству «автор-адресат» отведена в текстах-воспоминаниях жанрообразующая роль.

Метакомпонент (имя жанра) присутствует в большинстве текстов (~80%). Он представлен в большинстве случаев глаголами: *помнить, вспомнить*. Основной метакомпонент – глагол *помнить* в форме 1-го лица, единственного числа.

Помню год был / всё росло / и грибов много было / и ягоды / и в огороде всё росло // И картошка крупная была / и помидоры рясные // Мы из помидоров горлодёр с хреном делали //

Помню / как-то женщина на работе мене заказала за хорошую цену кружево связать // Я то(г)да купила нитки тридцатого номера / рисунок посложнее и покрасивше выбрала / целый месяц вязала / зато красиво получилось / аж жалко отдавать было //

Помню / он пьяный пришёл ночью домой / глаза у яю таке нехорошие / и уоворе / Утром придут за мной люди / А я щас петухоу рубать буду //

Солнце уже на закате / а кукуруза там двухметровая / и по сей день *вспоминаю* эту кукурузу // Сколько мы пытались / не вырастили такую //

Помню / приехала сюда / встретила парня // А вечером пришли его братья и увели меня без свадьбы / без ничего

Я малинька была тауда // *Помню* сам День Победы // *Помню* / что жили плохо / бедно // Носить было нечего //

Помню ещё / дед у мёня был боуомольный очень // В хате подстелить подушачку / сядет / и чётки перебирает // Кода молился / никоуо в дом не пуцал //

Помню / что мама / чтобы мы не пужались / бросала ууольки в воду / и этой водой обмывала нас //

Усе с одной чашки // Вокруг стола садятся // Это и я *помню* / маленькая была // Вокруу стола и с чашки // Деревянные ложки // Миска такая большая (э)малярованная // И туды насыпали //

*А ў очереди / **помню** / стояла / во второй класс ходила и ў очереди за хлебом стояла // Это **помню** // Да // Мать идёт на ферму / подымает нас / она ў три часа уходила // Иду туда к магазину / и сто. ў очереди за хлебом / шоб / привезит / шоб без хлеба не остаться // Ну и стоишь ў очереди // Возьмёшь хлеб / стою ў очереди и сплю // А взрослые как сдавят / и я ногами достаю до земли // Они меня туда / между собой заносят / Хорошо / продавец такая / что увидит / хлеба даст / и я вылезу оттуда // Я иду / плачу / спать охота // Вот часоў до девяти стоишь ў очереди / покуда хлеба не возьмёшь // Это было // Это **помню** хорошо //*

*Так / ну чё ж ещё **ўспомнить** // Каку(ю)-нибудь хорошенькую // Ёт уад / мозу так плохо ўарят // Что значит под старость лет скилироз! //*

А дом наш строился уже лет и памяти нет // Хозяева еу помёрли / ўредные такие были //

Компонент *память* синтезирует комплекс субъективных смыслов, в том числе авторизационные и персуазивные. В сознании носителя диалекта память тесно связана с жизнью, иногда эти понятия синонимичны. Жизнь – это своя жизнь, но другая, прошлая [1, с.102]. Это обстоятельство создает условия для сосуществования двух тенденций, на первый взгляд, исключających друг друга: «собственная сопричастность к происходящему, с одной стороны, и отчужденность, объективированность, с другой стороны» [1, с.102]. Как представляется, в какой-то степени своеобразным «объективированным» началом многих воспоминаний служит объективное признание рассказчика в том, что уже многое забылось, что, в свою очередь, объяснимо преклонными годами и нелегкой прожитой жизнью.

Их (песен) не дай бох сколько! // Ёт забываіи // Ё мозуах уже ничё не держица // Скилирос // Я и так вам маленько напела // Бу(д)ите (в)споминать //

*Ой / да я уж всё **позабывала** / миленькая // Мне уже без году восемьдесят / так чё ж с нас брать? //*

*Пели / мноуе пели песни // Частушек знаю сто // Я ж воронежская артистка // **Позабывала** мноуо / девки //*

Интерес представляет словоформа *бывало*, которая в исследуемых говорах, так же как и *помнить*, достаточно регулярно встречается в роли метакомпонента жанра и вносит дополнительную долю объективности в повествование. В этом случае, *бывало* может употребляться либо как форма (единственное число, прошедшее время, средний род) глагола *бывать* в значении «быть, существовать, наличествовать, иметься, иметь место (время от времени, случайно, иногда)» [7, т.І, с.128]:

*Бывало / с дедом идём / үде үляем // Мы ўсе свадьбы на Муре переүляли //
Ўсех ў армию попровожали // Все-все нас люди уважали и звали ўси // Ну /
парней вот / коүо забирают / и на үлянье нас ўсих ўсяүда приүлашают //
Уляли / плясали / водку пили //*

*Бывало / война // Мама вьйде(т) с намы // Всех на фронт забрали //
Прййде с работы / як запёют и давай плакать // А мы рубашки понатяүиваем
на ноүи и босые помоүали петь // Прясуть сядем / мама по буракү спякё / свеклә
сладкая ў печи // А у коүо что было / то и делали //;*

либо как вводное слово со значением действия, регулярно повторяющегося в прошлом «иногда, прежде, случалось» [7, т.І, с.128]:

*Я / бывало / поеду / ўот / на эти / на курорт // Я ездила ў Шмакоўку /
Лазурный / и теперь Амурский залиў // Ну это между Ўладивостоком и этим /
Артёмом // Ўот //*

Появление в тексте слова *не помнить*, может быть либо сигналом того, что РЖ воспоминания не состоится, либо свидетельством того, что говорящий обращается к опыту других людей, опирается на родовую, коллективную память, память другого поколения, сам же говорящий представляет одно из звеньев этой памяти и является ответственным за то, чтобы эти звенья не распались:

*Еле-еле питалися / какие там золотые колечки // Никаких не было колечек
// Не прыпомню / штобы с кольцами женились //*

Память образная эксплицируется находящимися в диктумной части глаголами *смотреть, видеть, глядеть*, маркирующими информацию, полученную путем непосредственного восприятия:

Раньше ж были сильны(е) морозы здесь / на Дальнем Востоке // Вот зимой смотришь / воробей вылетит и замерзал / падал // А потом вот этих сорок не было здесь // И понятия не имели о сороке вот этой вот длиннохвостой // А сейчас же они сороки появились //

Стемнело / лежим // А комары-то жучат // И ударить нельзя / ударишь / а каска «дзинь» // Нельзя обнаруживать себя // Лежим / смотрим / в темноте силуэт // <...> Через некоторое время с левого фланга видим / кони / конница идёт //

Ну / говорю / приедем домой / у нас гость // Смотрим / мама родимая / они у хате // Ноги- то отоедят тебе //

Замуж вышла здесь / хорошо жили / шестеро детей / хозяйство / и коровы / и свиньи / и гуси // Бывало глянешь на озеро / гуси как лебеди плывут //

Диктум – это событийная основа текста, его пропозитивная часть, или по М.М.Бахтину, «предметно-смысловая исчерпанность». Следует согласиться с Т.В.Шмелевой [5] в том, что у каждого жанра есть свои требования к диктуму. Для жанра воспоминания важна включенность диктумного содержания в личную сферу автора, что видно из предыдущих рассуждений.

Диктум анализируемого РЖ можно охарактеризовать как полипропозитивный, так как жанр этот комплексный, а не элементарный [1]. Вербализованной оказывается преимущественно пропозиция бытия, оформленная как предикативная конструкция, которая чаще всего, сочетается с пропозициями характеристики и пропозициями действия. Повышенная «плотность» бытийных высказываний в текстах – рассказах о прошлом, позволяет считать наличие бытийных моделей жанрообразующим признаком РЖ воспоминания. Кроме того, бытийные высказывания – свидетельство того, что воспоминание в диалекте осуществляется по принципу бытия.

Особенностью жанра воспоминания является его ретроспективный характер: изображение прошлого, которое сохранилось в памяти автора и восстанавливается им значительно позже. В воспоминаниях, где ведущим признаком повествования является ретроспективный показ событий, прошлое и настоящее осмысливаются как единое целое, прошлое преобладает над настоящим, то есть реальным, а будущее отсутствует. Совмещение и соположение разных временных планов дает возможность автору переосмыслить события прошлого с позиций настоящего времени.

Все описываемые в текстах-воспоминаниях события отнесены в прошлое, однако способы репрезентации прошлого могут быть самыми разнообразными. Прежде всего это грамматическое прошедшее время глаголов:

*Деревня раньше **была** большая // Здесь белую и жёлтую глину **добывали** // Для строительства жуть **брали** глину // Завод **был** большой / на нём много людей **работало** // Молодёжи много **было** в силе //*

*Мы раньше **вышивали** // Руки **вытирали** рушником // Это вышитое полотенце // Скатёрка у меня вышитая **была** // Гладью **вышивали** / крестом тоже // **Вязали** на́волочники / скатёрки / салфетки разные //*

Однако часто грамматическое время не совпадает с жанровым. В анализируемых текстах широко отмечено настоящее и будущее – изобразительное время, которое создает эффект присутствия и вовлекает адресата в переживание ситуации:

*Уолод был / **ись** нету / **натопим** печку на улице и **урибы** туда / они **высушатся** и едим **их** //*

*Тогда небо **хмарилось** / и дул **ветер** / сразу видно **что** будет **непогодь** // И **потом** целую неделю **дождь** лил / и лил //*

С той же целью используются глаголы 2-го лица будущего времени, являющиеся главным членом обобщенно-личных предложений:

*Борщ **варили** с чушачьим и уовяжьим мясом // **Нахлебаешься** борща и хорошо //*

*Ещё гадали по-всякому / на блюде / на бумаге // Это всё со свечкой
делается в темноте // На блюде ворожили / Ещё гадали по дровам // В
темноте **заходишь** в сарай / **берёшь** охапку дров и **считаешь** // Если чётное
число / то в этом году **выйдешь** замуж / а если нечётное / то сидеть тебе ещё
в девках // Самое страшное гадание с двумя свечами и зеркалом // Надо
остаться в полночь в бане одной и смотреть в зеркало // Кого там **увидишь** /
за того и **выйдешь** замуж // Во(о)бшэ я так не ворожила / потому что разные
плохие истории про это рассказывали // Мы были молодые / и нам было
страшно // Зато ворожили по-другому // **Идёшь** по воду в колодец в
двенадцать часов / **приносишь** и **наливаешь** в блюдо / Блюде должно быть
чистым / без всяких цветов // **Смотришь** в зеркало на кольцо и **загадываешь**
любимого // В кольце должен появиться муцина //*

Текстовое время может выражаться лексическими и синтаксическими средствами. Это темпоральные указатели типа *раньше, тогда (тады)*, непосредственно передающие значение времени:

***Раньше** в лесу было мноуо грибов и ягод // Возьмёшь лакошко и идёшь
собирать грибы //*

*А **тауды** не было // Свадьбы гуляли / кусок сала положили на стол / рэжте
/ холодно // Оуурцоу / помядор / ўсё // **Тады** не было ў старину / чтобы ето
сто(ль)ки блюд уотовáli // **Тады** кусок сала / мяса (о)тварыли / ску(ль)ки надо /
рэжь и ешь // Ўсё было // И виниурэт / ўсё делали //*

Это сочетания слов, в которых также содержится указание на время:

*У нас до сих пор стоит радиола // Это пластинки вместе с радивом // **В
наших годах** бабинников ещё не было //*

***По молодости** я мечтала переехать ў Черновку / недалёко вокзал / почта /
маузины / так и сбылось / осталась ў Черновке //*

*После войны **колхоз был** //*

Степень удаленности в прошлое может быть представлена отдельными предложениями:

В 38-м году брали / знаешь / это тогда ежовщина-то была // А кулачили-то раньше // Знаю / что вперед раскулачивали / у нас 8 человек забирали //

Гадали... // Я тогда ещё пацанкой была // Гребяшок привязывала на забор // Какой волос останется / такой и будя у мужа //

И наконец, текст может быть точно датирован:

Ў трицать восьмом году было раскулачивание //

Ў тысяча восемьсот семьдесят седьмом году э(к)спедиция была //

Я с тридцать первою года / война у нас кончилась в сорок пятом году / ещё сорок шестой / сорок седьмой был голод у нас //

Ў трицать третьем году была голодонка / так ў шкурках картошку наварят / на сковородку кинуть / она поджарится / и едим //

Как уже отмечалось, в сознании носителя диалекта память очень тесно связана с жизнью, поэтому кроме общерусских показателей времени, таких, например, как *раньше, тогда и под.*, в диалектном языке существуют свои, присущие только ему, временные маркеры. В приамурских говорах таких показателей времени достаточно много. Например, слово **бытность** в значениях:

1) «время чьей-либо жизни» (в данном случае, актуализируется личностный момент):

В мою бытность корóтеньки юбки носили //

В мою бытность / когда я молодая была / лучше одевались //

Эту песню еще пели в нашей бытности //

За мою бытность всех учили //

Я уже девовáла / когда доставали сарапинку / при моёй бытности было //

При моёй бытности мельница стояла //

Мода такая была при нашей бытности //

2) «время, период существования чего-либо»:

В рáнешнюю бытность были рогалюхи самодельные //

Быт, бытовá в конструкциях *при чьём-либо быту (бытову́)*, передающие значение «в определенный период чьей-либо жизни, обычно в период молодости»:

При моём быту запретили целовки́ в хороводе //

При нашем бытову ботинки были тупоно́сы / и вы́соки подбо́рки //

Сходное значение имеет оборот *на моих годах* («при моей жизни»):

На моих годах уже все распахалось / залог уже не подымали //

Временное значение также передает глагол **БЫТЬ** в словосочетаниях, обозначающих наличие какого-либо признака, например: **БЫТЬ в детстве** («быть ребенком»):

Мать мою привезли сюда / она ничё не помнит / как ехали / она еще в детстве была //

В детстве я была / там рассевáлок не было / а сеяли руками //

БЫТЬ в живности («быть живым, при жизни кого-либо»):

Отец мой еще в живности был / когда на Амур кочевали //

БЫТЬ на возра́сте («находиться в зрелом возрасте»):

А что ж / я уже на возра́сте был //

Воспоминание по принципу бытия заключается в том, что происходит совмещение плана коммуникации и плана информации, и это является отличительной чертой диалектной речи. Воспоминание по принципу бытия «представляет собой активное воспроизведение слов, мыслей, зрительных картин, музыки – то есть конкретный факт, который нужно вспомнить, соединяется с множеством других, связанных с ним фактов. В этом случае устанавливаются не механические или чисто логические связи, а связи живые» [4, с.61].

Итак, речевой жанр «Воспоминание», выступающий в качестве вербализации прошлого опыта, является неотъемлемой частью речи амурских диалектоносителей.

Основная коммуникативная цель жанра воспоминания – сообщение информации, дополнительная – передача эмоционального настроения говорящего адресату.

Объективным различием между автором и адресатом является разная степень информированности, которая определяется по двум основным критериям: а) возраст (старший – младший, молодой); б) принадлежность к социуму (свой – чужой), что, в свою очередь, определяет тематический выбор информации, а также проявление в речи субъективных смыслов (авторизационных, персуазивных).

Диктум анализируемого РЖ можно охарактеризовать как полипропозитивный. Вербализованной оказывается преимущественно пропозиция бытия, оформленная как предикативная конструкция, которая чаще всего, сочетается с пропозициями характеристики и пропозициями действия. Повышенная «плотность» бытийных высказываний в текстах – рассказах о прошлом, позволяет считать наличие бытийных моделей жанрообразующим признаком РЖ воспоминания.

Особенностью жанра воспоминания является его ретроспективный характер: все описываемые в текстах-воспоминаниях события отнесены в прошлое. Способы репрезентации прошлого могут быть самыми разнообразными – грамматическое время глаголов, лексические и синтаксические средства, как общерусские, так и присущие непосредственно данному диалектному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000.
2. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) //Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1-3 декабря 1997г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167-174.
3. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект /Отв. ред. Земская Е.А. и Шмелев Д.Н. М.: Наука, 1993.
4. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
5. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра //Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88-99.

6. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: Дис. в виде научного доклада на соискание степени доктора филол. наук. М., 1995.
7. Словарь русского языка: В 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. М., 1981-1984.

Н.В.Курикова

Томский государственный университет

г.Томск

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ*

Цель настоящей работы – представить характеристики указателей «тут», «там» в функционально-коммуникативном аспекте.

Анализ диалектного высказывания осуществляется на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья, зафиксированных в картотечном варианте, а также в семитомном Вершининском словаре [6] (картотека и словарь составлены сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета).

Актуальность изучения функционирования лексем «тут», «там» в диалектной речи определяется спецификой ситуации устного, непосредственного, деревенского общения, условиями его реализации. Кроме того, функциональные характеристики указателей позволяют выявить способы восприятия мира познающим субъектом. В работе рассматриваются механизмы, позволяющие говорящему оптимальным способом не только передать содержание предложения (информацию о некотором фрагменте действительности), но и отправить свои коммуникативные установки.

Вопрос о методологической нагрузке понятия «функция», а также оценка полемики лингвистов при выделении функций языка и речи остаются за

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (№1736.2003.6), Российского гуманитарного научного фонда (№ 03-04-

рамками настоящей статьи. Отметим лишь, что термин «функция» употребляется нами в значении «роль», «назначение».

Дейктики «тут», «там» рассматриваются как актуализаторы, преобразующие единицы языка в единицы речи, поэтому основная функция указателей, на наш взгляд, – коммуникативно-прагматическая, определяемая условиями речевой ситуации.

Коммуникативно-прагматическая функция пространственных шифтеров рассматривается нами как иерархически подчиняющая все средства выражения того содержания, которое задает организацию высказывания.

В поле зрения исследования включены высказывания, содержащие дейктические единицы «тут», «там» с лексически выраженным локативом, который способен репрезентировать на уровне языка особенности структурирования мира в сознании человека, что, полагаем, способствует выходу за пределы чувственно воспринимаемой ситуации. При наличии локатива указательный знак приобретает предельную обобщенность своего значения, что влечет появление его частных (производных) ролевых назначений в конкретной речевой ситуации.

Отметим, что в устной речи в некоторых случаях наблюдается редукция местоименности в значении этих лексем, они перестают играть роль полнозначных слов и переходят в разряд частиц: *Они были какие-то красивые фиолетовы, сине ль там или зелено стекло такое было; А счас приедут тут из города – нет чтобы это в клубе там чё – а на улицу; А дома тут корова была оставлена, соседка тут убиралась; Полушалки привезли в магазин тут-ка; У Сергея там, у Мурзина, у их мед и ишо Мурзик-то кочегаром работает у физика старого тут напротив.*

Функциональный подход заставляет взглянуть на семантическую структуру высказывания с иной точки зрения, где актуальными оказываются те параметры, которые часто находятся вне внимания исследователей при описании предложения исключительно со стороны способов вербализации

объективной части смысла, формально представленной в пропозитивной модели события. Не являясь ядерными элементами семантической структуры, объективно-модальные квалификаторы активно участвуют в ее уточнении, обслуживании, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения субъективными характеристиками, выступая в роли не факультативных, а обязательных в смысловом аспекте элементов [4, с.15-16].

Диффузность, синкретизм значения указанных лексем влечет значительные трудности в определении их функциональной нагрузки. Синкретизм несколько затушевывает различие функциональных позиций, в которых употребляются дейктические знаки.

Полифункциональность демонстративов определяется нами, в первую очередь, на основании реализации в контексте базовой *семантики* указателей, а во вторую – на основании их *коммуникативной направленности*.

Рассмотрим репертуар возможных функциональных назначений указателей с пространственным значением. Его объем определен функциональной значимостью, последовательностью, регулярностью в диалектном употреблении «тут» и «там».

Функция совмещения ситуации-темы и ситуации текущего общения

Принцип совмещения ситуации-темы и ситуации текущего общения, вытекающий из коммуникативной специфики традиционного деревенского общения на диалекте, сформулировал В.Е.Гольдин, разрабатывающий проблемы коммуникативной диалектологии [1]. Совмещение ситуации-темы и ситуации текущего общения признано им как генеральный принцип организации диалектной речи. Этот принцип проявляется в том, что компоненты текущего общения (реальные пространство и время общения, говорящий, адресат и слушатель, находящиеся в их поле зрения предметы, сама локуция и невербальные компоненты общения) используются как заместители компонентов ситуации-темы, служат их знаковым эквивалентом, основой установления референции речевых единиц [1, с.6]. Действием этого принципа

определяются многие особенности диалектной речи, в том числе и функционирование пространственного указателя «тут».

За счет того, что местоимение «тут», имея базовое значение «близости», играет роль скрепы, создается эффект совмещения временных пластов прошлого (которое пережито говорящим) и настоящего (реального времени, переживаемого говорящим и слушающим): *А я зашла, сижу, а тут все мужики – полно вестибюль-то это тут; Вот где сейчас остановка, первая остановка, дак от первой остановки вправо тут-ко сто метров, были наши собственные поля, единоличные.* Эти контексты содержат информацию о прошедших событиях и относятся к речевому жанру «воспоминание», который активно воплощается в диалектной речи. Цель названного жанра заключена в очередном представлении («представить заново») событий, явлений, происходящих в прошлом. Т.А.Демешкина, изучая жанры диалектной речи, отмечает ее характерную черту: «говорить о прошлом как о том, что происходит на глазах, то есть переносить, приближать (*разрядка наша – Н.К.*) прошлое в ситуацию общения» [2, с.103].

Местоимение «тут» способно создавать эффект совмещения не только временных пластов, но и пространственных сфер. В этом случае происходит смещение коммуникативного акцента с временной оси на пространственную координату, при этом в высказываниях бытийного типа глагол-связка в значении «быть» («иметь», «находиться») опускается, и в фокус попадает не факт бытования предмета, а процесс его непосредственной демонстрации в пространстве: *У нас там покос был, около Аникина камня, тут и трава и все.*

Поддержкой процесса совмещения фрагментов пространства является также использование формы глагола настоящего времени в значении прошедшего или будущего (часто в обобщенном значении): *А тут как в ворота заезжаешь отсэдова, и тут вот продает сразу; Отсэдова как идешь к магазину, как по той дорожке, как зайдешь, тут недалеко налево, тут же схоронена.*

Ситуации в сознании диалектоносителей тесно связаны с типичными формами речевого поведения, поэтому обычный способ сосредоточиться на той

или иной ситуации, приблизить ее к себе и к слушателю, войти в нее заключается в произнесении того, что может быть сказано или обычно говорится в соответствующих обстоятельствах [1, с.27].

Функция создания сопричастности/непричастности к происходящему, к предметам, к «другим» сферам.

Сопричастность говорящего к происходящему, к предметам может реализоваться в употреблении дейктика «тут», который в такой ситуации чаще всего находится в постпозиции (реже – в препозиции) по отношению к локативу. В постпозиции пространственный указатель можно рассматривать как индекс, создающий рамку «свойственности». Эффект сопричастности к объектам создается на базе основной семантики индекса «тут» – «близости к субъекту речи», – маркирующего референциальное содержание высказывания как «свой», «известный», «освоенный», приобретая определенное артиклевое значение: *На озерах, на Томе-то тут чё, пересохло всё* (= на известном участке реки); *Полушалки привезли в магазин тут-ка* (= в наш, сельский магазин).

Как нам представляется, описываемая функция основывается на принципе, выделенном В.Е.Гольдиным как генеральном, поскольку, помечая локацию объектов, которые в момент общения находятся вне чувственной перцепции, маркером «тут», говорящий демонстрирует когнитивно-коммуникативные процессы расширения рамок речевого пространства, как бы совмещая две сферы – зрительно воспринимаемую и не воспринимаемую, но освоенную, известную говорящему, определяемую физическим и социальным пространством деревенского общения.

Семантическая рамка «чуждости» (непричастности к объектам) создается, соответственно, на базе значения «удаленности» местоимения «там».

Говоря о непричастности говорящего к объектам, мы имеем в виду исключение их субъектом из коммуникативного пространства в момент речи. Исключение объектов, явлений из коммуникативной сферы может быть

- реальным в том случае, если на момент речи говорящий локализует предметы, явления отстраненно, в отдалении во времени и/или в физическом

или в «чужом» пространстве: *Чистенько в саду там было; У клуба там и играли; Он в бане там брагу, даже не брагу, а перегон делает или самогонку;*

- этикетным: сочетания «у меня там», «у нас там» имплицитно содержит факт известности сферы бытования предмета, «причастности» к ней говорящего, о чем свидетельствует употребление формы личного местоимения 1 лица, но в условиях общения с собеседником, не имеющем отношения к ситуации, реализуются правила речевого этикета, и на поверхность смысла выходит значение «отдаления» («там»): *У нас сяс там и корова живет; Вот у нас там стойка;*

- модально-оценочным: происходит отчуждение от предмета в силу различного отношения к нему: *Ну что может быть в церкви? Иконы, что ли там; Фершалица или докторица, как у вас там* (предмет оценивается как неизвестный, поэтому чужой); *Ну, поди идти на покос – чё там наработаешь? Это там уж общая гулянка, каки там специальны пироги!* (неодобрительная оценка, усиление отрицания влечет отчуждение от предмета).

Ограничительная функция.

Ограничительную функцию местоимения «тут» можно рассматривать как видовую функции сопричастности говорящего к предметам, явлениям: суть первой заключается в способности указывать на окрестность говорящего, личную сферу, иными словами, это местоимение как бы «очерчивает» круг деятельности человека, его территорию, в центре которой он сам. Грамматически это выражается распространенным в говоре сочетанием «тут + формы личного местоимения 1 лица родительного падежа (у меня, у нас)». Чаще всего «тут» указывает на место жительства – деревню, ее окрестности: *У нас тут нет волков; У нас тут на лугах, там столько машин; жилище, хозяйственный двор: У меня тут была така...блюдо большо было тако; Ты поднимай, у меня тут проволока.*

Функция тематической актуализации.

В исследуемых говорах наблюдаются конструкции, в которых «там» указывает на сегменты, обозначаемые в лингвистике как «именительный

темы», «именительный представления» или «изолированный номинатив», который дублируется в последующем предложении словом «там» (подобный случай описан А.М.Пешковским в работе «Русский синтаксис в научном освещении»).

Именительный темы всегда находится в актуальной позиции и грамматически, интонационно несколько изолирован от основного текста: *Смесь, там три травы смешанные; Вершининский востров, там сено ставят на ем (1).*

Безусловно, вынесение таких форм в актуальную позицию создает своеобразную форму подачи мысли: «...сперва выставляется напоказ изолированный предмет, и слушателем известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль» [5, с.405].

Думается, что к таким явлениям можно отнести синтаксические фрагменты диалектного высказывания, выраженные в форме существительного в предложном падеже или в форме придаточного места и замещаемые указательными местоимениями «тут», «там» во второй части: *В тайге, там какие деревья? Де болотиста, там нельзя пахать; А в чугунке тут корчага сверьху, а тут дырка (2).*

Выделенные сегменты высказываний (2) являются специфичными для диалектной речи конструкциями (в отличие от именительного темы), т.к. их референциальное содержание создает «живую», динамичную картину действительности, чему способствует косвенная форма имени, передающая такую экстралингвистическую информацию, как образование различных видов связи в пространстве: а) между предметами и б) между говорящим и объектами. Именительный темы же описывает внеязыковую действительность в статике, грамматическая изолированность частей высказывания может служить показателем осознания субъектом слабых связей с объектом и между объектами.

Явление асимметрии формального и смыслового содержания высказывания в диалектной речи, на наш взгляд, не случайно: во-первых,

построение переусложненных придаточных конструкций не свойственно устной речи, поэтому такая синтаксическая структура облегчает восприятие сообщения (например, эффект «вычленения фрагмента мира» позволяет актуализировать и конкретизировать определенную ситуацию-тему); во-вторых, диалектоносец, стремясь к краткости изложения мысли, пытается в одном высказывании сообщить максимум информации – этому способствует выделение важных в коммуникативном отношении частей высказывания.

Функция обобщения.

Маркер «там» указывает на объекты, исключенные субъектом из своего пространства. Чем выше степень удаленности предмета от центра – точки зрения говорящего, тем меньше распознавательных индивидуально-отличительных признаков у аутсайдера, который представляется как элемент множества, всеобщность. Этот процесс генерализации (обобщения) является основой для образования следующих смыслов:

- неопределенности (*Ну вот наденем какую-нибудь юбку большу, таре материну или там че-нибудь; И еще сделаны из бумаги... какя-то всяка разная бумага там малинова, красна и толста и всё; Вот я, например, сколь живу, я никогда не лезу к чужим копать или там полоть ли, подбивать ли; Возьмешь на ладошку зерно, и хлеба там – она подходит, с ладошки ест; За сечкой где-нибудь или там у печки; На елани, на осинничку, там везде);*

- отчуждения объектов и выражения «чуждости» (*У тебя, Кать, сколько пирогов в руках там; Какя-то машинка там была у их; Там кака баба? Отпета да колпак одета; А кто его знат, как сообчили, что советска влась пришла; Проехали солдаты, да кто его знат, че там получилось).*

Функция ритмической организации текста

«Затемнение» собственно указательной функции происходит за счет выдвигания на первый план особой, перечислительной, интонации, создавая ритмический рисунок устной речи, который может передавать дополнительные

смыслы высказывания: например, семантику незавершенности перечисления, открытости однородного ряда.

Могут перечисляться как бытующие предметы (*Пила тут, всяка ерунда тут на веранде*), так и локусы их бытования (*Есть в огороде, тут в садике; В болоте тут-ко, по лесу подмогильники, его много, запашистый; Вот у ворот, везде, тут в ограде везде – я прошлогод воду лила и все, а нонче тут не лила я воду*).

Аранжирующая роль слов-частиц имеет большое значение для реализации такого свойства текста, как инерционность, которая, по-видимому, является одной из особенностей устной речи [3, с.204].

Интродуктивная функция

Лексема «тут» в значении частицы выступает в функции введения в коммуникативное пространство нового сообщения, новой темы, примера: *Тут один мужик другого недавно убил. Два раза тюкнул; Тут она попервости начала ткать красна́.* Интродуктивный тип актуализации осуществляется в ситуации, когда в текст вводится предмет дальнейшего сообщения и фиксируется в речевом пространстве коммуникантов уже как референтный.

Посредством «тут» в коммуникативное пространство может вводиться

- нереперентный предмет, обозначенный местоимением «один»: *Тут недавно утопился один; Тут у одной жэнишыны на той улице девочка играла да куклу положила резинову туды, большу [в духовку]; А вот тут-ка одна, Татьяна Лексеевна, Митрия Михалыча жэна, вышла взамуж; Тут ел один собак – поймат, обдерет; Тут одной старухе отрезали, а там как кость загниват;*

- новое имя собственное: *Тут суседка, Варвара, с ней молоко возили в город, целый воз; Тут Физа, наша сноха-то... Поехала на пятый [почтовый];*

- переход к новой теме: *Тут я пошел в тридцать шестом году учиться на трихториста, выучился; Тут на заулке живет старушонка; Это мне тут городска старушка сказала: «Парь крапивой, да в крапиву ставь»;*

- описание другого (нового) события: *Тут пришла наша сношенница, сноха брата; Тут выбегают хозяин, идет-идет по нитке, шоб найти, кто стучит.*

Новое событие, действие может интерпретироваться субъектом как непоследовательное в рамках повествования (резкий переход для восприятия сообщения слушателем); в таком случае переход к новой информации осуществляется посредством варианта «а тут» как более интенсивного в выражении интродукции: *Выходим на крыльцо – и запели. А тут соседи у нас: «Ох, опять, наверно, выпили»; Собаки подрались, он их разнимал и упал сам. А тут одна женщина работала на этом деле, схватила его, расстегнула и давай его швырять, ему растирать и тутко и тут; В 36-м ушел на другу работу. А тут у них в 36-м году троих арестовали: бригадира, хозяйственника, кладовщика.*

Презентативная функция.

Презентативная функция близка по своей природе к жестовой, можно предположить, что данное употребление сопровождается характерным указательным жестом руки или головы. Указание производится в реальном времени (глаголы употреблены в форме настоящего времени длительного значения), глагол может быть опущен с целью демонстрации самого объекта, а не действия, процесса: *Вот в том доме у нас тут рядом; У них квартирный домик хороший на углу вот тут от; А там нету вон на том окне? Я стала говорить одной старушке, которая вот тут, вот в этом доме-то жила; Они вот там живут, наискосок, туда подальше, на переулке.* Презентативность вербализуется дублирующими дейктики «тут», «там» указательными частицами (часто повторяющимися) «вон», «вот», «от», указательными местоимениями «этот», «тот», а также наречием «наискосок» как направляющим взгляд. На непосредственность восприятия, демонстрацию объекта могут указывать глаголы цветообозначения: *Тут от дорога недалеко, вон – вон картошка зеленеет.*

Функция направления движения.

Местоимение «там», имея базовое значение «отдаленности», может функционировать как указатель центростремительного направления движения. Сема движения в высказывании содержится в его сирконстантах: 1) в наречиях – «напротив», «наискосок», «против», «дальше», «подалее», которые в схематичном виде можно заменить знаком стрелки (→), направляющей взгляд наблюдателя «от себя»: *У меня там против суседи; вот там наискосок большой дом; А дальше там уже один березник.* 2) в локативах, отвечающих на вопрос «куда?»: *А щас, пока бригадиры там на разрядку сходят, да как этот священный ритуал свой проведут.*

Кроме представленных функциональных назначений указателей «тут», «там» в диалектной речи, нами выделяются следующие функции: конкретизации локации объектов, аналогичного указания, рематической актуализации, собственно анафорическая.

Таким образом, попытка выявить функциональное назначение дейктиков «тут» и «там» показала, что, дейктический знак может рассматриваться как самостоятельная единица речи, призванная не обслуживать, а создавать особый план речепроизводства, в котором проявляются его когнитивно-коммуникативные особенности.

Заметим, что в одном высказывании исследуемые лексемы выполняют не одну, а несколько функций одновременно, поэтому распределение нами практического материала для демонстрации функциональных ролей указателей является условным.

Полифункциональность дейктических лексем определяется их семантикой и коммуникативными свойствами. Текстовые потенции частиц «тут», «там» детерминированы свойственной им размытостью и нерасчлененностью значения. В случае десемантизации указательное значение «тут» и «там» может «затемняться» или утрачиваться в зависимости от речевого назначения лексемы. Традиционно определяемые как оппозиционные, на функциональном уровне указатели «тут» и «там» могут противопоставляться по основанию «включенности/ невключенности» объекта, явления в коммуникативную сферу субъекта, могут быть функционально не различимы (выступать в одних и тех

же функциях), а также могут не пересекаться, то есть иметь собственные назначения в речи.

«Подвижность» значения и большой семантический объем элемента «тут» в речи диалектоносителей детерминирует большую функциональную нагрузку в сравнении с лексемой «там». Кроме того, «тут» участвует в реализации одного из основных принципов организации диалектной речи, по В.Е.Гольдину, – совмещения ситуации-темы и ситуации текущего общения. Значимость дейктика «тут» для регулярного привлечения его в речепроизводство определяется семантической производностью местоимения: базовое значение «близости» порождает частные семы, например «определенность», «известность», «свойственность», что определяет одну из особенностей речи говорящего на диалектном языке – говорить об известном, конкретном, своем. Так проявляются специфические черты диалектного общения – непосредственность, эгоцентричность, целостность восприятия мира. В то же время действие этих принципов не является абсолютным: такие факторы, как внутритекстовая соотнесенность частей, разные апперцепционные базы реципиента и исследователя и другое – это факторы противоположной направленности, вызывающие отступления от основных тенденций деревенского общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук. Саратов, 1997.
2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
3. Евтюхин В.Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Межвуз. сб. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. Вып.3. С.201-206.
4. Нагорный И.А. Пресуппозитивная функция модально-персуазивных частиц в высказывании // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки, 2001, №1.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
6. Вершининский словарь. Т.7: Т – Я/ Главный ред. О.И.Блинова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2002.

МЕТАФОРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ И В БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ

Человек живёт через язык и иначе как посредством его «общаться» с миром возможности не имеет. Единицы языка, являются отражением осознания и интерпретации мира человеком, фиксируют эмпирический опыт, культурное достояние коллектива. Представление действительности посредством метафоры и в художественном тексте, и в разговорной речи основывается на жизненном опыте говорящего (пишущего).

В настоящей работе дан анализ метафорического представления концепта «жизнь» в бытовом дискурсе носителей диалекта в сопоставлении с метафорическими моделями жизни, характерными для книжной культуры.

В русской языковой картине мира, отраженной в текстах художественных произведений, жизнь человека представлена некоторыми базисными метафорическими моделями: «жизнь человека – это путь, дорога», «жизнь человека – это природный цикл», «жизнь человека – это произведение искусства», «жизнь человека – это театр» – и более частными моделями, развивающими их: «жизнь – это книга», «жизнь – это текст», «жизнь – это сценарий», «жизнь – это день», «жизнь – это год» [1, с.14-39]. Жизнь человека может быть представлена также в образах огня и света; метафоры, отражающие такое представление, характеризуют жизнь как источник света или огня либо как освещённый или неосвещённый объект [3, с. 59-68].

Одной из характерных особенностей книжной метафоры является способность к развёртыванию. Фреймовая структура метафорической модели, существующая в нашем сознании, позволяет автору развить метафорический образ. Так, фрейм «дорога» даёт возможность не только представлять жизнь

как перемещение по этой дороге, но и метафоризировать физические характеристики этого перемещения, типы перемещения, физические препятствия перемещения: «жизнь человека – это скачки с барьерами» [1, с.14]. Фрейм «книга» включает ситуацию написания книги и её прочтения, что позволяет интерпретировать живущего человека как автора книги либо как её читателя. Жизнь, представленная как книга, получает и материальные её характеристики, отражённые в метафорах «страницы жизни», «обложка жизни» [1, с. 17-18]. Метафорическая модель «жизнь человека – это природный цикл» развивается с метафорах «детство и юность – это утро», «старость – это вечер», «молодость – это весна» [1, с. 55-57].

В художественном тексте метафора нередко выполняет конструирующую функцию: способствует выстраиванию смысла произведения. Так, например, в повести М.А.Булгакова «Собачье сердце» действительность моделируется при помощи языковой базовой метафоры «человек – это зверь», которая подчиняет себе большинство индивидуально-авторских метафор текста, отражая авторскую систему моделирования мира, а ключевой текстовой метафорой становится её производная – «собачье сердце» [4, с. 117-124].

В целом же метафорическая образность в художественном произведении создается автором намеренно, с целью привлечь внимание к определённым признакам референта, и воспринимается читателем сознательно, с более или менее резким выделением из всего текста.

В противоположность этому в спонтанной речи метафора в абсолютном большинстве случаев не имеет целью сформировать у адресата какое-либо отношение к обозначаемому. Созданная на основе личных жизненных наблюдений, метафора помогает говорящему выразить эмоциональную и интеллектуальную оценку, реже выполняет собственно номинативную функцию (при назывании новых концептов, артефактов, натурфактов, сформировавшихся под действием экстралингвистических факторов). Метафоры, содержащие оценку и/или характеризующие человека, предмет

речи, явление, ситуацию, отражают способ представления (концептуализации) мира национальной языковой личностью.

Объектом настоящего исследования стали записи диалектной речи жителей сёл Архаринского, Мазановского, Свободненского и Шимановского районов Амурской области, сделанные во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2001-2004 гг. В этих отчасти искусственно созданных коммуникативных ситуациях адресат речи является инициатором беседы; принимая роль «корреспондента», он расспрашивает информанта о его жизни, отношении к тем или иным реалиям, социальным, культурным или природным явлениям. В ходе бесед информанты, чей возраст – от 50 лет и старше, выражают собственную позицию, раскрывают своё ценностное отношение к окружающему миру. В речи наших информантов метафоры отражают интерпретацию действительности «простым» человеком, который не только «не обогащён» специальным литературным образованием, но в большинстве случаев имеет всего 3-4 класса общего образования.

Говоря о своей жизни, об отношении к прожитому и настоящему, информанты достаточно часто используют метафорические выражения. В них отражается жизненный опыт людей, которым довелось испытать ужасы немецкой оккупации, тяжёлый физический труд во время и после войны, пройти через бытовые трудности послевоенного времени, через смену государственного строя и оказаться в жёстких условиях нового времени. Эти люди провели жизнь в непрерывном нелёгком труде, не получая за это многого, но упорно продолжая трудиться и на работе, и дома, и потому само действие «жить» в их сознании получает отражение в метафорах, называющих повторяющиеся, однотипно совершаемые действия: *крутиться, ворочаться, колупать, топтаться, ковыряться* и т.п. При этом не называется конкретное действие типа «пилить», «копать», «сеять», потому что для говорящего важно не само выполняемое действие, а его характер: однотипность, повторяемость движений: *Раньше жили люди по-разному, кто жил, как говорится, жил*

*богато, кто бедно. Что щас, что раньше жили. Кто **крутился**, как говорится, работал, тот и жил; Тут уже здоровья нету, и то смотришь, смотришь да и... и всё делаешь, **ковыряйся** всё. <...> А мы вот **ворочаемся, возимся**, делаем, и это...; Сделали **урыжу** (операцию), а чё толку? Надо ж **ковыряться** было, она опять вылезла. ...вот сама всё **топчусь, топчусь**. Эти действия становятся метафорическим отражением нормы жизни: «жить – совершать повторяющиеся движения».*

Оценка современной жизни тоже отражена метафорически: некую норму, желаемую для человека, в последнее время люди, имеющие власть, нарушили: «перевернули», «развернули», «развалили»: ...*здесь жить было хорошо, это ж как посёлок был, это щас вот всё **разломали**. Детский сад вон там, сейчас... всё, колхоза же нет и всё, всё **развернули**, всё **разэтовали**. ... Хорошо было здесь; Я говорю, видишь, **гласность, перевернули** всё на свете, и совсем жизнь другая стала, теперь ничё не сделаешь. Такое представление о течении жизни оождает метафоры, называющие действия человека, которые позволят ему в этих условиях устроить нормальную жизнь: *Если хороший муж ещё попадётся, какой попадётся. Тяжело жить так. Ну, если такой вот, можно **увернуться**, но это надо **крутиться** много. Техника дорогая же щас; Поросят держали, щас ничё не держим. Это... видишь, всё дороую, не вы... никак не **выцарапаешься** с этой пенсией.**

Если в метафорическом осмыслении действия «жить» актуализирована постоянность совершения неких однотипных движений, то сама жизнь получает метафорическое отражение в образе дороги, по которой идёт человек, либо представляется как активный субъект, который совершает линейное однонаправленное перемещение в пространстве или воздействует на человека.

Метафорическая модель «жизнь – движение по дороге» отражает эмпирический опыт людей. Двигаться по дороге жизни необходимо, чтобы жить (*Сима, он тебя обманет! Он тебе не возьмёт! Той-то не жалко, а тебе надо ещё **жисть идти***). Структура фрейма «дорога» становится источником для метафоризированного представления об этапах пути и о встречающихся на

этом пути преградах: *Колхоз... всё порастащили! Ничего не осталось. К лучшему не пришли. А идём от того, к чему пришли; У нас один военный поуб. Тока к телефону, и тут молния. Молния убивает, не уром, молния. Если уж поубнуть, куда не спрячешься. Уде вот, увороят, не обойдёшь, не объедешь, уде вот наречено, сколько тебе наречено и... да? Всё. В представлении наших информантов человек проживает жизнь, как проходит (проезжает) дорогу, часть выделенного ему пути. И так как жизнь – движение от рождения к смерти, то о тех, кто умер, говорится как об ушедших, исчезнувших из поля зрения, удалившихся за пределы видимости: *Мать умерла и всё. Я заболел. Всё. Пришлось корову продать, кабана продать... Мамаша и ушла. Рак её съел, рак. О... семият три года ей. Всё; Осталась я... вишь, последняя, теперь уже все ушли. Сёстры мои все поуходили, все поумирали уже. А я вот всё ещё живу. Опять два года прожила, так и тянуса.* (Здесь *тянуться* – вести пассивный образ жизни, двигаться по жизни еле-еле, через силу). Сама жизнь может осознаваться как дорога в значении «путешествие, пребывание в пути», т.е. постоянное движение: *Я Витьку родила, четыре ўосемьсот, ўсю дороуу прорабѣла; – Головные уборы как называли? – Головной убор как? Ну я обычно в платочке всю дороуу; Раньше сами пекли (хлеб). Моя мать, покойница, у колхоз пекла. Всю дороуу пекли хлеб. Раньше в кажноуо были печки.**

Когда информанты ведут речь о не зависящем от воли говорящего приближении, наступлении или завершении какого-либо периода жизни, их представления об этом отражаются через метафорическую модель «жизнь – движение субъекта»: *У нас старик на углу живёт и собак ест. А у него сестра недвижѣмая. Ей сейчас ничего не плотят. Вскоре и мне такая жизнь подойдёт; ... у нас пенсия маленькая. Минимальная. Девятьсот. Живём, хозяйство держим да... и щас эта жись же и пришла. Что раньше ходили босые...; От такой жизни сиротой осталася, больше работала на оуороде, с маленькими да детей нянчили всё. Ауа. Ну вот такая моя жисть вся прошла.* Причём чаще совершение такого действия по отношению к человеку

расценивается как негативное (несвоевременное, ограничивающее человека): *У меня какое детство было, такая старость застала. Одна, вот вы можете представить, дома днём и ночью я одна; С другим сошлась, но **смерть пришла**, и третий мой мужик умер; Буду отдыхать. Ничё не буду оставлять. Силы уже нету. <...> Сил уже нету. Помочь никто не поможет. Ничё не поделатъ, значит, нас уже, ну, **годы подошли**. Я уже самый старший в Михайловке.*

Жизнь может осмысляться как субъект, который оказывает негативное воздействие на человека и в результате человек начинает по-иному воспринимать действительность: *Жизнь **надолбёт** – всё ценить станешь; И свинаркой работала, и дояркой работала. Жись всё **заставит**, девчаты, всё **заставит**. Легкого ничего нет, во(т) так. Весь труд тяжёлый. Жизнь как действующий в отношении человека субъект может оказывать на него разрушающее воздействие: *Меня жиз(н)ь **срубила**. Коуда мой внук вот первый в Афганистане был, ой-ёй-ёй! Я получила первое письмо, плакала, как не знаю кто!* Антропоморфизм в метафорическом осмыслении жизни отражается и в таких моделях, в которых говорится о чувстве обиды, возникающем (или отсутствующем) по отношению к жизни, как по отношению к другому человеку: *Так вот и живу, ну, на жиз(н)ь **не обижаюсь**. Пока здоровье тянет.* Если жизнь в целом или какой-то её период даёт человеку отрицательные эмоции, это расценивается как негативное довлеющее воздействие со стороны.*

Реже в диалектном высказывании жизнь представлена как объект, которым без учёта его воли наделяется человек: *Нам уже чё, нам уже досталась своя жизнь, как жизнь **досталась** – ничего, не обижайся, чё теперь; Даже в школе учились, и то нас отпустят на молотьбу на эту. Только ночью работали, пахали целину. А жнейкой уже жали днём, потому что хлеб днём жнёшь. Вот такое нам почти до самой армии **досталось**.* Синонимичной по отношению к жизни в подобных высказываниях выступает человеческая судьба: *А-а, плохое детство. И судьба такая **попалась** плохая. Муж фронтовик попался, умер рано, пийсят шесть, ну чё это?*

Сопоставление метафорических моделей жизни в книжной и в диалектной культурах позволяет сделать следующие выводы. В художественных текстах жизнь человека метафорически представлена множеством моделей: пути, дороги (шествовать по жизни, перекрёсток жизни), книги (главы жизни, страницы жизни), денег (тратить жизнь, разменивать жизнь, цена жизни), циклической моделью, представляющей периоды жизни человека в терминах суточного и годового цикла (утро жизни, зенит жизни, закат жизни), моделями огня, света и другими. Такое разнообразие обусловлено, в первую очередь, стремлением автора активизировать внимание читателя. Примеры метафор в диалектной речи свидетельствуют о том, что в языке находит свое отражение прежде всего то, что является ценным и актуальным для практической и духовной жизни человека. Представления о жизни в сознании диалектоносителя оформляются через представление о непрерывном, но конечном для каждого человека движении, отраженном в метафорических моделях жизни как активного по отношению к человеку субъекта или жизни как дороги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И. Метафора в процессах языкового миромоделирования // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. / Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. /Отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2002.
2. Катунин Д.А. Метафорические модели времени в русской языковой картине мира // Моделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов / Под ред. З.И.Резановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.43–58.
3. Новокшенова Н.Л. Метафоры света и гня в интерпретации жизни // Моделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов / Под ред. З.И.Резановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.59–68.
4. Маругина Н.И. Ключевая текстовая метафора – механизм моделирования авторской картины мира: к проблеме перевода (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» и её переводов на английский язык // Моделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов / Под ред. З.И.Резановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 117–124.

НАЗВАНИЯ КУШАНИЙ В АМУРСКИХ ГОВОРАХ: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

«Знание и представление о мире в народной среде ... закреплено традицией и переходит от поколения к поколению» [1, с.5]. Народная картина мира так или иначе «находит отражение и выражение в языке, в том числе и в диалектном словаре» [2, с.9]. В лексике диалекта отражается картина мира крестьянина, его основные жизненные ценности (отношение к обществу, к семье, к труду и т.п.), особенности быта.

«Быт – жизненный уклад, повседневная жизнь». Такое определение мы можем увидеть в «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой.

Тема быта, повседневных занятий человека, занимает значительное место в рассказах, записанных от старожилов в селах Амурской области во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2003 гг. Из этих рассказов мы узнаем о традиционном укладе крестьянской жизни, способах ведения хозяйства, особенностях крестьянской кухни, предпочтениях в одежде и обуви и др. Основным признаком крестьянского хозяйства была его натуральность: всё, что необходимо для жизни, могли изготовить самостоятельно (и делали это!). «*Раньше я ничё с мауазина не купляла*» (Черн.Своб.). В рассказах содержатся и свидетельства разрушения этого традиционного уклада: сейчас не обязательно все делать самому, в пределах своего хозяйства, а можно купить и продукты питания, и одежду, и даже дрова и воду. «*Дрова купил, воду купил...*» (Урал.Шим.), «... *так надо и дров купить, воду купить*» (Чаг.Шим.).

Все явления материальной культуры, окружающей человека постоянно, оказываются представленными в языке.

В амурских говорах можно выделить несколько тематических групп лексики, связанной с бытовой деятельностью человека: 1) названия кушаний и напитков (*драники, затируха, бурак, жарёха, шанежки, варенец, топлёнка, сливанчик и т.д.*); 2) названия одежды и обуви (*куфайка, лапти, онуч, катанки, моршни и т.д.*); 3) названия посуды и домашней утвари (*сковородник, ухват, кочерёшка, чепельник, жаровня и т.д.*).

Цель нашей работы – выполнить лингвокультурологический анализ названий кушаний, бытующих в современных русских говорах Приамурья. Указанная тематическая группа включает как общерусские, так и собственно диалектные наименования. Данная группа лексики чаще всего встречается в речи информантов-женщин, что обусловлено традиционным распределением домашней работы: приготовление еды – женское занятие. Но интересно отметить, что мужчины, вынужденные заниматься домашним хозяйством самостоятельно, без жены, охотно рассказывают о том, что, из чего и как они готовят (см., например, рассказы Горева А.М., Хлыстова М.В.) [3].

По способу приготовления пищи можно выделить следующие группы лексики: 1) вареное (*напр., борщ, кулеш, суп*); 2) печеное (*напр., оладьи, шанешки, блины, тарочки*); 3) жареное (*напр., лепешки, драники, жарёха*).

По основному продукту, используемому в приготовлении кушаний и напитков, выделяются: 1) мучные изделия (*напр., хлеб, блинчики, лепеники, куличи, булочки, пирожки*); 2) овощные, преимущественно картофельные блюда (*напр., бурак, парёнка, толчёнка, лепешки, драники*); 3) молочные продукты (*напр., топлёнка, пахта, варенец, творог, масло*).

Главным продуктом питания является, несомненно, хлеб. Информанты рассказывают в первую очередь о нем как основе крестьянского стола, отмечая, что хлеб всегда пекли сами, а не покупали в магазине. Более того, сами делали муку и дрожжи. Далее по степени важности следуют блюда из картофеля и молока. Таким образом, хлеб, молоко и картофель – основная пища крестьянина.

Русская пословица гласит: «Хлеб всему голова». Отношение к хлебу как к главному, самому важному продукту закреплено в сознании крестьянина. Приготовление хлеба превращается в некий ритуал: «(тесто месили) *руками, во. Месёлкой только разводишь, кода опару делаешь, квашню вот эту. Да, и квашнёй называли, вот этой месёлкою, а потом уже, кода месить начинаешь, завязуешь платочек, умываешься, перекрёстисся. И пошёл месить. Да, (в)спотеешь. Потеешь ещё как! Если плохо вымесил, хлеб плохой, если вымесил хорошо, хлеб рыхлый, ўкусный*». (Гриб.Арх.). Пекла хлеб мать (или старшая женщина в семье, хозяйка дома). Она передавала рецепты изготовления хлеба своей дочери и учила ее печь хлеб. «*Мама не доверяла-то хлеб, хлеб-то (з)наешь, оно же божес(т)венное... раньше считалось... это божес(т)венное. – Только мама пекла? – Мама пекла*». (Гриб.Арх.).

Особое отношение к хлебу подчеркивается и употреблением уменьшительно-ласкательных существительных, что способствует созданию общей тональности рассказа о нем: доброй, позитивной.

Приготовление еды, выпечка хлеба – занятие традиционно женское. Но интересные рассказы о хлебе встречаются и в речи мужчин. «*Сами мололи муку. Были разные сорта муки. Крупчатка - это мука первого сорта. Рóзмол - это уже разнообразие. Дрожжи делают из высевков. Высевки - это отсев от муки. Трут сперва высевки, а потом сушат*».

Раньше с капусты делали листы. Печку натопят хорошо дровами, разгребут, чтобы не было золы, и садют туда хлеб. Блины пекли из муки пшеничной. Муку намелят и пекут блины». (Черн.Своб.)

Для выпечки хлеба использовали лучшую муку, как правило, изготовленную в домашних условиях. «*Дрожжей не было. Закваску с хмелем смешаешь, и так и получится опара. С ржаной муки и делали сами дрожжи. По воскресеньям блины, лепёшки делали, оладьи. Пирожки с сушёной тыквой, с рисом, капустой стряпаим*» (Черн.Своб.). Пекли хлеб в русской печи, которая была в каждом доме. «*... а кто ж хлеб, где ж хлеб пекли? Здесь нету, а я в этой в пёчи пекла всё время. Сваришь хмель этот, муку зава-аришь, а*

потом обратно дрожьжями захва-атишь и отрубями его натрёшь. И свои дрожьжи, и хлеб пекли такой хороший. А щас вот ноги не ходют. Ноги ходили, я бы и сейчас его пекла. Я стряпать люблю. Свой-то хлебушко спекёшь, он и вкусный и паховитый, хороший» (Черн.Своб.). По мнению информантов, хлеб, выпеченный в русской печи, – самый лучший, он вкуснее покупного.

Крестьяне были вынуждены работать и в колхозе, и дома. Домашнее хозяйство требовало много сил и времени, поэтому, как правило, хлеб пекли с запасом, сразу на неделю. *«Каравай пякли, хлеб в русской пякли. Замешивали в кадушку, кочеруой вытаскивали, на няделю хватало. Пошуровать хлеб, чтоб был мяхкий. Сейчас надо белый, раньше урумка (?). Шурух паски в печь!»* (Черн.Своб.).

Умение печь хлеб характеризует хорошую хозяйку. Если хозяйка не умеет печь хлеб – это нерадивая хозяйка, это в традиционном народном представлении плохо. Такое представление отражено и в фольклорных текстах: *«Хлеб пекли знаешь як? Як ў песне пеицца: Уоворят, шо неўодяйка, не умею хлеба печь, wo диковина какая: на лопату да ў печь»* (Черн.Своб.).

Жители амурских сел много и охотно рассказывают и о приготовлении различных изделий из муки: блинов, булочек, тарочек, шанежек, пирожков. Эти рассказы имеют позитивную окраску: хозяйки с любовью описывают процесс приготовления и внешний вид изделий. Начинкой обычно служит варенье, повидло, мак. Пирожки пекут с начинкой из моркови, капусты, тыквы, различных ягод. *«А шанешки, когда тесто поднимается делали, как щас в мауазине булочки с повидлом, их крест-накрест делали. Мамка всегда стряпала с маком, в ступочке его потрёт. Ох, тогда и повидло ўкусное было»* (Черн.Своб.).

Как правило, булочки, пирожки и т.п. пеклись по выходным дням или на праздники. Особо отмечались такие церковные праздники, как Рождество и Пасха. В советское время церковные праздники были запрещены, но селяне тем не менее придерживались традиций, связанных с этими праздниками. Так, на Пасху пекли куличи (которые называли пасхами или пасками), а затем ходили в

церковь освящать их. Для того, чтобы испечь пасху, ставили специальную опару. Как и выпечкой хлеба, этим занималась мать, хозяйка. Пасхи не просто пекли – их «учиняли»: *«Ну як опара? Молоко закипело, или на воде, опариуешь, остывая, тады туды дрожжи. Вот и паску учиняешь там. И муку. На пяску не сделаешь. Простыне, и начинаешь дрожжи добавлять. Як то(ль)ки стане подходить опара, так и паску учиняй. Я ж каждый год паски пяку. Красивые. Косами. Хрэстамы. На Западе ў церкву ходили, а тута не-е-е... Далёко»* (Черн.Своб.). Информанты описывают и сам процесс приготовления, и внешний вид, и вкусовые качества, различные добавки, попутно отмечая изменение состава добавок – *«раньше не было ванилина того, <...> это позже добавлять стали»* (Черн.Своб.). Ставить тесто и печь куличи нужно с особым настроем: *«Да, чтоб с добрым сердцем, с молитвой. Без настроения <...> вот даже так стряпаешь к какому-нибудь празднику <...> раз – и не получилось»* (Урал.Шим.).

Булочки одной формы (круглые), но с разной начинкой имели в амурских говорах и разные названия: например, тарочки – это булочки с начинкой из молотой черемухи или других ягод, а иногда и без начинки, ватрушки – булочки с начинкой из творога. Другое название ватрушек – шаньки: *«Ещё были шаньки, или ватрушки. Шаньки – это уральское название, их делали с творогом»* (Черн.Своб.). Но можно отметить и дублетное употребление этих названий: *«– А булочки как назывались? – Не знаю, у нас та-арочки назывались, вот это щас шанюшки или, как у нас, тарочки. – А какая разница между шанюшкой и тарочкой? – Нет, просто название»* (Юхта Своб.).

Часто в рассказах амурских старожилов встречается упоминание и о такой похлёбке, приготовленной из муки, как затируха, зятирка. Причем рассказывают о затирухе как о блюде, которое уже почти не готовят сейчас. Делали затируху в основном из муки и воды. Иногда ее варили на молоке, добавляли картошку, яйца, крупу. Состав похлебки-затирухи во многом определялся степенью достатка семьи. Информанты расходятся в оценке вкусовых качеств этого блюда. *«Вы, девоньки, садитесь за стол, я вас хочу таким варевом угостить, которое вы и не ели. Затируха называется. <...> А*

просто растирают муку с яйцом, солят, потом заливают кипящим молоком и быстро перемешивают. Летом-то хорошо такое есть. Лучшие ко(з)да остынет» (Черн.Своб.). «Ну, у нас по-українски, я сама оттуда, я по-українски разговаривала, зати́рка. Берут водички, льют и затирают эту муку. И затирают. Моло-очну зати́рку варят, и картошечки туда кладут, и муку, и туда, зати́рка. <...> Затирают так ўот она, крууленькие кáтышки и ў молоко ложут. Можно в затерку картошечку добавить и это затереть, муку туда и пережарку сделать» (Черн.Своб.). «Делали зати́руху. Какую крупу засыпешь, такая и будет зати́руха. Брали рис или пше́но» (Черн.Своб.).

Рассказывая о приготовлении того или иного блюда, информант дает и оценку вкусовых качеств: *«Вкусно, за уши не оттащишь; наяриваешь, аж за ушами трэшит» (Черн.Своб.).*

В рассказах о приготовлении еды отражаются особенности крестьянской жизни в тот или иной период. Например, в голодное военное и послевоенное время *«тошнотики делали из мерзлой картошки»*. Это название лепешек встречается в речи многих амурских старожилов: *«А мы ў войну из картошки тошнотики делали. Это типа драников, только драники из свежей картошки делают, а тошнотики из мёрзлой картошки, её весной по полям собирали, мяли и жарили» (Черн.Своб.). «В войну делали тошнотики. Не дай бох вам такое попробовать! Делали их из гнилой картошки, потому-то и называли тошнотики» (Черн.Своб.); «Ели тошнотики. Это лепёшки из картошки, от них тошнит» (Черн.Своб.).* Название здесь мотивировано качеством картошки, из которой их готовили, а следовательно, и вкусовыми качествами лепешек. Для большинства тошнотики – воспоминания о трудном периоде жизни. В этом случае происходит четкое разграничение тошнотиков и лепешек, которые готовились из свежей картошки. Последние назывались по-разному: деруны, драники, картофляники. Но можно отметить и синонимичное употребление этих названий: *«Собирали гнилую картошку и картофляники пекли. А некоторые драли картошку и драники пекли. Ещѐ лепёшки из гнилой картошки и драниками и тошнотиками называли» (Черн.Своб.).* Подобное употребление

объясняется тем, что информант рос в семье, которая не знала голода: *«Мы не голодовали, как в больших семьях. Мы все работали. Мы выкопаем картошку, а после нас придут и перекопают».*

Картошка часто была спасением для большой крестьянской семьи. Картошку варили, тушили, жарили, пекли; из нее делали лепешки, пюре; добавляли жир, масло, муку, яйца, молоко; клали в пирожки в качестве начинки. *«Ну как и без хлеба были и всё. <...> Все что едят? Картошку. (О)урод-то здоро-овый насадим – и картошка, и картошка, а хлеба-то и нет. Да-а»* (Кухт.Луг).

«Из картошки ешио деруны да бабку делали. На деруны картошку тёрли да жарили. А шиоб бабку сделать, надо картошку натереть да крахмал смыть, потом её ў чуун ложишь, жиром заправляешь, и она там тушится. Ёкусно, за уши не отташишь. <...> Мама ешио ҕамулы жарила, это лепешки такие. Шиоб их пожарить, надо сначала муку обжарить, потом её ў ступу ссыпеш, но не ўсю, затем картошку отваренную, а потом остальную муку сверху. Потом ўсё это кулаком береш из ступы, лепешку делаеш и жаришь, ёкусно получается» (Черн.Своб.).

В рассказах амурских старожилов встречаются названия блюд, представляющие кухни разных народов. Кроме традиционных славянских названий блюд и продуктов (суп с ҕалушками; бульбяники, ҕамулы, затирка, драники, гречка, солодуха) упоминаются и названия блюд и продуктов, из которых традиционно готовили пищу китайцы и японцы. *«Чимызу японцы ҕотовили. Это разных сортоў соя была. Блюдо из сои. Үальян^{*}, крупа така была, как ҕречка»* (Черн.Своб.). Функционирование таких названий имеет региональную обусловленность и связано с территориальной близостью с Китаем, японской оккупацией в начале XX в.

Жизнь крестьянина трудно представить без домашних животных: коров, коз, свиней, кур – и забот, связанных с их содержанием. Это помогало выжить в

^{*} Чумыза – растение, род хлебного злака, близкого к просу. Гаолян – хлебный злак рода сорго с высоким стеблем, покрытым листвой [4].

послевоенное время, во времена тотального советского дефицита и во времена «перестройки». Наличие хозяйства соответствует традиционному укладу крестьянской жизни: *«У меня есть корова, моя кормилица», «Здесь же живое молоко»*. Информанты отмечают, что хозяйство «держали» всегда, отказывались от него лишь в пожилом возрасте, когда было уже тяжело ухаживать за животными самим. Продукты, получаемые от домашних животных (молоко, масло), употребляли в пищу сами, продавали, ими платили «натуральные» налоги. Из молока изготавливали масло, творог, варенец, сметану и другие продукты: *«Ко(г)да короу держали, так сметану заквасишь и ў борши. Такое объеденье! Молоко ешио переуоняли в масло, твороу, сыр делали, варенец. Шшоб варенец получился, надо молоко прокипятить и сметаной заквасить. Смолоду ўсё было, а щас ничёуо нету. Мы и пахту ели. Ёкусно. Это молоко перерабатывают ў масло, а пахта остаётся. Масло ў маслбоекке делают. Это ступа такая, тама палочка, на ей кружочек небольшой, ступу закрываешь и бьёшь, и масло получается. Ешио тюрú ели, хлеб молоком заливали, это и есть тюрá»* (Черн.Своб.). *«Раньше на маслбойке масло били. Этот кружок, крышка у её. А это колотушка, шоб билось масло там. Три короуы у нас было, дак били масло, молока много было»*. (Черн.Своб.); *«У меня есть корова, моя кормилица. Люблю парное молоко. Из молока варю творох, варенец. Чтобы сготовить варенец, нужно варить молоко ў русской печи. Коуда молоко скиснет, то это получаеця кисляк, или простокваша, и можно в тесто»* (Черн.Своб.).

Хранили молоко и молочные продукты, в основном, в глиняной посуде. В современной деревне глиняная посуда сохраняется именно с этой целью: в ней уже не варят, только хранят молоко. *«Сейчас уже нет (не готовим), а раньше в русской печке в горшочках молоко томили, щи варили, картошку. <...> Свежее молоко, томили которое, с него пенки снимали, складывали их в горшочек да и снова парили (томили). Ну, топенками их и звали. Вкусные были, сладкие, или казалось нам тогда так. А что еще? Ну, твóрох, сметану, масло били...»* (Черн.Своб.).

Завершая лингвокультурологический анализ названий кушаний, можно отметить, что в данной тематической группе отразилось традиционное отношение крестьянина к пище и процессу ее приготовления. В названиях кушаний также зафиксированы знания крестьянина о мире, зафиксирован опыт поколений и в целом – фрагмент языковой картина мира сельского жителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. Сборник статей. К 70-летию Л.Л.Касаткина /Отв. ред. М.Л.Каленчук. — М.: ИРЯ РАН, 1998. С. 5-14.

2. Сердюкова Е.В. Восточные элементы культуры донских казаков по данным диалектной лексики // Альманах «Говор». Материалы Всероссийской научной конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». Часть 2. С. Говоры России: словарь, текст, современное состояние. Саратов, Сыктывкар, 1996. С. 8-23.

3. Фоноархив Лаборатории региональной лингвистики кафедры русской филологии АмГУ.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

5. Оглезнева Е.А. Тематическое своеобразие жанра «воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. Благовещенск, 2005.

Список сокращений названий сел и районов Амурской области

- Гриб.Арх. – с.Грибовка Архаринского района
- Кухт.Луг – с.Кухтерин Луг Шимановского района
- Разл.Своб. – с.Разливное Свободненского района
- Урал.Шим. – с.Ураловка Шимановского района
- Чаг.Шим. – п.Чагоян Шимановского района
- Черн.Своб. – с.Черновка Свободненского района
- Юхта Своб. – п.Юхта Свободненского района

ЗАГОВОРНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ПАМЯТНИКИ «ВЕЩНОГО, ЧАРОДЕЙНОГО СЛОВА»

Заговоры часто определяют как «обломки древних языческих молитв и заклинаний» [1, с.247]. Они не смогли дойти до нашего времени во всей своей «свежести», «полноте и неизменности». Как и другие жанры фольклора, заговоры подверглись значительным изменениям: с одной стороны, «вследствие сокрушительного влияния времени, с другой – вследствие того разрыва, какой произвело в последовательном развитии народных убеждений принятие христианства» [1, с.248].

С точки зрения современности, в них много загадочного, неясного, необъяснимого. При более тщательном изучении оказывается, что «загадочность», «странность» заговоров – наследие далёкого прошлого, в котором тесно переплелись и поэтические воззрения славян в глубочайшей древности, и христианские (канонические) и апокрифические молитвы, повлиявшие на содержание, структуру и язык «вещного» слова.

Вековая прочность заговорного слова обусловлена значением заговора в народной жизни. Если другие жанры фольклора (сказки, загадки, песни...) были средством развлечения, то заговоры использовались не для забавы. Это памятники «вещного, чародейного» слова, вмещающего в себя огромную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды – иначе наживешь (накликаешь) беду. В заговоре как сакральном тексте проявляется магическая функция речи (наряду информативной и экспрессивно-эмотивной функциями), которая выступает как частный случай призывно-побудительной (регулятивной) функции, с той существенной разницей, что в заговорном тексте адресат речи – это не собеседник, а какая-то «высшая» сила.

В сравнении с другими жанрами фольклора, заговоры составляют предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарок, ворожеев... К ним обращается народ в тех случаях, когда нужно прибегнуть к помощи старинных заклятий.

Могучая сила заговоров заключается в «вещном» слове. В.Н.Топоров, изучая культуры Древней Индии, писал, что такая «культуры ставит в своём начале Слово как высшую реальность...» [2, с.6]. Слово – это главный «инструмент» магии. Чтобы не забыть «вещное» слово, сохранить его в память народной, заговоры стали записывать, часто в «тетрадки», которые составляют истинный клад для науки и исследований.

Тетрадь заговоров, найденная во время фольклорно-диалектологической экспедиции преподавателей и студентов АмГУ в сёла Амурской области (лето 2003), легла в основу настоящей статьи [3].

Объектом исследования являются тексты заговоров, несущие когнитивную, информационную, психологическую, социальную нагрузку, структурно и содержательно оформленные. Изучение заговорных текстов как «малых» фольклорных жанров предлагает не только выяснение их связи с мифопоэтическими воззрениями древних славян, но и с религиозными представлениями, отразившимися в содержании, структуре и форме выражения.

«Слово есть главное и самое естественное орудия предания. К нему, как средоточию, сходятся все тончайшие нити народной старины, все великое и святое, всё, чем крепится нравственная жизнь народы», – отмечал Ф.И.Буслаев [4, с.12].

«В ряду фольклорно-мифологических жанров заговор представляет собой наиболее прямое и концентрированное воплощение веры в словесную магию» [5, с.94]. Если в других жанрах фольклора (сказки, песни, былины...) важна художественно-эстетическая ценность, то в «живом» заговорном тексте важно его утилитарно-магическое назначение. Заговор жив до тех пор, пока в него верят. Затем он превращается в памятник культуры, фольклора, языка, «чародейного слова».

В каждом заговоре содержится глубокий коммуникативный смысл: творящий заговор (знахарь) ощущает себя причастным к сверхъестественному миру, неземным силам, он должен с помощью «вещего» слова (и «дела») внушить это другим и каким-то чудесным способом помочь человеку избавиться от болезни, испуга и сглаза, несчастного случая, стихийного бедствия; защитить урожай, плодovitость и здоровье скота; способствовать успешной охоте, рыбной ловле, пчеловодству и т.п.; помочь в любви, семье, браке (ср. любовные «присушки» и «отсушки») и т.д. Не случайно его «творили» особые люди, умеющие врачевать и облегчать душевные и телесные страдания, полагая, что главная сила такого врачевания заключается в «мудреных» нашептываниях, а всевозможные снадобья, по большей части приготовленные из разных трав, служат лишь успокоительным и пособляющим средством. В народных названиях знахарей (*знахарь, знахарка; ведун, ведунья; шептун, шептуха; ворожея, ворожбит; лекарь, лекарка* и др.; др. рус. *балий, баля, бальник*) в ядре лексического значения есть сема «знать», «знание»: «знахарь, знахарка – «человек, обладающий сверхъестественным магическим *знанием* и использующий его для лечения людей и скота охраны от колдовства, отвращения градовых туч, прорицания судьбы и под.» [6, с.689]; *ведун, ведунья* – образовано от глагола *ведать* – «*знать, иметь о чем-либо сведение*» [6, с.330]; *шептун, шептуха* – «*знахарь, ворожбит, кто колдует заговорами*» [7, с.629] и т.д.

Важно заметить, что способность заговаривать (наговаривать, шептать...) не изначально даётся человеку, а возникает в определенных условиях: после предварительной магии, получения тайного знания, по достижении определенного возраста, после каких-либо важных событий. С.М.Толстая отмечает, что «способность к заговариванию и тексты заговоров передавались от старших к младшим с соблюдением определенных условий и специального ритуала. Считалось, что владеющий «знанием» (текстов и ритуала) не может умереть, не передав его другому...» [8, с.239].

Знахари обычно воспринимаются как посредники между людьми и сверхъестественными силами, от которых зависит, будет ли исход лечения благополучным. Наблюдения над заговорными текстами показывают, что тот, кто творит заговор (знахарь...), не ортодоксален в своей вере: колдуя, христианин возвращается в язычество или, по крайней мере, в двоеверие. Наглядно это проявляется уже в начальной, вступительной части, когда он обращается к разным, в том числе «несовместимым», высшим силам.

Часто это апелляция к христианским заступникам: к Господу Богу Всемогущему, Царю Небесному, Иисусу Христу, Пресвятой Пречистой Деве Марии (Богородице), Пресвятой Троице, Святой Варваре Великомученице, Святой Тихвинской Божьей матери, Святой Евдокии, Святой Екатерине, Святым мученикам и чудотворцам великим Николаю, Георгию Победоносцу, Власию, Василию, Лавру, Харлампию; ангелам.

Святые – персонажи христианской литературы и культа. На первое главное место поставлен Бог Отец (творец мира), затем Бог Сын – Иисус Христос, Святой Дух, а после них Пречистая Матерь Божия (Богородица, Богоматерь, Матерь Божия, Пресвятая Дева Мария...). Часты в заговорах обращения именно к ней. Эпитеты «Пресвятая», «Пречистая» подчёркивают её чистоту и святость в глазах всех верующих. Она особенно почиталась у славян. Молитвы к ней возносились также часто, как и самому Господу Богу. Пречистая Матерь Божия считается покровительницей всех женщин, особенно рожениц (заметим, что имя Богородица этимологически связано со словом роды), детей, девушек. Её культ в народной традиции сближался и сливался с культом Матери-земли. В исследуемых материалах заговоры от всех болезней, сглаза, порчи, испуга, на облегчение родов, душевное спокойствие, изобилие, обереги животных связаны с именем Богородицы. Кроме упоминания имени, в заговорных текстах называются прославленные иконы Богоматери: «*Святая Тихвинская Божья Мать, оглянись на рабу Божью (имя)...*» (заговор от глазных болезней) и др.

Часты в заговорных текстах и обращения (вопреки запретам официального христианства) к «малым высшим» силам, вера в которые сохранилась с языческой поры: к матушке-водице, святой воде (*матушка-водица, Господня помощница...; святая вода...*), месяцу (*месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки*), заре-зарнице (*заря-зарница, красная девица...*), земле (*мать сыра земля..., сырая земля...*), звёздам (*звёзды ясные...*), солнцу (*солнышко привольное ..., солнышко ты...*), ветру (*буйные ветры...*), а также непосредственно к болезням (*гори ж ты, рожь; выйди, притка, выйди, хитка...*) и предметам, помогающим творить заговор, – апотропеическим средствам (*ты, соль, услади..., ты, зола, огорчи, ...ты, уголь, очерни...*) и т.п.

Обращения к христианским заступникам, безусловно, заимствованы из молитв (канонических и апокрифических*), оказавших значительное влияние на заговоры. «Апокрифические молитвы фактически являются заговорами с типичными для апокрифов молитвами и персонажами (Адам и Ева, Авраам, Христос, апостолы, архангелы, святые), изгоняющими нечистую силу (беса, двенадцать трясавиц, ведьм и др.), направленными против лихорадки, болезненного жара, прострела (ревматизма), кровотечения, зубной боли, грома, вредоносного дождя и бури, укуса змеи, бешеной собаки или волка, несправедного суда, дурного глаза, дьявола, нежити и т.п. Некоторые из них содержались в требниках и молитвенниках XV-XVII вв.» [8, с.113].

Общеизвестно влияние на тексты заговоров таких апокрифов, как «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», обиходы и учения апостолов (деяния апостолов Петра и Павла, Андрея, Матфея, Фомы и др.), эсхатологические сказания («Вопросы Иоанна Богослова») и апокрифические мучения (Фёдора Тирона, Георгия, Никиты, Игнатия, Ирины и пр.).

Большое количество канонических христианских утренних и вечерних молитв находилось в составе «Псалтирей» и «Требнике», потому как они чаще всего использовались (и используются) в богослужении. Так, «Псалтирь»

* Апокрифы (от греч. *apokrifos* – «тайный», «скрытый») – «отреченные», или запрещенные христианские книги, не вошедшие в число книг Ветхого или Нового Завета.

прочитывается полностью каждую неделю, а «Требник» используется в таких обрядах так называемого частного богослужения, как крещение, венчание, отпевание, исповедь, елеосвящение, постриг, различных молебнах (освящение дома, нового строения и т.д.). Молитвы, как правило, заучивались «слово в слово». Обращение к Господу Богу в молитвах представляется магическим актом. Обращённая к Богу просьба позволить, помочь, благословить широко используется везде. Ср. так называемую «начинательную» молитву в православном богослужении, читаемую перед началом всякого «доброго дела»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Произнесение ритуального имени в молитве как бы «вызывает» присутствие того, кто им назван. Ошибиться в словесном ритуале – значит обидеть, прогневить Бога. Ф. де Соссюр, изучая анаграммы в молитвах и гимнах на санскрите, древнегреческом и латинском языках, высказал гипотезу об их мифопоэтической мотивированности: в основе текстов молитв и гимнов «могло быть религиозное представление, согласно которому обращения к Богу в молитвах и гимнах не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени Бога» [9, с.642]. Магическую функцию обращений к Богу подтверждают Т.Я.Елизаренкова и В.Н.Топоров на материале ведийских гимнов [10].

Насыщенность исследуемых заговорных текстов обращениями к высшим силам, христианским заступникам свидетельствует не только об их близости к молитвам, но и о вере в магические свойства имени, которой пронизаны все фольклорные тексты. Даже в поздних фольклорных текстах (таких, как былички, бивальщины, легенды, устные рассказы и т.п.) смысл бесчисленных историй сводится к тому, чтобы знать имя, употребить его. Имя – главный «инструмент» словесной магии. (Попутно заметим, что в др. рус. языке синонимом к слову знахарь выступало существительное балий в значении «врач, лекарь», которые соотносимы с глаголом баяти – «говорить, рассказывать; заговаривать, лечить, околдовывать») [11, с.46].

Мифологическое сознание склонно приписывать имени те или иные чудесные, сверхъестественные возможности, чудесное происхождение, святость (или, напротив, греховность), внятность потусторонним силам. В мифологическом сознании также происходит фетишизация имени Божества и/или особо важных ритуальных словесных формул: слову поклоняются, как иконе, мощам или другим религиозным святыням. Успех молитвы ставится в прямую зависимость от аутентичности сакрального текста, его сохранности. Искажение текста молитвы кощунственно и опасно для верующего. Сакральный текст молитвы должен произноситься точно. Вот почему на практике молитвы должны были заучиваться точно, повторим: «слово в слово». У верующего сохраняется вера в «волшебные», «магические» святые слова. Таким образом, магическое и эстетическое восприятие слова в молитве как бы сливаются. Эстетическое восприятие языка (слова) в религиозном и мифологическом сознании связано не только с тем, о чём говорится, но и с тем, как говорится. Молитвенные тексты построены так, чтобы завораживать человека. (Ср. используемый в психологии термин фасцинация в значении «специально организованное воздействие на человека, обладающее повышенной силой убеждения и/или внушения»). Все компоненты молитвенного текста характеризуются искусным ритмическим построением, экспрессией, переносно-образным употреблением слова. Они завораживают ритмом, звуковыми и смысловыми переключками, странным и одновременно точным подбором слов, метафоричностью, способной ошеломить и обнаружить таинственные связи явлений и бездонную глубину смыслов.

Заговорный текст, наряду с молитвой, также относится к проявлениям магической функции речи. И в заговорах, и в молитвах «славословия», адресованные высшим силам, обязательно содержат возвеличивающие характеристики и специальные формы восхваления. По мере забывания магических мотивов и сакральных смыслов (молитв, заговоров) ритуальные действия и словесные формы превращаются в обычай. Порой некоторые словесные выражения искажаются и утрачиваются, а сохранившиеся

становятся традиционными. Таким образом, языковые знаки, соответствующие ритуалам, христианским представлениям, становятся устойчивыми и сохраняются длительное время.

В исследуемых заговорах использование обращений к высшим силам, по нашему мнению, свидетельствует не только о близости их к молитвам, но и является элементом нормализации текстов заговоров с помощью церковно-славянского языка, при этом жанр и форма текстов в целом остаются фольклорными.

В зависимости от сферы применения и объекта воздействия в анализируемом материале выделяются:

1) лечебные заговоры общего и частного характера (от сглаза, порчи, испуга, ангины, глазных болезней, зубной боли, головной боли, боли в спине, суставах, от кровотечения, от грудницы, ушиба, расширения вен, рожи, грыжи, чирья, геморроя, волоса): *«Матушка-водица, Господня помощница, смой с рабы Божьей (имя) горе, смой с рабы Божьей (имя) хвори, смой с рабы Божьей (имя) ворожье наговорье. Дай ей, матушка-водица, доброго здоровья не на год грядущий, а на век векущий. Аминь. Аминь. Аминь».*

В стакан налить воды и бросить соли. Болящего напоить, умыть, остатки солёной воды вылить в пятку двери и закрыть дверь. (заговор от сглаза);

2) лечебные заговоры для детей и рожениц (на облегчение родов, от порчи и уроков младенцев, испуга, бессонницы, крика, грыжи, золотухи): *«Матушка, заря вечерняя, Ирина полуночная, Катерина утренняя, Мария полуденная, Мария - матушка. Зори занимаются, а у рабы Божьей (имя) крик унимается. А ты, петушок, возьми крик, а дай рабе Божьей (имя) покой».*

Читать три раза и на пол плюнуть через левое плечо.

3) заговоры от пьянства, отвращения к вину, змеиного укуса, собаки: Наговаривать на воду. *«Ты, небо, слышишь, ты видишь, что я хочу делать над телом раба Божьего (имя). Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную. А в моей чаше вода из горного студенца. Месяц ты красный, зайди в мою клеть, а в моей клетке ни дна ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор,*

а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звёзды, уймите раба Божия (имя) от вина. Месяц, отврати раба Божия (имя) от вина. Солнышко, усьмири раба Божия (имя). Слово мое крепко» (заговор от пьянства);

Читать на воду три раза, но перед этим три раза прочитать «Отче наш».

4) домоводческие и хозяйственные заговоры (обеспечивающие благополучие дома, здоровье скота, урожай, защиту его от вредителей): *«Мир, спасение дому сему и живущим в нём. Посели, Господи, в доме сем дух благочестия, дух кротости и смирения, изгони из него всякую силу дьявольскую и врага видимого и невидимого.*

Пречистый животворящий крест Господний, силою на тебе распятого Господа нашего Иисуса Христа укрепи меня на вся враги видимые и невидимые, плотского и душевного соблюдения и искушения. Аминь».

Наговоренной водой побрызгать все углы, а оставшуюся воду вылить под порог (заговор на благополучие дома).

Как следует из приведенных примеров, тексты заговоров неоднородны по содержанию и структуре. Есть пространные, сложно организованные тексты, в которых выделяется обращение (вступительная часть), повествовательная часть, которую называют «ядром» заговора (обычно она содержит заклинание, с помощью которого изгоняют болезни, напасти, скорби и пр., в ней актуализируется наиболее важная часть информации), и концовку – «закрепку», состоящую из магических формул: *«Слово моё крепко. Аминь. Аминь»*; *«Будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь»*; *«Тем словам замок – море, ключ - зубы»* и т.п.

Есть небольшие по объему заговорные тексты. Напр., *«Ветла, ветла, возьми свою глоть; а если ты не возьмешь, мы тебя заглотим с корнями. Аминь. Аминь. Аминь»* (заговор от ангины); *«Божья роса, залепи собаке глаза»* (заговор от укуса собаки); *«Ози, озось, озна»* (заговор от змеиного укуса), представляющий собой пример глоссалалии.

Некоторые из заговоров представляют собой переложение упоминаемых выше апокрифических молитв: «Сон Богородицы», «Хождение Богородицы по

мукам», молитв преподобных отцов старцев оптинских и др., а многие содержат цитаты из канонических и апокрифических молитв. Ср., напр., фрагменты канонических молитв: *«Благодарим тя, Господи Боже наш, воздвигшаго ны от ложь наших, и вложившаго в уста наша слово хваления, еже поклоняться и призывать Имя твое святое...»* (из утренней молитвы). Или: *«Яко подобает ти всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, присно и веки веков. Аминь»* (из утренней молитвы). Или фрагменты апокрифических молитв: *«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь»*; *«Отче наш, иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придет царствие твое...»* и т.д. Ср. приведённые отрывки молитв с фрагментами заговорных текстов: *«Господи, Иисусе Христе, Господи, благослови рабу Божью (имя)...»*; *«Слава Отцу и Сыну и Пресвятому духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь»*; *«Господи, помоги, спаси и помилуй. Аминь. Аминь. Аминь»* и под. Даже внешнее сопоставление фрагментов молитв и заговоров, безусловно, свидетельствует о близости последних к молитвам.

Можно заключить, что исследуемые заговорные тексты имеют двойственное происхождение. С одной стороны, в них содержатся элементы средневековой апокрифической книжности, а с другой – элементы фольклора. Это органичный синтез разных по происхождению стихий.

Обращение как компонент заговорного текста занимает определенную синтаксическую позицию и имеет свои морфологические особенности. В большинстве случаев оно находится в первом предложении текста. Например: *«Царю небесный, ...Подателю, прииде и вселися в ны...»*; *«Господи Боже, благослови...»*; *«Матерь пресвятая, помоги...»*; *«Месяц, ты месяц...»*; *«Заря-зарница...»*; *«Святая вода, сырая земля...»* и т.п. Есть обращения, стоящие и внутри предложения: *«Возьми мою скорбь, месяц ты мой, сокрой от меня мою скорбь»* (заговор от зубной боли); *«Как собака плодится-щенится, и ты, Волос, так же плодись-щенись, назад не воротись...»* (заговор от волоса); *«Выйди, выйди, испуг, из буйной головы, из русых волос, из острого зуба, из красной крови, из жил»* (заговор от испуга) и т.д.

Имеются обращения, находящиеся в конце предложения: *«Гори же ты, рожса. Перестань ты, рожса»* (заговор от рожи); *«Открывайтесь ворота костяные»* (заговор на облегчение родов); *«Гой еси ты, заря утренняя, ты, заря вечерняя»* (заговор от порчи) и др. В исследуемом материале они немногочисленны.

Способы выражения обращения, используемые в заговорах, также разнообразны. Во-первых, для выражения обращения используется звательная форма имени: *царю небесный, утешителю, подателю, господи, господи Боже, отче наш, отче Боже мой, господи Иисусе Христе, всемогущий Отче*. Обращения к «высшим силам», к христианским заступникам в форме звательного падежа заимствованы из молитв. К ним обращались и в молитвах как к защитникам от бед, нечистой силы, напастей, страданий и т.д. Колдующий часто напрямую обращается к «высшей силе» и христианским заступникам, зовет их в сочувствующие свидетели, помощники или испрашивает их согласие на заговор: *«Подателю, прииде и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны и спаси, Блаже, душа наша»* (заговор от сглаза); *«Господи Боже, благослови, Матерь Пресвятая, помоги...»* (от сглаза). Такие формулы-обращения придают текстам заговоров сакральный характер ритуала, отражающий особенности религиозного культа и молитв.

Как отмечают исследователи, особенностью заговора является соединение в нем вербального и акционального компонентов: «вещного» слова и «дела». Типичные действия, отмеченные в анализируемом материале, это обливание, кропление, умывание, натирание водой, наговаривание на воду, сплевывание (часто через левое плечо), намазывание маслом больного места безымянным пальцем, дутье на рану, облизывание, размахивание руками и т.п.

В большинстве случаев структура текста заговора содержит оба компонента. Типичны заговоры, в которых вербальный компонент передает сообщение в форме волеизъявления. Ср.: *приди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и напасти; помоги, помоги, спаси, помилуй; смой хвори, смой ... наговорье; возьми свою глоть; выплыви, заноза, и не коли глаза; возьми мою*

скорбь...; *откачнись* от меня; *выйди*, притка, *выйди*, хитка, из костей, из мощей у станových жил...; ангелы, *возьмите* эту боль, *унесите* за горы, за доли, за лес густой; *закрутись*, *завертись*, в тёмный вихрь *превратись* и т. п. Творящий заговор напрямую обращается к «высшим» и «малым» силам и просит у них помощи, поэтому заговоры творятся как богоугодное дело, часто с «животворящим» крестом и молитвой. Обращения сопровождаются императивом (чаще формами повелительного наклонения 2-го лица). Но нередки случаи, когда модальность волеизъявления создается описательными формами повелительного наклонения в значении «пусть будет так, чтобы». Например: «*Молю тебя, Господи Иисусе Христе, дабы через эти святейшие слова, через заслуги твоих учеников и во имя твоего святейшего подвига исцелена была эта рана, это зло*»; «... *да будет воля твоя...*»; «...*да будут слова мои лепки и крепки...*» и т.п. Побуждение, выражаемое сочетанием «да + форма повелительного наклонения или форма простого будущего времени», характерная черта книжного церковно-славянского языка. Ср.: «*да будут чр҃сла ваша пр҃поясна*», «*да сбудется реченое пророком...*».

Довольно часто значение модального волеизъявления в заговорных текстах выражено формой инфинитива: «Тут тебе *не бывать*, по кости *не ходить*, костей *не ломить*, головы *не кружить* и раба Божьего (имя) *не уморить*»; «Прошу тебя по жилам *не ходить*, костей *не ломить*, сердца *не сушить*, колючия, болючия *уничтожить*»; «Там тебе *жить*, там тебе *гулять*, у младенца (имя) век *не бывать*».

Конструкции подобного рода приближаются к фразеологически устойчивым разговорным конструкциям типа: *Чтоб тебе провалиться! Чтоб вам подавиться! Чтоб мне белого света не видать!* и т.п. Они выражают негативное пожелание, заклятие и способствуют реализации «замысла» творящего заговор. Роль их в речевой коммуникации велика, т.к. они обладают «иллокутивный силой» (т.е. выражают намерения говорящего) и «перлокутивным эффектом» (т.е. воздействуют на слушающего) [12, с.158-159]. Следовательно, глагольные формы в обращении актуализируют наиболее

важный компонент информации и выражают волеизъявление: основания для выполнения воли творящего заговор есть.

В структуре текста заговора – в заговорных концовках – в анализируемом материале присутствуют немотивированные, «непрозрачные» обороты типа: «Аминь»; «Слово мое крепко»; «Тем словам замок - море, ключ – зубы»; «Тем моим словам ключ и замок; ключ в воду, а замок в гору»; «Щука в море, язык во рту, замок в небе, а ключ в море»; «Замок замкнулся и ключ – в воду»; «Мой заговор долгов, мои слова крепки» и т.п. В восточнославянской заговорной традиции такие концовки называют *заключкой, закрепкой, ключом, замком*. Замок, ключ получают в метафорическом языке заговора символическое значение орудия замыкания болезни, носителя опасности, защиты. Замыкание замка служит символом закрепления желаемого результата, выраженного в волеизъявлении.

Концовки (заключки) заговоров имеют различное происхождение. Наиболее часто в исследуемых текстах отмечен древнееврейский библеизм «Аминь!» (amen – «истинно», «так оно и есть», «да будет так!»). Это заключительное слово употреблялось очень часто в богослужбных текстах, молитвах для подтверждения удостоверения истинности сказанного (написанного). Формула перешла в сферу народного быта и фольклора и часто употребляется в заговорах и заклинаниях.

В.И.Даль отмечает, что «народ обратил аминь в существительное, разумея либо молитву, либо конец дела» и приводит многочисленные примеры употребления церковно-книжной формулы в народной речи: Аминь, аминь, рассыпья, говор. нечистой силе. Аминь человека спасает. Аминем великие дела вершат и под. [6, с.14-15].

От аминь в русских народных говорах образован глагол зааминить, который имеет значения:

1. «завершить, закончить, порешить или укрепить»;

2. «уничтожить, заговорить болезнь», «защитить от нечистой силы», арх. и сиб. «зааминить чирьи и вереды» или «зааминить зрачки» (при болезни глаз), «зааминить чёрта» [13].

В исследуемом материале широко представлены лечебные заговоры: от сглаза, порчи, испуга, ангины, глазных болезней, зубной боли, головной боли, боли в спине и суставах, кровотечения, грудницы, ушиба, расширения вен, рожи, грыжи, чирья, волоса, геморроя, укуса (собаки, змеи) и универсальные заговоры от всех болезней.

Болезнь в народной культуре воспринимается как результат воздействия на человека нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом. Болезнь – «ворожье наговорье». В лечебных заговорах содержатся общие наименования болезни: *болести, недуги*. Есть и конкретные наименования: а) по способам насылания болезни: *сглаз, порча, уроки, призор, очес*; б) по симптомам болезни: *родимец, родилищный, глоть, притка, хитка, трясовица* и др. Имеются и прямые общеупотребительные наименования: *ангина, геморрой, кашель, зубная боль, головная боль* и т.п.

Для избавления от болезни в заговорах используются мотивы:

а) отгона (выбивание) болезни: «Как из булату, из синего укладу каменею огонь *выбивает*, так бы и из рабы Божией (имя) все недуги и порчи *выбивало...*»;

б) снятия болезни: «Месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки. *Сними*, ты, месяц, *сними* мою зубную боль, *унеси* боль под облака»;

в) задабривания, оскорбления (брань, проклятия, угрозы): «*Выйди*, притка, *выйди*, хитка, из костей, из мощей, из становых жил...»; «Дикое, лужное, а мне совсем не нужное, *закружись, завертись*, в тёмный вихрь *завертись...* *Облетай* зверей, *обминай* зверей. В тёмный вихрь *превратись* и в омутах *утопись*»; «*Гори* же ты, рожа. *Перестань* ты, рожа, по костям ходить, сердца не сушить, колючие, болочие *уничтожить*. Пришла *незванная*, иди *непровожданная*» и т.д.

Так, заговоры от сглаза, или призора, в исследуемых лечебных текстах более многочисленны, чем от других болезней. Сглаз считался самой распространенной причиной порчи. По народным поверьям считалось, что человек, у которого «дурной глаз», способен «сглазить», просто посмотрев на кого-либо. Для защиты от сглаза нашептывали на воду, которой умывались или пили; отчитывали больного три зори, а в более сложных случаях и 12 зорь; наговаривали непитую (т.е. никем не отведавшую) воду, бросали в воду чеснок, соль; вбивали в неё «яйцо так, чтобы не разлить, желток» и т.д. См. текст заговора от порчи: Налить в стакан воды и приговаривать три раза:

«Стану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами в чистое поле, в зеленую дубраву. В зеленой дубраве стоит белая береза во двенадцати корнях. Как на мне не удержится ни утренняя роса, ни вечерняя роса, так не держитесь ни *уроки*, ни *призоры*, ни *скорби* – *болезни*, ни *страхи* – *переполохи*, ни *ветряные переломы*. От родимца родилицного, от русых, от белокурых, от черных, от черемных, от двоезубых, от троезубых, от двоеженных, от троеженных. Будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь».

Выпить глоток воды или дать выпить тому, с кого снимаете порчу, помочить лоб и волосы, три раза побрызгать на грудь и спину. Молча подождать, пока высохнет вода».

В заговоре порча – болезнь, напускаемая «лихими людьми», нечистыми духами и т.п. называется «уроками, призорами, скорбями – болезнями, страхами – переполохами, ветряными переломами».

Образ березы, часто используемый в заговорном тексте от порчи и сглаза («*В зеленой дубраве стоит белая береза во двенадцати корнях*») имеет символическое значение. В народной медицине, заговорах береза использовалась для лечения от многих болезней. Действенным приёмом магии считалось хождение («*...пойду... в чистое поле, в зелёную дубраву*») к растущей березе для «передачи» ей болезни. Эти хождения сопровождались заговорами. В анализируемом тексте содержится мотив увещевания (уговора) по

отношению к порче, выраженный в сравнении: *«Как на мне не удержится ни утренняя заря, ни вечерняя заря, так не держитесь ни уроки, ни призоры...»* (Ср. также битьё заболевшего берёзовым веником; использование березового сока при язвах, от чахотки и пр.). В тексте заговора перечисляются «лихие», «нечистые» люди, которые могли напустить порчу, сглаз: *«двоезубые, троезубые, двоеженные, троеженные»*. Заключительная часть содержит «заключку»: слова заговора должны удерживать силу (*будьте слова лепки и крепки*), должны быть «запечатаны замком» (*клеем осетровым*), иначе заговор лишится силы.

Наиболее типичными способами, направленными на избавление человека от болезни, являются заговоры, в которых болезнь смывается водой: *«Матушка-водица, Господня помощница, смой с рабы Божьей (имя) горе, смой с рабы Божьей (имя) хвори, смой с рабы Божьей (имя) ворожье наговорье»* (от сглаза); заговоры, в которых болезнь «передается» другому лицу, животному, растению и т.д. (напр., в заговорах от зубной боли месяц должен снять зубную боль и унести под облака; заря-зарница должна покрыть (защитить) зубы «своею фатою от проклятого Лимаря»: *За твоим покровом уцелеют мои зубы*); заговоры, в которых болезнь уничтожается животворящим крестом (*«Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест»*), божьей росой (*«Божья роса, залепи собаке глаза»*), именем Бога, Иисуса Христа, Божьей Матери и т.д.

Апотропеические средства, используемые при лечении заговором, самые разнообразные. Это чеснок (от сглаза), вода, соль (от сглаза, от всех болезней), яйцо (от порчи), слюна, плевок (от ангины, зубной, головной боли), табак (листовая махорка) (от зубной боли), масло (от грудницы), красная тряпка (от рожи), нож (от ушиба), сучок, ключ с дырочкой (от чирья), крестообразное дутьё на рану (от геморроя) и т.д.

Рассмотрим магическое действие некоторых из них.

«Вода в народных представлениях одна их первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения» [14, с.400]. Почитание воды

известно у славян задолго до принятия христианства. «Поклонение священным источникам и колодцам связывалось с культом Макоши, а позднее – с культом Праскевы Пятницы – покровительницы водной стихии...». Церковное освящение воды имело целью её очищения. По народному убеждению, при погружении в воду святого и животворящего креста... изгоняется вся дьявольская сила, и поэтому вода становится безукоризненно чистой и святой» [15, с.174].

В христианской религии *вода* часто подвергается освящению (церковный обряд водосвятия - Крещение), освященная в этот день вода считается наиболее здоровой, целебной, способной защитить от болезней и нечистой силы. Её хранили и использовали в лечебных целях. Наряду с водой, освященной по церковному обряду, чудодейственной и магической силой обладала и наговоренная вода. Её наливали в посуду и наговаривали, а затем использовали: пили, окропляли, смывали и т.д. Дополнительную магическую силу придавали воде опущенные в нее растения, монеты, серебряные изделия, крест, зерно, угли из печи и т.п.

В исследуемых заговорах чудодейственные свойства воды усиливаются, если над ней произносится заговор от сглаза, порчи, зубной боли, боли в спине и суставах, пьянства, от всех болезней и т.п. Кроме действий с водой, в самих текстах заговоров обращение к воде очень почтительное, часто она наделяется эпитетами, положительными характеристиками: «*Матушка-водица, Господня помощница...*», «*Святая вода...*», «*...быстрая вода...*».

Чудодейственная сила воды в заговорах отчасти связана и с ее природными свойствами – свежестью, прозрачностью. Вода должна быть чистой, «непитой», свежей, только в этом случае она способна «очистить от всего злого». Напротив, целительные свойства воды пропадут, если она мутная и грязная. Вода должна быть из горного студенца. Студенец – «колодец». (Ср.: ст.сл. стоудьньць) По народным поверьям, святая, чистая, непитая вода обладала способностью смывать всё «нечистое» и очищать от грехов.

Соль использовалась и как оберег (она охраняла ритуальный хлеб и дом в целом от воздействия злых, враждебных сил), и как средство лечения и магии в народной медицине и заговорах: от порчи, сглаза, ото всех болезней.

В качестве традиционного оберега от нечистой силы использовался нож. Им часто пользовались знахари: для защиты некрещеного младенца, женщины, жениха и невесты; молока у коровы; скота и т.п. Например, в исследуемых заговорных текстах нож используется в заговоре от ушиба: *взять нож, поскрести ножом больное место три раза, приговаривая: «Дикое, лужное, а мне совсем не нужное, закрутись, завертись, в тёмный вихрь превратись. Облети зверей, обминай зверей. В тёмный вихрь превратись и в омутах утопись. Аминь».* Переступание через нож, обведение ножом кого-либо (чего-либо), процеживание молока через нож, «засекание» ножом, соскребание и т.п. вместе со словами заговора – обычные действия знахаря.

Большой интерес представляет в заговорных текстах обозначение времени и пространства. Болезни, недуги, сглаз, порча и т.п. прогоняются *«во тёмные леса, на сухи деревья, где народ не ходит, где скот не бродит, где птица не летает, где зверьё не рыщет»;* *«боль (уносится) под облака»*, *«в бездны преисподни»*, *«за горы, за доли, за лес густой»;* *«в омутах утопись»;* *«в чистое поле, в синее море»*, *«в тёмные леса, где люди не ходят, кони не бродят и птицы не летают»*, *«за горы высоки, за леса дремучи, за моря широки, за реки глубоки, за грязи топучи к щуке-белуге в зубы»*, *«на запад солнца, на зелёную дубраву, на осиновый лист»* и т.д.

Согласно народным поверьям, нечистая сила, злые духи враждебны человеку, насылают на него различные болезни, неприятности, наносят вред урожаю, скоту и т.д. Изначально они обозначали некую сверхъестественную силу, лесную, водяную, тёмную и т.п. Местом ее обитания являются «нечистые» места: пустоши, дебри, чащобы, трясины, болота; пещеры, ямы, болота; все виды водоёмов (особенно омуты); нечистые деревья (сухая верба, бузина, осина) и т.п. Словом, глухие места, в которых человеку становится жутко. Ср., например, народные названия нечистой силы, в основе номинации

которых лежит главный признак – место обитания: леший, водяной, омутник, болотник, полевик, луговик, веретник и др.

Осина в народной традиции – «нечистое» дерево, проклятое Богом. В апокрифах рассказывается, что осина дрожанием своих листьев выдала спрятавшуюся под ней от преследователей Богородицу. Как «чёртово» дерево, осина широко использовалась в магических целях и заговорах от различных болезней: от трясовицы (лихорадки), зубной боли, бессонницы, холеры и др.

Перечисление «нечистых» мест в заговоре создает атмосферу мистической иррациональности. Коммуникативный смысл таких перечислений своего рода демонстрация компетенции знахаря: он знает своё дело, знает, куда нужно «отогнать» нечистую силу, чтобы отступила болезнь, сглаз, порча и т.д. С другой стороны, в заговоре нужно назвать все места обитания нечистой силы, потому что неназванное место может оказаться вне поля действия заговора.

Нереалистическую, тревожную и зыбкую, как предрассветный туман, таинственную атмосферу заговора создают наименования времени. В большинстве исследуемых текстов время называется так: утренняя заря, заря вечерняя, полуночица, денница; солнце на закате, месяц на закате, солнце на заходе, ночью, на вечерне; луна и т.д. Как отмечает Н.Б.Мечковская, «всё это «точечное», а не длящееся время» [5, с.98].

По народным поверьям считалось, что заговор подействует, если его произносить в определенное время и в определенном месте. Поэтому знахари произносили заговорный текст в определенное время суток. См. заговор от золотухи: (Читать на молодой месяц). *«Как батюшка млад месяц на месте не стоит, так и раба Божья (имя) выходила бы из золотухи, выступала бы на позолотушье из тридевяти мозгов, из буйной головы, из чёрных бровей, из ясных очей, из косиц, из ресниц, из ягодниц, из мягких губ, из белых зуб, чтобы не было ломотицы, мокротицы на веки и отныне до веку. Аминь».*

Как молодой месяц прибывает, так и прибывает здоровье у больного – такова главная стратегия этого заговора. В других случаях, напротив, заговор

нужно произносить в ущербное время луны: считалось, что как убывает луна, так и уходит от человека болезнь.

Таким образом, и сам творящий заговоры, и его слова, и ритуальные действия – часть непостижимого мира, тайна. Атмосфера чародейства, колдовства усиливается непонятными словами, устаревшими грамматическими формами, обращением к высшим потусторонним силам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. А.Л.Налетина. М.: Сов. Россия, 1986.
2. Топоров В.Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М.: Наука, 1985.
3. Архив кафедры русской филологии АмГУ.
4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. СПб., 1861.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.1. М.: Русский язык, 1978.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4. М.: Русский язык, 1978.
8. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 тт. / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т.2: Д-К / под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 1999.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
10. Топоров В.Н. О ведийской загадке типа brahmodya //Пареомилогические исследования. Сб. ст. М.: Наука, 1984, с.14-16.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1. СПб.; ИОРЯС, 1893.
12. Федосюк М.Ю. Речевой замысел говорящего и его компоненты // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсентьевны Белошапковой /Сост. Т.В.Белошапкина, Т.В.Шмелёва. М.: Индрик, 2001.
13. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 тт. / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т.1: А-Г / под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 1999.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.3. СПб.; ИОРЯС, 1893.
15. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей /Н.С. Шапарова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Апрель»: ООО «Русские словари», 2001.

ВАРИАТИВНОСТЬ СПОСОБОВ ВКЛЮЧЕНИЯ В ЗАГОВОРЫ АПОКРИФИЧЕСКОГО ТЕКСТА «СОН БОГОРОДИЦЫ»

Проблема вариативности фольклорного текста возникла в процессе формирования фольклористики как науки и до сих пор является одной из фундаментальных.

Отношение к варианту в истории фольклористики различно. Вариативность рассматривается и как явление разрушительное, свидетельствующее о «порче» традиции, и как явление закономерное, являющееся подтверждением динамичности фольклорного текста [1, с.129]

Вариативность и стабильность являются основными признаками существования традиции. К.В.Чистов определяет традицию как относительную стабильность и длительность воспроизведения. Традиция, по его мнению, это коллективная память. «В основе каждой традиции лежит опыт того социального коллектива, который ею располагает и ее поддерживает» [1, с.111]. Традиция предполагает наличие стабилизирующих факторов (стабилизаторов), которые обеспечивают ее воспроизводство. К.В.Чистов, говоря о фольклоре, называет следующие типы стабилизаторов: внетекстовые (это, в первую очередь, социальная группа и ее традиции, а также типовые бытовые ситуации, в которых воспроизводится текст, обряд и связанные с ним правила) и текстовые (это сюжет, традиционные персонажи и их функции, этикет исполнения текста определенного жанра, формулы, фиксирующие различные моменты повествования (темы, мотивы, сюжетные переходы) и опорные слова [1, с.133-134].

В.В.Иванов и В.Н.Топоров, в свою очередь, объясняли присутствие «консервирующих механизмов» в фольклоре, во-первых, наличием единой структуры фольклорного текста, где каждый элемент или функция

предполагает наличие другого, затем следующего и так далее, во-вторых, наличием бинарных оппозиций [2, с.49].

Современная наука, говоря о стабильности фольклорной традиции, использует понятие авантекста, введенное С.Ю.Неклюдовым, который толкует его как дотекстовый уровень, элементам которого – жанровой модели, сюжетному каркасу, тематическим блокам и др. – еще предстоит реализоваться в процессе исполнения. Авантекстовые компоненты принадлежат не конкретному тексту, а традиции в целом [3, с.3].

В процессе исполнения фольклорный текст заново составляется по определенным сюжетным, композиционным, жанровым моделям. Традиция предлагает для создания нового варианта речевые формулы, из которых исполнитель конструирует фольклорный текст на основе знания авантекстовых компонентов. Повторное воспроизведение фольклорного текста приводит не к возникновению его точной копии, а к образованию его нового варианта. Вариативность – это естественный способ существования фольклорного текста, однако процесс образования вариантов – явление не хаотическое, оно ограничено рамками стабилизирующих факторов, авантекстом.

Объектом нашего исследования стали русские заговоры, построенные на основе апокрифического сюжета о сне Богородицы. Целью исследования явилось выявление вариативных элементов в исследуемых заговорных текстах, их описание и анализ. Материалом послужили заговоры, опубликованные в следующих сборниках: «Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993гг.» [4], «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собранные М.Забылиным» [5], «Сказания русского народа» И.П.Сахарова [6], а также заговоры, опубликованные в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» [7].

Первоначально «Сон Богородицы» существовал в виде апокрифического текста. Апокрифы, как известно, – это сочинения, представляющие собой своеобразную интерпретацию Священного Писания. Данные тексты официальной церковью не признаны. Появление таких сочинений обусловлено

желанием иметь подробные сведения о жизни различных христианских персонажей. В канонической же литературе данная тема не освещена совсем, или освещена недостаточно. «Апокрифы представляют собой своего рода христианскую мифологию. Апокрифы шли навстречу неудовлетворенным запросам на таинственное: они подробно, с чисто сказочными чертами говорили о творении мира, подробно рассказывали о загробном мире и так далее» [8, с.103].

Богородица – один из самых почитаемых христианских персонажей, поэтому апокрифы, рассказывающие о ней, были очень популярны в народе. Сказание об успении Богородицы, повествующее о ее смерти, довольно близко к евангельским рассказам, но кое в чем расходится с ними, дополняет их. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» далек от канонических текстов, в нем основное внимание уделено не личности и судьбе Богородицы, а изображению загробного мира, который она посещает. Апокриф «Сон Богородицы» также расходится в содержании с текстами Священного Писания, признанными официальной церковью. В нем рассказывается о вещем сне Богородицы, предсказывающем судьбу ее сына Иисуса Христа. Данный апокриф бытовал в рукописной форме, был очень популярен, использовался как оберег. Текст переписывали, передавали из рук в руки, хранили в каждом доме. Чем старше был список, тем более авторитетным он считался. На основе этого апокрифа впоследствии было создано множество духовных стихов и заговоров. С.Е.Никитина, анализируя данные духовные стихи, отмечает их текстовую близость с заговорами, говорит об общей для них магической функции [9, с.98].

Выявлять вариативные элементы в текстах заговоров, построенных на основе апокрифического сюжета о сне Богородицы, начнем с описания и анализа персонажей, включенных в них.

Богородица и Иисус Христос – основные действующие лица, их присутствие в исследуемых заговорных текстах обязательно, в силу

своеобразия сюжетной линии данных заговоров. Рассмотрим особенности представления этих персонажей в текстах заговоров.

Богородица

В первую очередь охарактеризуем особенности номинации данного персонажа. Все именованья Богородицы можно разделить на три группы:

1) номинации, в которые включено имя Богородица: *Мати Богородица, Пресвятая Богородица, Мать Пресвятая Богородица, Богородице Пречистая, Пресвятая госпожа Богородица;*

2) номинации, в которые включено имя Мария: *Мати Мария; Присная Дева Мария; Матушка, Мать Мария; Дева Мария;*

3) номинации, построенные на основе словосочетания Божья Матерь: *Святая всепетая Божья Матерь, Божья Матушка, Божья Мати.*

Случаи смешения данных типов номинаций в рассматриваемых заговорах единичны (например, *Пресвятая Богородица Мария*).

Среди речевых формул, называющих процесс сна, можно выделить наиболее распространенный в текстах заговоров вариант – *Богородица спала*. Единично используются следующие варианты: *Богородица почивала, опочивала, спочивала; Богородица приуснула, призаснула*. Некоторые заговоры содержат в себе речевую формулу *Богородица спать не спит*, которая указывает на реалистичность, а не фантастичность всех увиденных Богородицей во сне событий.

Тексты заговоров содержат различные характеристики сна Богородицы. Можно выделить три прилагательных, которые чаще всего участвуют в образовании данных характеристик: *страшный, чудесный* (и как синонимичные ему – *чудный, дивный*) и *ужасный*. Характеристика сна создается следующими способами употребления прилагательных:

1. Используется одиночное бесприставочное прилагательное или одиночное прилагательное с приставкой пре-, обозначающей высшую степень качества, например – *сон дивный, сон престрашный*.

2. Используется сложное прилагательное с одинаковыми основами, выражающее высокую степень проявления признака, например – *сон страшный-престрашный*.

3. Используются два разных прилагательных, одно – бесприставочное, другое – с приставкой пре-, обозначающей высшую степень качества, например – *сон страшный, преужасный*.

4. Используются два разных бесприставочных прилагательных, например – *сон страшный, ужасный* или *сон чуден и страшен*.

Таким образом, описание сна Богородицы экспрессивно, это обусловлено использованием прилагательных с приставкой пре-, выражающей значение интенсивного признака, а также расположением прилагательных в порядке усиления признака (градация).

Иисус Христос

Можно назвать два способа включения образа Иисуса Христа в исследуемые заговорные тексты. В первом случае данный персонаж включен в заговоры в качестве действующего лица библейской легенды, даваемой в пересказе сна Богородицы, например:

...привиделся сон нерадошный. Быть Иисусу Христу на распятии. В Четверг на Пятницу... его пытали, рученьки-ноги приковали, шиповным прутьем стегали, кровь святую проливали. От этой крови ручьи-реки протекали [4, с.246, №1468].

Во втором случае Иисус Христос, как и Богородица, является действующим лицом заговорного текста. Иисус Христос обычно спрашивает Богородицу о содержании сна, например: *Матушка, Мать Мария, где ты жила, поживала, где ты темну ночь коротала? (Или Богородица, Божья Мати, где спала, ночесь ночевала?)*; рассказывает о практическом применении заговора, например: *Мать моя Мария! Я твой сон спишу на белую бумагу. Кто поймет и три раза прочтет, будет спасен в пути-дороге, в опасных лесах, в страстных судах [4, с.369, №2331]* или: *Не плачь, Мать Мария. Твой сон страшный, ужасный спишу на чистый лист бумаги. Кто трижды прочтет,*

тот будет спасен от злого, лихого человека, от огня-пламени, от воды-потопа, Мать Пресвята Богородица в головах будет сидеть, будет помочь просить [7].

Таким образом, если в первом случае образ Иисуса Христа во многом совпадает с образом, представленным в канонической христианской литературе, то во втором случае данный персонаж благодаря своим функциональным характеристикам выводится за рамки христианской традиции.

Помимо Иисуса Христа и Богородицы в исследуемых текстах присутствуют персонажи, включение которых в данные заговоры носит факультативный характер. Это такие персонажи, как апостолы Петр и Павел, ангелы Михаил и Гавриил, Понтий Пилат, Иуда. В большинстве случаев эти образы включены в текст заговоров как действующие лица сна Богородицы. Их модусные характеристики в канонической христианской литературе и в исследуемых текстах в целом совпадают. Наиболее популярными из перечисленных персонажей являются Понтий Пилат и Иуда, это связано в первую очередь с тем, что в форме сна Богородицей описываются последние дни жизни Иисуса Христа, начиная с предательства Иуды.

Итак, говоря о вариативности состава персонажей в рассматриваемых заговорах, отметим, что главным действующим лицом является Богородица, также во все заговорные тексты включен Иисус Христос, но он выступает либо как герой пересказываемого Богородицей сна, либо как действующее лицо собственно заговорного текста. Включение других персонажей в исследуемые тексты носит факультативный характер. В большинстве случаев они являются только героями сна Богородицы, выбор персонажа в этом случае зависит от использования того или иного фрагмента библейской истории.

Заговоры, построенные на основе апокрифического «Сна Богородицы», как правило, состоят из двух частей. В первой описывается локус сна Богородицы, делается пересказ сна. Во второй части рассказывается о практическом применении заговора, о его магическом действии. Рассмотрим подробнее каждую из частей.

Говоря о локусах сна Богородицы, нужно отметить, что наиболее распространенными вариантами являются какой-либо город или престол.

Название города в заговорах варьируется и в большинстве случаев дается без дальнейшего уточнения места сна Богородицы, например, *град Угейский, город Иерусалим, город Френт, город Вифлеем*. В то время как именование престола как локуса сна Богородицы сопровождается цепью уточнений его местонахождения, имеющих в своем составе до четырех звеньев, например: *в Христовом доме за престолом; на море океанском, на камне латынском стоит церковь, во церкви – престол или на горе Сионской, в Божьем доме, в пустыне, церкви, у истинного Христа за престолом*.

Пересказ сна Богородицы может даваться от первого лица. В этом случае заговор построен в форме диалога Богородицы либо с Иисусом Христом, либо с безымянным персонажем, например:

Пришел к ней свет истинный Христос. – «Скажи, Матушка, спишь или не спишь?» -- «Нет, свет истинный Христос, не сплю, про тебя сон думаю...» [4, с.370, №2340]

Или *«Пресвятая Богородица Мария, где была-побывала, где ночевала?» - «Ночевала я в городе Гладище ...»*[4, №2334, с. 369].

Также пересказ сна может даваться и от третьего лица, например:

Стоит дуб на горе. Мать Марeya спала на скале, своего сына во сне видела. ...его взяли, на крест его распяли, копили руки, ноги прибывали, терновый венок на голову одевали, гвозди прибывали, горячую кровь проливали... [4, с.347, №2252].

В ряде заговоров содержание сна представляет собой довольно полный пересказ евангельского канонического текста о жизни Иисуса Христа, начиная с эпизода предательства Иуды и до воскрешения Иисуса Христа, например:

Пресвятая Мати Богородица шла, приустала — с волока на волок, с горы на гору. Шла, приустала, легла, приуснула. Мало ноченьки спалось ей, много во сне виделось. Привиделся ей сон чуден и страшен. Над рекой, рекой Иорданом выросло древо кипарисное. На древе кипарисном написано буквы с молитвой:

«Быть Христу на распятие, быть Христу на кроволитье». Иуда Христа продает, за триста золотых отдавает... триста золотых заплатили. Голову его копьем проломил, в руки-ноги гвоздья наколотили. Ясно солнце закатилось. Тогда Богродица узнала, пришла к Христу ко гробнице. Слезно она плачет-рыдает, гробницу слезами обливает. Он сказал: «Не плачь, не плачь, Мати Мария, не рыдай-ко ты, Дева Святая. В два дни, в три дни я воскресну, вознесусь на небеса... [4, с.56, №170]

Или ...«Возлюбленное чадо мое, Сын мой и Боже мой, видела Петра и Павла в граде Рима, а тебя, чадо, с разбойниками на кресте кипаристе, от книжников и фарисеев - большое поругание, и Понтийского Пилата осуждено на кресте, распято, тростию по голове бито, на лицо твое свято плевано, по устам напоено, терновым венцом венчано, и едино от воины ребро твое прободали. А из них вон изыдет кровь и вода. Земля потряснется, камни распадутся, занавеса церковна разорвется надвое, с верхнего края до нижнего, телеса усопших святых из гробов возсташа, солнце и луна помрачатся, и будет тьма по всей земле от шести часов до девятого часа. Иисус, с Никодимом у Пилата тело твое отпросится, со креста тело твое сняв, плащаницею чистой обвивши, во гробе положили. Закрыли, положили сошедшего, об двери железные, сломали ворота медные. И сокрушил, и на третий день воскрес от гроба, живот миру даровал, и вечно Адама и Еву от ада освободил... [4, с.364, №2317].

В данных текстах представлены следующие фрагменты евангельской истории: предательство Иуды, суд Понтия Пилата, распятие Иисуса Христа, снятие с креста, воскрешение Иисуса Христа.

Количество подобных заговорных текстов невелико, в большинстве случаев пересказ сна построен на основе одного эпизода евангельской истории – распятия Иисуса Христа.

По данным заговорных текстов Иисуса распинают на столбе – *тебя к купаресовому столбу распинали, руки-ноги гвоздями прибывали...*[4, с.368, №2330], на дереве – *Споймали Христа. На угодные место, чистое поле, к*

синему морю, кипаристому дереву — копьём сердце прикололи, кровь святую проливали... [4, с.366, №2321], на трех деревьях – *...Быть Христу на распятии, на трех деревьях. Первое дерево — ильин, второе — купорее, третье - притворное...* [4, с.106, №506]. Наиболее популярным является традиционный христианский вариант – распятие на кресте. Крест связывается с общемифологическим образом мирового древа, которое в славянской мифологии моделирует троичную вертикальную структуру (небо, земля и преисподняя), четверичную горизонтальную структуру (стороны света), а также противопоставляет жизнь и смерть [10, с.454].

В ряде заговоров конкретизируется материал, из которого изготовлен крест, например: *...и сотвориша крест из трех дрв: кедра, кипариса и перина* [4, с.75, №308]. Такое же уточнение содержится и в народных легендах: обычно продольный брус креста сделан из кипариса, поперечный брус – из финикового дерева, подножие – из кедра, дощечка с надписью – из масличного дерева. Легенды русских старообрядцев в качестве материала для креста называют певгу, кипарис и кедр [8, с.833]. Подобные представления, однако, не отражены в Священном Писании.

В ряде заговорных текстов упоминается место распятия. Это либо море – *«Что ты спишь, Божья Матушка?» – «Спать я не сплю, а во сне много вижу: моего сына Иисуса Христа распинали на море Чердане, на реке-океане»* [4, №2250, с.346], либо гора Голгофа (традиционный христианский вариант): *... и приведоша к Понтийскому Пилату, игемону, на осуждение смерти, и сотвориша крест из трех дрв: кедра, кипариса и перина на горе Голгофе, и на одном месте распяли Тя между двумя разбойниками* [4, с.75, № 308]. Выбор моря в качестве локуса распятия, возможно, связан с тем, что море в славянской мифологии является «чужим миром»; местопребыванием различных отрицательных персонажей, смерти, болезней (Ср. заговорный образ Лихорадки, которая появляется либо из Черного моря, либо из моря-Океана). В лечебных заговорах болезнь зачастую отсылается также в море, например:

Грыжа белая, грыжа желтая, грыжа черная, грыжа зеленая – на чистое поле, на синее море, там тебе место, там тебе гнездо... [4, с.250, №1528].

Таким образом, можно говорить о том, что наряду с традиционно-христианскими элементами (крест, гора Голгофа) исследуемые тексты включают в себя элементы языческие (дерево в качестве места распятия Иисуса Христа, море в качестве локуса казни Иисуса Христа). Языческие и христианские элементы не просто соседствуют друг с другом – они тесно переплетены, о чем свидетельствует указание на материал, из которого изготовлен крест; выбор в качестве распятия креста и расположение его на море и другое.

Подробно в заговорах описываются пытки Иисуса Христа перед распятием и его муки на кресте. Заговорная интерпретация данного фрагмента евангельской истории представляет собой синтез канонических христианских текстов евангелистов Матфея, Марка и Иоанна (в Евангелии от Луки о муках Христа на распятии подробно не рассказывается):

...осужден на смерть от книжников и фарисеев, терпел поругания, на лицо твое святое плевали, уксусом тебя напоили, терновым венцом венчали, тростию по голове биен, воином ребро твое копьем прободено, из него же истекла вода и кровь [4, с.365, №2318].

Итак, пересказ сна Богородицы представляет собой переложение евангельской истории, в которой ведущую роль играет описание мук Иисуса Христа на распятии, что, возможно, связано с тем, что пересказ дается от лица Богородицы, матери Иисуса Христа, для которой осознание мучений сына – внутренняя борьба земного (материнского) чувства и религиозного долга.

Вторая часть, как мы уже говорили, содержит указание на практическое применение заговора и его магическую функцию. Подобные заговорные тексты нужно *знать, читать, списывать, слушать, держать в доме*. О практическом применении заговора рассказывается либо от третьего лица: *Кто этот сон знает, пусть три раза прочитает, тот и узнает, избавится ото всех бед - от огня неугасимого, от суда несудящего, от моря неутопаемого, муки вечного*

избавляется [4, с.367, №2322], либо от первого лица, в этом случае о применении заговорного текста говорит Иисус Христос. Такая форма характерна для заговоров, построенных в форме диалога Богородицы с Иисусом Христом, например: *Мать моя Мария! Я твой сон спишу на белую бумагу. Кто поймет и три раза прочтет, будет спасен в пути-дороге, в опасных местах, в страстных судах...* [4, с.369. №2331].

После указания на практическое применение текста идет описание его магического действия, чаще всего это спасение от всех болезней, от всех несчастий:

...Кто будет трижды читать, тот будет спасен от злого, лихого человека, от огня-пламени, от воды-потопа, Мать Пресвята Богородица в головах будет сидеть, будет помочь просить [4, с.365, №2304].

Таким образом, исследуемые заговорные тексты представляют собой, как правило, общественные обереги, для них редки случаи узкой целевой направленности, например, для помощи женщине при родах:

...Или кто сей сон будет слушать с прилежанием и со вниманием, тот человек обретет отпущение грехов, или которая женщина беременная будет сей лист прочитывать на всякий день, то от рождения легко родит [4, с.364, №2317].

Такая целевая направленность связана, возможно, с функциональными характеристиками главного персонажа исследуемых заговоров – Богородицы. На нее в текстах заговоров перенесены свойства более древних языческих персонажей, связанных с культом матери, таких как Мокошь, Мать-земля, которые были покровительницами женского начала.

Подобная двухчастная структура, как показывает анализ, характерна для всех заговорных текстов, построенных на основе апокрифического «Сна Богородицы».

Далее рассмотрим композиционные особенности рассматриваемых заговоров, в первую очередь обратимся к таким традиционным для заговорного текста композиционным составляющим, как зачин и закрепка.

Как правило, анализируемые заговоры начинаются непосредственно с пересказа сна, например:

Спала мати Мария горе в пещере святой церкви на престоле. Немного спала, много видела... [4, с.366, №2321].

Но ряд текстов все же содержит зачин, который может быть как типично заговорным:

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, под светел месяц, по частым звездам. Умоюсь росой, утрюсь я пеленою, пойду я в восточную сторону. В восточной стороне на окяне-море стоит золотый камень. На золотом камне — церковь престольна, в церкви престольной — Мати Мария спала-почивала... [4, с.375, №2388],

так и молитвенным:

Крест мой, крест! Крест великий! Крест мой несуженный: держал в руках ангел, отгонял беса... [4, с.369, №2331].

Что касается закрепи, то она присутствует практически во всех анализируемых заговорах и обычно представляет собой закрепку молитвенного происхождения. Наиболее частотны следующие виды закрепок – «*во имя Отца и Сына и Святого Духа*», «*во веки веков*», «*ныне и присно и во веки веков*».

В качестве самостоятельной закрепи, либо в качестве элемента сложной закрепи может выступать молитвенное слово *аминь*, и как вариант – его трехкратное повторение, например:

...Мать Пресвята Богородица в головах будет сидеть, будет помочь просить. Аминь. Аминь. Аминь. [7].

В целом апокрифический текст оформляется по композиционным законам заговора, то есть содержит в себе зачин, эпическую часть (пересказ сна), указание на магическое действие заговора и закрепку.

Итак, говоря о вариативности заговорных текстов, построенных на основе апокрифа «Сон Богородицы», нужно сказать о том, что все они по своей специализации являются не узконаправленными заговорами, а общественными оберегами, что подчеркивает авторитетность рассматриваемых текстов.

Постоянным в данных заговорных текстах является состав главных персонажей (Богородица и Иисус Христос), двухчастная структура текста (пересказ сна, описание применения и магического действия). Варьируются же такие элементы заговора, как именование персонажей, локусы их пребывания, процессуальные и функциональные характеристики. Варьируется содержание сна от полного пересказа евангельской истории, начиная с предательства Иуды, до сжатого пересказа, ориентированного лишь на эпизод распятия Иисуса Христа. Данные варианты носят, как правило, характер синонимических замен, которые в дальнейшем могут расширить зону своего варьирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С.44 – 77.
3. Неклюдов С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. 2001. №4. С.2-4
4. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993гг. / Под ред. В.П.Аникина. М.: Издательство МГУ, 1998.
5. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собранные М.Забылиным / Репринтное воспроизведение издания 1880г. М.: Автор, 1992.
6. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Тула, 2000.
7. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005.
8. Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. / Под ред. С.С.Аверинцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. Т.1.
9. Никитина С.И. Русская народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993.
10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира в 2-х тт. Т.2. М., 1998. С. 450 – 456.

ПРОСТОРЕЧИЕ КАК ФОРМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

*С.П.Белякова (Усачева)
Тверской государственный университет
г.Тверь*

СИНХРОНИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОРОДСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ И ГОВОРАХ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Как известно, эффективность изучения динамических языковых процессов зависит от степени изученности того или иного лингвистического явления в разные временные срезы.

В данной статье дан сравнительный анализ динамики некоторых локальных фонетических процессов в тверском городском просторечии (далее ГП), наблюдаемых исследователями в 50-е годы прошлого века и на стыке 20-21 веков, т.е. в промежуток времени, достаточный для того, чтобы сделать некоторые обобщения по этому поводу.

В середине 20-го столетия тверским диалектологом А.А.Беловой был обследован говор с.Каблуково Калининского района (по современному диалектному членению эти говоры входят в зону Владимиро-Поволжских и относятся к восточной части Калининской подгруппы), а также произведена запись речи городских жителей, выходцев из с.Каблуково, которые переехали в Тверь (тогда Калинин) и прожили городе не менее 15 лет. Т.е. фактически А.А.Беловой была предпринята первая попытка сопоставить фонетические системы двух разновидностей русского языка (диалекта и городского просторечия) на тверском региональном материале.

Реконструкция языковой модели тверского ГП 50-х годов позволила нам выявить как общие закономерности в динамике самих локальных внутренних процессов, так и увидеть некоторые отличительные особенности в языковой ситуации того периода и настоящего. Следует попутно заметить, что 40-е-50-е

годы – это отправная точка миграции из села в областной центр современных носителей ГП, т.е. мы хотим еще раз зафиксировать внимание на том, что процесс проникновения диалектной среды в городскую и их взаимовлияние друг на друга – это процесс непрерывный, и, несомненно, обусловленный социальными микро- и макроизменениями инфраструктуры городского населения.

К сожалению, материал, собранный диалектологом А.А.Беловой, полностью не сохранился до наших дней*. Имеются лишь отдельные фрагменты записей речи как диалектоносителей, так и горожан [1, с. 47 - 61].

Синхронизация разновременного речевого материала позволила выявить следующие особенности процесса трансформации диалектных фонетических элементов и их локализации в тверском ГП.

А. Предударный вокализм после твердых согласных

Система предударного вокализма в говоре с.Каблуково в 50-е годы 20-го века не отличалась в своей основе от того типа оканья, которое характеризуется как неполное, а именно: в позиции первого предударного слога после твердых согласных выступают пять фонем <о>, <э>, <а>, <и>, <у>, т.е. гласные неверхнего подъема <о> и <а> различаются по своим дифференциальным признакам, и их слияния в одном варианте не происходит. Хотя эта особенность на момент изучения соблюдалась в говоре не так последовательно. Поясним эти наблюдения примерами.

Большинство информантов произносили в этом типе слога [о] во всех случаях, независимо от качества последующего гласного в ударном слоге: *мојА род'Имъ угроф'Энь; којдА бол'Эл; домОј, поАл'и съпог'И; бојАцъ стојАт'; в оУвр'Им'ь хърошО, пькормл'У; дрова потОм состАр'ил'ис'; вдвојОм пьгос'т'Им, здорОвыј вУбол'н'Ицъ; рьзошлаС' фчэрА.

* По сведениям Т.В.Кирилловой [1, 35] всего было записано текстов от 30-ти информантов (имеются ввиду только городские жители), а в хрестоматии представлено лишь 8 текстов.

Более того, нами отмечено, что в речи отдельных информантов [o] встречается не только как вариант фонемы <o>, но и как вариант <a>: *пѣстѡнѠфкѣ, фѡконѠву; влод'Им'ир, роз'д'Ил'и; ниѡсровн'Ит.

Примеры смешанного о-а-вокализма в речи отдельных информантов представлены единичными случаями, но процесс нивелировки <o> и <a> в этот период динамично развивается и становится ведущим произносительным вариантом в этом типе безударного слога:

Таблица 1

Смешанный о-а-вокализм в каблуковском говоре 50-х годов 20-го века

Образцы смешения вариантов [o] и [a] в речи отдельных информантов	
[o]	[a]
пѣрѡшѠк, пѡпѠхѣл, п'ѣртѡлкѠжуть, сѡфс'Ѡм	ламажит, ваина ана
гѣвор'Ил'и, когда, лѡс'Иж, нѡс'Ил'и, хѡд'Ил	вада
мѡлот'ут, сѡломѡу, пѡтом, кѡл'Учк'и, уѡкосѠ, кѡс'жѡ	лапатья, патом, паст'Ил'ут, сабачка'и, ав'Ины, дамашн'иј
зѣбѡл'Ѡл, вѡжнѠ, пѡлад'ил'и, пѡшѡл, нѣѡпѡрок	мѣлакѡ, нас'Ил'и, вада, кан'Ѡшнѣ, вал'Ѡдѣ

В этой группе текстов зафиксировано 95 словоформ в данной позиции, из них слова с [a]-вариантом заметно менее частотны в речи диалектоносителей, их частота 0,16 балла, тогда как частота признака [o] – 0,84 балла.

И лишь в речи одного информанта [o]-произношение в данном типе слога полностью утрачено: *фѡкалхѠз'ѣ, мѣладѡј, пажасть, рав'Ѡс'н'ик'и, харѡшѣѣ пѣстанѠфкѣ, адној.

Таким образом, в исследуемый срез времени в каблуковском говоре сосуществовали по крайней мере три варианта предударного вокализма после

твердых согласных: о-вокализм, смешанный о-а-вокализм с преобладанием варианта [o], а также единичные примеры а-вокализма.

В среднем частота появления признака [a] небольшая – 0,12 балла, тогда как ведущим вариантом произношения является [o], его частотность в среднем 0,88 балла. Эта информация суть не только данной выборки, она отражает реальную картину языковой ситуации, что была представлена в системе диалекта в тот период.

Иначе были перераспределены варианты [o] и [a] в позиции первого предударного слога после твердых согласных в тверском ГП 50-х годов. Как остаточное явление представлен [o]-признак в речи городских жителей в тех позициях, где он не варьируется с другими гласными, и речь таких информантов приближена к диалектной: *ч^ьрнотА, в^ьротн'Ик, п^ьдожд'И, смотр'Эль, утожд'И; г^ьвор'У, н^ьсобрАн'иш, молчУ, пол'У, прозвАл'и. Частота признака [o] в данной выборке равна 1 баллу.

Речь некоторой части информантов характеризуется наличием двух вариантов ([o] и [a]) в данной позиции, т.е. их можно отнести к смешанному о-а-вокализму. Приведем образцы речи одного из информантов: *н'в^озмОжн^ь, ваз'м'Ут, хот'Эл, хад'Ил'и, табОј, бол'Из'н', канцЭрт; б^ьг^ьроцкОвь, г^ьвор'Ит, пашОл, н'ьс^омогУ, уфатОгр^ьф^ь, з^ьдаскОј, роднОвь, ган'Ал'и кот'О л, нос'Ил', стаИт, гос'т'Инцы, пакОјн'ик, снапАм'и.

В целом в данной выборке средняя частота [a]-признака – 0,63 балла, средняя частота [o]-признака 0,37 балла.

Следует отметить, что смешанный о-а-вокализм диалектный и аналогичная модель вокализма в ГП-50 – это качественно различные структурные типы. В говоре появление [a]-варианта позиционно обусловлено: он может выступать вариантом [o]-ударного только перед последующими ударными [a], [э], [и]: п^ас'т'Ил'ут, л^апАт^ьј, ст^агА, к^ан'Эшн^ь (хотя одновременно в этой же позиции может быть и [o]-вариант, причем в речи одного и того же носителя: полАдили НО: в^адА), а перед последующими ударными [o], [у] выступает в основном (кроме двух примеров: м^ьлакО, п^атОм) традиционный [o]-вариант:

кол'Учки, бол'шОј, кос'јО, уџкосЫ. Такой тип позиционной обусловленности между предударным и ударным слогом проф. Кириллова Т.В. называет «ассимилятивным оканьем».

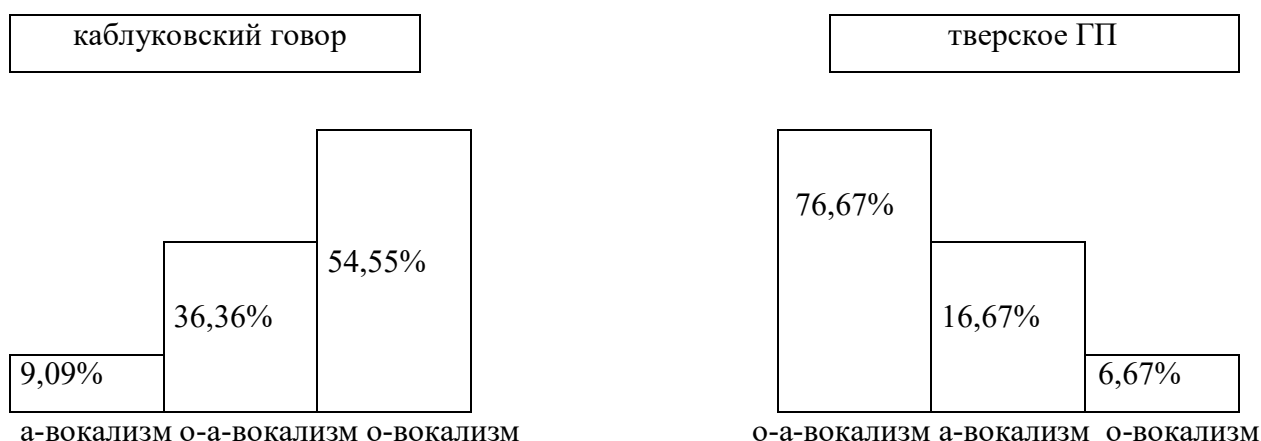
В городской речи уже в 50-е годы прошлого века эта закономерность была нарушена. Процесс нейтрализации <a> и <o> в едином варианте [a] стал постепенно охватывать слоги, стоящие перед последующими [o], [y] ударными, т.е. произношение [a] перестало быть позиционно обусловленным: *насОр'ил'ис'*, *зџдаскОј, дамУшник, нашОл, стабОј, нь_б'ьспакОјт'ьс'*.

Кроме того стал активно развиваться произносительный вариант по типу современного а-вокализма: **гатОвл'у, сталОм, приход'Ить, хажУ, ньџсабрАн'иш, капАл'и, падјОмк'и, хърашО, дажд'Иј, угарОды, зџмасквОј.* Частотность [a] в данной выборке равна 1 баллу, а [o] - 0 баллов.

Средняя частота признака [o] в тверском ГП того периода оказалась ниже, чем в условиях говора – 0,43 балла, т.е. почти в два раза меньший показатель, чем в говоре (0,88 балла). Распределение носителей разных типов вокализма тоже выглядит иначе. Представим это в виде диаграммы:

Диаграмма 1

Состав носителей разных типов безударного вокализма в ситеме говора и ГП в 50-е годы 20-го века

Понимая всю условность вывода относительно распространенности того или иного типа вокализма (количество выборок не дает основания для обобщения), мы все же гипотетически смеем предположить, что в 50-е годы

ведущим типом произношения в диалектной среде являлся о-вокализм, а в городской среде – смешанный о-а-вокализм.

Итак, в 50-е годы XX века в тверском ГП ведущим типом предударного вокализма после твердых согласных являлся смешанный окающе-акающий вокализм. А-вокализм по распространенности занимал промежуточную позицию между количеством носителей о-вокализма и смешанного.

В настоящий период времени система тверского ГП претерпела значительные изменения. Покажем это на следующей диаграмме.

Диаграмма 2

Частотность признака «о» в зависимости от типа предударного вокализма в современном тверском городском просторечии.

ось ОУ - средняя выборочная частота признака «о»
 ось ОХ - тип предударного вокализма

I – О-вокализм	II – О с единичным [а]-вкраплениями
III – смешанный 0 – А	IV – А с единичным [о]-вкраплениями
V – А-вокализм	

Кривая на этой диаграмме показывает, что процесс утраты оканья – это процесс непрерывный: между выделенными моделями типов вокализма существует многообразие других вариантов сочетания [о] и [а]-признаков. Все они одновременно и независимо друг от друга сосуществуют в современном

тверском городском просторечии в границах того или иного языкового состояния. Частота появления признака [o] колеблется в пределах от 0 до 1 балла, ближе всего к средней межгрупповой частоте находится группа центральная, третья, а именно, модель смешанного окаююще-акающего вокализма, т.е. группа с наибольшей степенью устойчивости признака [o].

В то же время в условиях самого диалекта таких значительных колебаний в перераспределении произносительных вариантов не произошло. Степень вариативности системы предударного вокализма после твердых согласных в говорах рамешковско-кимирских (традиционный слой) в 90-е годы XX века представлена следующим образом:

Таблица 2

Реализация фонем <o>, <a> в 1-м предударном слоге после твердых согласных в системе говора в конце 20-го века

Фонема	Реализация в 1-м предударном слоге после t, перед				
	[O]	[Y]	[A]	[Э]	[Ы] [И]
<o>	[o] [a]	[o]	[o]	[o] [a]	[o]
<a>	[a]	[a]	[a] [o]	[a]	[a]

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в настоящий период в традиционном слое говора наиболее регулярной моделью предударного вокализма после твердых согласных является различение [o] и [a] в этом типе слога. Случаи употребления [a] перед последующим ударным [э], а тем более [o] единичны, и не выдерживаются в последовательности даже на уровне идиолекта.

[O]-вариант является основным в этом типе слога: перед [o]: *бол'шОj, госпОдн'ь, рукотвОрныj, потОм, ушковО, бэзоцОвиц'инь, солОмьj, сорОк'и*; перед [y]: *гьвор'У, покУшьj, полУчь, комУ, ухожУ*; перед [a]: *соваць, мьлодаjь, собачкь, молчат, рон'Аjь*; перед [э]: *сов'Эцкь, кон'Эинь, софс'Эм, пор'Эзьл, кол'Энь*; перед [и] [ы]: *ход'Или, обьlчьj, гос'т'Иль, пошл'И, выхоньlх*.

[А] -вариант представлен в наших текстах всего 10 примерами: *м'ьсајЭт, сѡаб'Эдъ, кан'Эшъ, н'икаво, хат'Эльс', гьласА, харОшыј, сас'Эткъ, вас'мАјъ, дварА.*

Вместе с тем нами отмечено, что [о] – вариант в речи отдельных информантов может выступать и как заместитель орфографических а, е: *тор'Элкъ, розр'Ад'ит, жонА, выросАл'и, робОтъл'и.*

Причины подобного [о] – употребления могут быть следующими. Что касается наличия [о] в безударных слогах после отвердевших шипящих согласных, то эта черта исторически была присуща Владимиро-Поволжским говорам, но в современной системе диалекта эти факты распространены не повсеместно. Так, например, в говорах, находящихся на периферии Владимиро-Поволжского ареала (Саратовская, Ульяновская область) [о] после шипящих перед последующим твердым согласным – черта достаточно устойчивая. [2, с.12-13]. Наличие [о] в соответствии с фонемой <а> мы склонны объяснить процессами так называемого ложного «оканья», когда происходит неверное соотношение безударного звука с его ударным вариантом.

Итак, мы доказали, что в тверском городском просторечии неразличение гласных <о> и <а> развивается медленно, поэтапно, но иначе, чем в условиях естественных, т.е. в условиях самого диалекта. Если в говоре сосуществование различных фонетических вариантов связано, прежде всего, с социальным фактором (варианты выделяются, в основном, в зависимости от возрастных характеристик, уровня образования, рода занятий, половой принадлежности), то в условиях города внутри однородной по социальным параметрам группы могут выявляться подгруппы, речевые навыки которых находятся на различных этапах по пути перехода от системы диалекта к системе литературной разговорной речи.

Б. Предударный вокализм после мягких согласных

Анализ предударного вокализма после мягких согласных в каблуковском говоре -50 выявил следующие особенности.

В соответствии с фонемой <о> в первом безударном слоге после мягких согласных зафиксированы варианты: [о] перед твердым согласным: *шьф'ора*, *зьц'олО*, *пъм'орла*, *в'оснОј*, *ст'оклО*, *з'орнО*, *л'ожАл*; [э] – *вым'эрзАјѣт*, *м'этс'эстрОј*, *гр'эбУ*, *пъм'эрла*; [и] перед мягким согласным – *м'идв'Ит'*, *зъв'ид'Ин'јь*, *м'ит'Ил'и*, *ум'ир'иИт'*, *пр'ив'из'л'И*.

Орфографическому е соответствует 3 варианта: [о] – *в_н'овО*, *в'орнУлс'ь*, *јовО*, *зьцн'овО*, *зъв'орнУ*; [э] – *ал'экс'Эј*, *с'эдОј*, *б'ьр'эгАм*, *п'ир'в'Ос*, *в'эз'эмл'Анкь*, *нап'эАтьль*, *л'экарствь*; [и] – *уцм'ин'А*, *читвОртыј*, *д'ив'Ишн'ик*, *сп'ир'вА*.

Фонема <а> реализуется только в варианте [а]: *јаичкьф*, *р'иб'атн'А*, *л'асАь*, *к'ип'аткОм*, *п'јан'Ијь*, *гл'ад'Ат* – это все отмеченные примеры, их всего 6.

Обращает на себя внимание, прежде всего, наличие трех вариантов произношения <о>, <э> в этой позиции. Архаический [о]-вариант после мягких согласных в этом типе слога – это распространенная черта в речи диалектоносителей, она отмечена более чем у половины информантов. Следовательно, ёканье как черта, восходящая к исконной севернорусской основе Владимиро-Поволжских говоров, на тот период времени оставалась достаточно устойчивой чертой.

Наличие вариантов [э] и [и] – это отражение этапов отхода диалектной системы в сторону сближения с литературной нормой. Мы уже говорили о сложности распределения этих двух вариантов в говорах Калининской подгруппы. Данные тверских диалектологов доказывают, что в говорах изучаемого нами рамешковско-кимрского ареала «возникает внутренняя предпосылка для перехода к еканью» [3, с.45], т.е. процесс делабиализации [о] приводит к неразличению гласных [о] и [э] как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Имеется ссылка и на то, что и в говорах каблуковского типа «тенденция к обобщению варианта [э] отчетливо проявляется» [3, с.45]. Однако записи текстов, полученные от жителей с.Каблуково, на первый взгляд, противоречат наблюдениям тверских ученых. Примеры свидетельствуют о том,

что уже в 50-е годы эта тенденция нарушается, и в позиции между двумя мягкими наиболее частотным становится вариант [и]: *м'идв'Ит, с'ирг'Иј, л'ил'и, зав'ид'Ин'ь, застр'ил'Ил'и, н'и б'Эсныј, пръв'ир'Ал*. Нами отмечено, что особенно активно вариант [и] проявляется перед последующим ударным [и], и эти случаи можно было бы считать отражением процесса параллелизма в реализации ударного и предударного слогов, если бы этот же вариант [и] не встречался перед другими ударными гласными, и даже перед твердым согласным (*читвОртыј* – единичный пример). Наличие варианта [и] в позиции *t' a t A (t' a t' a)* сближает каблуковские говоры скорее с Кушалинско-Конаковской группой, где этот признак является ведущим в данном типе слога. Более того, в текстах записей речи практически нет примеров, где бы вариант [э] выступал в позиции между двумя мягкими. Следовательно, на тот период времени, вариант [и] мог быть следствием того, что [и]-ударный между двумя мягкими был одним из самых устойчивых фонетических признаков системы и осваивался носителями говора в безударной позиции быстрее, чем [э]. А в 80-е годы, когда авторы «Активных процессов в фонетике современных народных говоров» Т.В.Кириллова и Л.Н.Новикова сделали основные заключения по всем типам локальных диалектных признаков калининских говоров, вариант [и]-ударный уже не был единичным, активно в передовом слое говора стал развиваться [э]-ударный между двумя *t'*. Видимо, произошла значительная перестройка предударного вокализма, и [э]-вариант в безударной позиции, действительно, стал отмечаться диалектологами как вариант ведущий, тем более что на территории других районов из группы Калининских говоров (Рамешковский, Кимрский, Конаковский) тип вокализма после мягких **Е-Е-А** в обеих позициях стал характеризовать речь носителей традиционного слоя говора. На момент же фиксации речи жителей с. Каблуково варианты [о] [э] [и] распределялись по частотности неравномерно: перед *t* – [о], [э], перед *t'* – только [и].

Анализ тверского ГП 50-х годов по данному признаку показал, что в речи городских жителей произошли значительные изменения в этом типе слога. Во-

первых, утрачено «Ёканье», но его следы сохраняются в виде остаточных явлений: *ничовО, jовО, jомУ** – эти слова отмечены в речи только двух информантов. А варианты [э] и [и] одновременно сосуществуют и как в позиции перед последующим мягким: *ньдьм'эчАжу, ус'иб'А, в'ил'Ат, б'ис'Эдь, в'ид'И, т'эИр', н'э л'з'А, вод'эр'Эвн'у; так и перед последующим твердым: *н'эбУд'ьт, н'ьчэвО, ньчивАль, фот'иатр'ь. И все же в позиции перед t' более частотным является вариант [и]. Из всех отмеченных слов в позиции t' а t' А слова с [и]-вариантом составляют 68%. В позиции перед твердыми согласными ведущим вариантом остается [э], он встречается в два раза частотнее варианта [и]. Следует отметить, что все информанты используют [и] и [э]-варианты смешанно.**

Вывод второй. В 50-е годы в тверском ГП предударный вокализм после мягких согласных был представлен смешанным использованием [и] и [э]-вариантов в соответствии с фонемами <о> и <э>, с преобладанием варианта [э] перед твердыми согласными и [и] перед мягкими согласными. Фонема <а> представлена была только вариантом [а].

Изучение процессов перестройки предударного вокализма (по пути перехода от диалектного еканья к литературному варианту [Иэ] и утраты открытого произношения [а] в соответствии с <а>) в настоящее время показывает, что в этом типе слога в системе исконного говора наблюдается многообразие произносительных вариантов. Представим эту информацию в таблице:

Таблица 3

Реализация фонем <о>, <а>, <э> в 1-м предударном после мягких согласных в системе говора в конце 20-го века

Фонема	Реализация в 1-м предударном после мягких согласных	
	Перед t	перед t'
<о>	[o], [э], [а]	[э]
<а>	[а]	[а], [э]
<э>	[э], [а]	[э], [и]

* Характерно, что в 90-е годы в тверском ГП именно эти словоформы также представлены как остаточные явления.

Несмотря на то, что фонемы <о> и <э> реализуются в нескольких вариантах, ведущим во всех указанных позициях является [э]. Их 50 информантов 47 человек употребляют только [э]. Подтвердим примерами. <о> перед t: з'вАјш, л'этАл, л'этУчиј, нъм'эрлА, тр'энАш, с'эстА, н'эрОвыј, в'эснОју; <э> перед t: чэтЫр'ь, пр'ьтс'эдАт'ьл', фс'эгдА, зад'эвАјш, н'ичэв, съб'эрУць, јэмУ, вУл'эсУ; <о> перед t': т'эр'Ат, кр'эс'т'Ил'и, пл'эт'Оныј, кр'эш'Эн'ијь, бл'эс'т'Эль, вУс'эл'Э; <э> перед t': в'эш'Эј, т'эб'Э, вУд'эр'Эвн'ь, јэж'Ајт'ь, н'эчн'Ик, б'элАвь, утм'эчАлс'ь, инт'эр'Эснь.

Район Калининской подгруппы говоров в целом характеризуется преобладанием в этом типе слога гласного [э] с единичными [о]. В наших примерах отмечено всего 11 словоформ (в речи 13 информантов) с [о] – вариантом: м'Этр'ик'и л'ожАт; св'Окр соУсв'окрОв'ју; с'острА заУн'Ом замъжъм; бл'инОф нап'окла; сУцв'отАм'и вошла; в'УоснОј род'Илас' и т.п.

Нами отмечено, что ёканье представлено в виде остаточных явлений в речи отдельных информантов, причем в параллели с [э]-вариантом.

Вместе с тем обращает на себя внимание и факт существования в данном типе слога [а]-варианта, исторически не присущего окающим среднерусским говорам. Исследователи объясняют появление своеобразного «яканья» по-разному, в том числе ссылаются на влияние южновеликорусских говоров [3, с.48]. Это слова типа: цв'атЫ, чатвОртыј, утр'акл'Ис', пов'адУт, з'арнО, им'ан'Ины, им'ана, р'ака.

Мы же склонны объяснить данную (достаточно продуктивную в последние годы) особенность внутренними причинами, структурными особенностями самого диалекта.

Поясним. В системе безударного вокализма Калининской подгруппы говоров [а]-вариант выступает как основной в словах с предударным этимологическим [а], причем черта эта настолько устойчива в говоре, что она фиксируется во всех возрастных категориях носителей диалекта. Наши примеры тому подтверждение. 98% информантов используют в своей речи

только [а]-вариант, а 2% в сочетании с [э] перед последующим мягким согласным. Например: *п'атнАц'ьт', пр'ад'Ом, вз'ала, вм'Эс'тъ т'апкА, часОф, ср'ажАјс'ь, св'атОј, р'ьб'ат'Ишк'и, вз'алАс', гл'ад'И, в'азАл'и, св'аш'Эн'ик, пр'ич'аш'Ат'* и т.п. Примеры с [э]-использованием единичны: *св'эц'Эн'ик, др'эхл'Эјьт.*

Следовательно, наличие в говоре исконного варианта [а] могло вызвать появление [а] на месте [э] любого происхождения. Этот процесс мы называем внутренней реконструкцией модели предупредительного вокализма после мягких согласных. И процесс этот оказывает более сильное влияние на развитие диалектного вокализма, чем литературный язык, т.к. иканье (или и-вокализм в нашей терминологии), фонетически представленное в литературной транскрипции как [и], вообще не зафиксирован нами в речи ни одного из опрошенных информантов*.

Несомненно, литературный русский язык является для диалектных систем основным фактором, вызывающим изменения, расшатывающим структуру диалекта. Или, как пишет, например, исследователь В.И.Трубинский, народные говоры на настоящем этапе развития представляют собою уже не «собственно диалектные, а переходные от диалектов к литературному языку полудиалектно-просторечные языковые сферы». «Их переходная сущность, – замечает далее автор, – проявляется в большей неустойчивости их узуса (по сравнению с частными диалектными системами начала и середины XX столетия), в более или менее явственных признаках сосуществования в них диалектных явлений с их литературными эквивалентами». [4, с.157].

В. Реализация гласных в слогах второй позиции и ударный вокализм.

Наиболее устойчивой чертой Калининской подгруппы говоров является последовательный переход <э> в [и] в ударной позиции между двумя мягкими. Наблюдения за фрагментами речи жителей с.Каблуково доказывают, что [и] – это основной вариант сильной фонемы <э> в позиции т' а т'. Все информанты

* Исключением является произношение слова «сейчас». В речи двух информантов оно представлено как [сичАс], остальные произносят [щАс]

(кроме одной, которую мы отнесли к передовому слою говора) употребляют в своей речи только [и]-вариант: * *пъгор'Ил'и, кар'Ит'н'ик'и, јис'*; *јИз'д'ут, зъв'ид'Ин'јь, л'ит'Ил'и, чИр'ис'*; *воѿвр'Им'ь, розд'Ил'и, м'Ин'шъјь, мал'Ин'к;* *д'Ин'г'и, п'Ил'и (пели), м'Ис'ьц, д'Ин', ком'Ид'ијь (№ 54); в'Ијут, т'эн'ур', л'Из'в'ијо, п'Ис'н'ь; п'јан'Ијь, см'ирн'Ијь, чИл'ус, тр'Ит'иј* и т.д. – всего записано 52 примера. В речи одной информантки зафиксировано использование двух вариантов [и] и [э]: *јиздијут, умирИт*, НО: *д'Эн', зд'Эс', панид'Эл'ник, ал'экс'Эј, вл'Эст'ь*. Следовательно, в 50-х годах, в говоре (в его передовой части), действительно, начинает развиваться новый структурный тип ударного вокализма с максимальным различием ударных фонем, что приближает систему диалекта к литературному языку, но в традиционном слое говора системность исконного типа произношения еще не нарушена.

Системность употребления ударного варианта [и] в указанной позиции отчетливо проступает и в речи носителей тверского ГП того периода. В хрестоматии встречаются такие примеры: *т'эн'Ир', појИл'и (поели), јИз'д'ил'и, јэвр'Иј, мал'Инкь, пр'ијИд'ит, јИс'-л'и, красн'Ију (краснею), јИс', ров'Ис'н'ик'и, бол'Из'н', тр'Ит'иј, д'Ис'ьт, ст'ихътвор'Ин'јь, пом'Ин'шъ*. Эта особенность устойчиво сохраняется в речи всех информантов, и только в речи троих (причем все они относятся к акальщикам) встречается еще дополнительно вариант [э]: *вѿд'Эс'ит', пр'ијЭд'ьш, јЭл'и, јЭс', с'ид'Эт'*.

Таким образом, в 50-е годы в тверском ГП [и]-ударный, соответствующий <э> в позиции между двумя мягкими согласными, – черта очень распространенная и частотная, она представлена и в речи тех информантов, кто параллельно использует [э]-вариант в этой позиции.

Наконец, проанализируем, как представлены фонемы <о> и <у> в слогах второй позиции в системе говора и тверском ГП в 50-е годы.

Информацию представим в таблице:

Сравнительный анализ реализации фонем <о> и <у> в слогах второй позиции в
50-е годы 20-го века

Позиция	Говор	Тверское ГП
tatatA <у>	к ъ ра п Атк' и ф ъ п ъ сто ш А х м ъ жы к' И х ъ л' и г Ан' исты ј	д ъ ра к О ф
<о>	п ъ гор' Ил' и ст ъ ро н' Э. пр ъ в' ир' Ал г ъ во р' ат б ъ ха ч И	г ъ ро цк О в ъ ск ъ ра сп' Э лы ј г ъ во р' И т' пр ъ мо лч У д ъ св' ид Ан' и ј ъ ф ъ та гр А ф' и и
tAtat <у>	в ы п ъ ст И ш з А м ъ ш н Э к ъ д ъ (некуда) з А м ъ ж ъ м	--- (нет примеров в текстах)
atatA <о>	у б ал д' Э л ъ, у да л А у т ъ к ло п О ф, у з го р О ды у до х н У т', у прав д А ј ъ м у б' э ш' Ал	у б ра щ' А ј у т, у га р О ды у б' а з Ат' ъ л' н ъ, у д' э в А ц ъ у х' и н' Э л ъ, н и ъ у б' и ж А ј с' ъ, у г у р' Э ш н ы ј, у т о ј д' И

Как видно из таблицы, и в системе говора, и в ГП отступления от традиционной нормы во всех указанных позициях не наблюдаются. Частота появления этих признаков равна 1 баллу. Наблюдения Т.В.Кирилловой в тот период также свидетельствуют об устойчивости признаков: [у]-начальное в соответствии с литературным [о], качественная редукция [у] в слогах втором предударном прикрытом и заударном закрытом. [3, с.35-36]. Вариант [ъ] как

реализация фонемы <о> в слогах второй позиции в говоре не отличается от литературной нормы, а потому нового качества в условиях города приобрести, в принципе, не может.

Итак, наиболее устойчивыми локальными признаками в тверском ГП в 50-е годы являлись:

1) дополнительная лабиализация <о> в абсолютном начале слова второго предударного слога, представленная как звук [у];

2) качественная редукция [у] в слогах второй позиции, представленная как звук [ъ].

Обращение к речевому материалу, записанному в ином временном срезе, позволило нам увидеть принципиально иную картину представленности в городском тверском просторечии локальных фонетических элементов. В 50-е годы в условиях городской среды диалектные особенности сохранялись более устойчиво, процесс их утраты был менее динамичен, чем в современный период.

Сравним, как перераспределялись фонетические варианты в каждом из типов слогов на более ранних этапах формирования тверского ГП и в настоящий период (указывая в каждом из срезов ведущий вариант).

Таблица 5.

Вариативность локальных фонетических элементов в разные временные срезы

Фонетическая Позиция	Фонема	ГП - 50	ГП - 90
Ударный слог (между двумя мягкими)	<э>	* [и], [э]	* [э], [и]
Первый предударный слог а) после твердых	<о>	[о], [а], *[о-а]	[о], [а], [о-а]
б) после мягких перед твердыми	<о>, <э>	*[э], [и], [о]	*[э], *[и] единичные [о]
в) после мягких перед мягкими	<о>, <э>	*[и], [э], [и-э]	*[и-э], [э], [и]
2-ой предударный слог	<о>	*[у]	*[а], [о], [у]

а) абсолютное начало			
б) прикрытый после твердых	<о>	*[Ъ]	*[Ъ], [о], [а]
	<у>	*[Ъ]	*[у], [Ъ]
Заударный закрытый слог	<у>	*[Ъ]	*[у]

* — обозначение ведущего варианта

Информация, представленная в таблице, показывает, что вокалическая система тверского ГП в разные периоды качественно различна. В одних позициях (ударный слог и первый предударный) количество возможных вариантов совпадает, но происходит перераспределение силы влияния каждого из вариантов. Так в 50-е годы в ударном слоге между двумя t' в соответствии с фонемой <э> ведущим вариантом являлся [и], в 90-е годы [и] сохранился на уровне единичных вкраплений, а преобладающим стал [э]-вариант. В позиции tatA в 50-е годы ведущая модель предударного вокализма (реализация фонемы <о>) – это смешанный о-а-вокализм, а в 90-е годы - а-вокализм.

В позиции t'at'A (реализация фонем <о>, <э>) в 50-е годы основным вариантом был [и], а в конце двадцатого столетия наблюдается преобладание смешанного сочетания [и] и [э].

И только в позиции t'atA (фонемы <о>, <э>) в оба периода [э]-вариант преобладает. Это наблюдение в очередной раз доказывает вывод о том, что позиция перед последующим твердым согласным – это сильная позиция как в системе говора, так и в системе ГП.

В слогах второй позиции наблюдаются еще более заметные качественные преобразования: во-первых, во 2-ом предударном слоге возрастает в последние годы количество вариантов, тогда как в 50-е годы наличествует только исконный вариант (хотя гипотетически мы можем предположить, что могли быть и другие варианты). Но эти изменения не только количественные. Важным является то, что именно в этих позициях наиболее стремительно происходит утрата локальных элементов. Так в абсолютном начале слова для фонемы <о> ведущим вариантом был [у], а в настоящее время – [а]-вариант.

Для фонемы <у> в слогах втором прикрытом предударном и закрытом заударном в 50-е годы единственной реализацией являлся звук [ъ], а в текущий период – [у]-вариант. Интересный факт: на современной территории исследуемого говора специфически закрепились произношение гласного [у] в соответствии с литературным [а] (О-орфографическое) в позиции абсолютного начала слова во втором предударном слоге. Эта особенность произношения устойчива в речи всех информантов, участвующих в нашем исследовании. Она наблюдается последовательно во всех частях речи: существительные: *угурцЫI, угорОт, уд'эjАль, убручА, укун'Ок, уд'инОчкь, угроф'Энь*; прилагательные: *угн'эвОj, удновО, угорОднъjь, утставнОj, убвал'Ифшыj, утодв'Инутыj, уборвАныj, утмол'Оныj*; глаголы: *упстоИт, убрат'Ильс', убругАль, утпускАл'и, удыхАт, утм'эчАл'и, укр'эс'т'Ил'и, утгадАjьт, ужыв'Иль, другие части речи: уб'азАтьл'но, уткров'Энь, утЦв'этОф.*

Билабиализованный характер [о]-начального – настолько распространенная черта в традиционном слое говора, что проявляется эта особенность в речи отдельных информантов даже в 1-м предударном слоге: *у д'Ожъ, укОт, удд'Эл'ьныj, угрОмныj, убjОмныj, уктАбр'с'к'иj*. Вероятно, это явление можно объяснить аналогическим переносом варианта [у] в словах с подвижным ударением в словоформах. Сравним: *у д'Ожъ – уд'эвАцъ, удд'Эл'ьныj – удд'эл'Ацъ, угрОмныj – угромАдныj, убjОмныj – убн'имАт', укт'Абр'с'к'иj – вЦукт'абр'Э* и т.п.*

В позиции второго предударного слога (в прикрытом слоге) после твердых согласных, а также в заударном закрытом слоге проявляется еще одна специфическая особенность говора: гласные <а>, <о>, <у>, <ы> совпадают в одном варианте [ъ]. Качественная редукция гласных <у> и <ы> – это черта, которая не встречается больше ни в одних говорах на территории Тверской области, кроме как в Калининской подгруппе.

Что касается реализации фонемы <о>, то представлена она в этом типе слога (во втором предупредном) двумя вариантами – [ъ] и [о], причем на уровне идиолекта они сосуществуют одновременно. Приведем примеры. [ъ]-вариант: *ръд'ил'Ис, пѣт'их'Он'ку, пѣ_дорОг'ь, прѣход'Ил; въскр'ис'Ин'яь, кълдовАль, пѣдб'ирАл'и, върот'Ильс, пѣсов'Этъј*; [о]-вариант: *говор'У, пом'эрлА, гсударствъ, молока, колдовАл'и, полот'Энць*.

Вариант [о] в этом типе слога (в соответствии с фонемой <о>) менее распространен и встречается в речи лишь 7 информантов. Его наличие можно объяснить северно-русской основой говоров Калининской подгруппы, где [о] в данной позиции – черта исконная.

Итак, перечисленные фонетические особенности являются самыми характерными для описываемого диалекта, они были положены в основу выделения Калининской подгруппы еще в период работы по составлению ДАРЯ, но и в настоящий период устойчиво сохраняются в речи лиц старшего поколения.

В целом наше исследование доказало, что в условиях города эволюция диалектной фонетической системы происходит поэтапно, разные локальные элементы имеют свои закономерности исчезновения, и динамика этих процессов в разные временные срезы различна.

С конца 90-х годов 20-го века и по настоящий момент мы наблюдаем более динамичный процесс утраты региональных диалектных признаков из речи носителей ГП. Это связано, несомненно, с изменившейся социальной, культурной, образовательной, экономической, политической инфраструктурой общества, с еще более возросшей ролью литературного языка. Но мы также разделяем точку зрения тех ученых, которые связывают структурные преобразования в той или иной языковой модели не только с экстралингвистическими факторами, но прежде всего с закономерностями, скрытыми внутри самой этой модели. Как пишет, например,

* Следует отметить, что ранее диалектологи не фиксировали подобного произношения. Возможно, это одна из новых тенденций в системе говора. Но подобное произношение может быть результатом и индивидуальных речевых проявлений.

Л.И.Баранникова [5, с.179]: «Влияние литературного языка часто лишь усиливает, ускоряет ход изменений, уже имевших место в развитии той или иной диалектной системы. Происходит это потому, что подчиненный характер диалектной системы определяет наличие в ней общих тенденций с тенденциями развития литературного языка, в котором находит наиболее полное выявление общее направление развития языковой системы в целом».

Анализ некоторых фонетических процессов в тверском городском просторечии, представленный в данной статье, позволил нам в какой-то степени приблизиться к пониманию специфики контактирования литературного языка и диалекта в условиях городской речевой среды, выявить определенные закономерности процесса трансформации системы говора под воздействием изменившейся языковой ситуации. Процесс этот оказался достаточно динамичным, т.к. по всем изученным признакам выявилась совершенно четкая тенденция к утрате региональных фонетических особенностей в речи носителей ГП. Более того, нами был сделан вывод о том, что эти изменения произошли на протяжении жизни одного поколения, тогда как в условиях диалектных за этот же промежуток времени в речи лиц, чьи социальные характеристики аналогичны характеристикам городских информантов, практически не произошло никаких изменений, что дало нам основание отнести их к традиционному слою говора, где устойчиво сохраняются все основные фонетические черты исконной системы говора.

Следует указать, что и в настоящее время идет интенсивный процесс перемещения (миграции) сельского населения в областной центр, что, несомненно, оказывает влияние на речевую устную среду города. Носители диалекта, изменяя свой социальный статус, переходят из одной речевой группы (группы диалектоносителей) в другую (в группу носителей городского просторечия), сохраняя при этом некоторые устойчивые черты материнского говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народные говоры Калининской области. Хрестоматия / Сост.: Т.В.Кириллова и А.А.Белова. Калинин, 1971.

2. Современные русские говоры / Под ред. Ю.С.Азарх. М.: Наука, 1991.
3. Кириллова Т.В., Новикова Л.Н. Активные процессы в фонетике современных народных говоров. Калинин, 1988.
4. Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. научн. трудов. Псков: ПГПИ им. С.М.Кирова, 1991.
5. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967.

В.В.Пирко

*Благовещенский государственный педагогический университет
г.Благовещенск*

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ ПРОСТОРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСТОРЕЧИЯ ПРИАМУРЬЯ)

Системный подход к изучению действительности является одним из основополагающих методологических принципов современной науки. Под системой в науке понимают такую совокупность элементов, которая характеризуется закономерными отношениями между элементами, целостностью как результатом этого взаимодействия, автономностью поведения и несуммарностью свойств системы по отношению к свойствам составляющих ее элементов. Новые качества системы создаются взаимодействием элементов, а действительное положение элемента, его сущность можно понять, только рассматривая во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими элементами системы. Поэтому системный подход способствует объективному отражению и познанию явлений действительности.

Длительный путь развития лингвистической науки в постижении системного характера языка и его подсистем шел через рождение истины в дискуссиях. Споры античных грамматистов о соотношении аналогии и аномалии, вскрытие диалектической природы языка Г.Гегелем и В. фон Гумбольдтом, классификация языка как организма А.Шлейхером и др. – все это предвосхитило системное понимание языка лингвистами XX века. Системность как существенную сторону языка отмечали основоположники отечественного и

зарубежного языкознания – Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Л.В.Щерба, Ф. де Соссюр, Л.Ельмслев, В.Брэндалль и др. В разработке учения о системе языка большое значение принадлежит отечественному языкознанию, опирающемуся на традиции великих лингвистов прошлого и разделяющему взгляды на язык как на знаковую систему, признающему правомерность разграничения синхронного и диахронного аспектов исследования системы языка, ее внутренних и внешних связей, языка и речи. Учеными подчеркивается нежесткость, асимметрия системы языка, неодинаковая степень системности ее участков (В.В.Виноградов, В.Н.Ярцева, В.Г.Гак, М.М.Маковский и др.), исследуются «антиномии развития» языка (М.В.Панов) и взаимодействие внутренних и внешних факторов ее развития (Н.С.Поливанов, В.М.Жирмунский), закономерности функционирования системы языка в обществе (Г.В.Степанов, А.Д.Швейцер, Л.П.Крысин, Э.Г.Туманян). Большое значение для понимания системности различных языковых сфер сыграли перенесение метода компонентного анализа (т.е. выделение дифференциальных признаков) из фонологии в семантику (как лексическую, так и грамматическую) и разработка теории семантических полей.

В лингвистической науке термин «система» представлен в трех значениях. Первое значение – совокупность тех или иных средств языка, изучаемая без анализа внутренних связей единиц, ее составляющих. Второе понимание дано в направлениях современного структурализма: система – это отношения и связи, анализ которых не предполагает исследования материальной и смысловой стороны конкретных единиц языка, находящихся в этих отношениях. Третье понятие системы языка основано на диалектическом единстве двух сторон одного и того же явления: «множество языковых элементов любого естественного языка в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» [1, с.452]. Термин «система» употребляется либо в обобщающем смысле – как закономерно организованная совокупность локальных систем (подсистем), либо в частном (локальном)

смысле – как закономерно организованная совокупность однородных языковых элементов одного уровня (система падежей, фонологическая система).*

Каждый элемент системы существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим элементам системы. Понятие системности градуально, т.е. допускает различные степени ее проявления. В хорошо организованных (жестко структурированных) системах (например, фонологической в отличие от лексики) существенное изменение одного элемента влечет за собой изменения в других точках системы. Язык обычно определяют как систему систем, а неодинаковая степень системности различных ее участков, многочисленные случаи асимметрии, борьба консервативной тенденции с факторами языковой эволюции приводит к тому, что различные подсистемы развиваются с неодинаковой скоростью в центре и периферии. Изучение системы языка в целом или отдельной его сферы предполагает не только анализ самих материальных единиц языка, их отношений и связей, но и их синтез, позволяющий с большей полнотой и точностью приблизиться к сущности языковой системы, вскрыть внутренние и внешние причины и закономерности ее развития. Именно такое диалектическое понимание в том числе и лексической системы позволяет приблизиться к выявлению сложных и многообразных связей и отношений, в которых находятся слова любого языка, составляя целостную, одному ему присущую лексико-семантическую систему.

Системный характер лексики раньше всех осознал (задолго до немецких теоретиков семантического поля Г.Ипсена, Й.Трира, В.Порцига) русский филолог М.М.Покровский. В 1896 г. в работе «Семасиологические исследования в области древних языков» он заявляет: «... история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное,

* Современное представление в системе языка включает ряд взаимосвязанных понятий: уровни языка, единицы языка, парадигматические и синтагматические отношения, знаковость языка, форма и функция, структура и субстанция, внешние и внутренние связи в языке, синхрония и диахрония, анализ и синтез, регулярность и нерегулярность и т.д.

принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [2, с.75], продолжая мысль следующим тезисом: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое...» [2, с.82].

Мысли о существовании в языках разных типов отношений высказывались уже в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ и Н.В.Крушевского, а по определению Ф. де Соссюра, в каждом данном состоянии языка все «покоится» на отношениях, а отношения сводятся либо к синтагматическим, либо к ассоциативным (по терминологии Ельмслева, парадигматическим), и описать механизм языка можно, только установив указанные отношения.

Парадигматика – 1) один из двух аспектов системного изучения языка, определяемый выделением и противопоставлением двух типов отношений между элементами и/или единицами языка...; 2) в более широком смысле – то же, что система языка, понимаемая как совокупность лингвистических классов – парадигм [1, с.366]. Парадигматические отношения не линейны и не одновременны в потоке речи; они представляют собой соотношения между элементами языка, объединяемыми в сознании или памяти говорящего некими ассоциациями; они связывают эти элементы в силу общности либо их формы, либо содержания, либо на основе сходства того и другого одновременно. Парадигматические отношения характеризуют строение любых группировок или классов, выделенных в языке по принципу формальной или семантической общности их членов и в то же время противопоставленных друг другу по одному из этих оснований. Парадигматические отношения представляют собой отношения, проявляющиеся во взаимоисключении и взаимозамене единиц. В области лексической парадигматики первично понимание членов таких отношений как могущих занять место друг друга в одной и той же позиции (ср.:

морфологическая парадигма). Таким образом, лексическая парадигматика выделяется как такая область лексикологии, в которой учитываются парадигматические отношения лексем к другим лексемам языка и рассматриваются свойства их противопоставленности друг другу (антонимия) или, напротив, их взаимосвязанности (гипо-гиперонимия, синонимия и т.п.). Поскольку лексическая парадигматика дана в тексте в скрытом виде, для ее выявления и описания необходимо создание специальных процедур лингвистического анализа, направленного на установление значимости лексических единиц и особенностей их существования как членов определенных лексико-семантических парадигм.

Признание всего словарного состава высокоразвитого литературного языка наших дней в большей мере системой связанных систем, чем единой системой, согласуется с постулатами общей теории систем. Лингвистической реальности соответствует и свернутый характер существования лексики как системы [3, с.52].

Лексико-семантический уровень аккумулирует и закрепляет итоги познавательной деятельности говорящего коллектива, выработанные в практике общения, в силу чего ярус существенно отличается от всех других уровней подвижностью, проницаемостью, открытостью организации. В соответствии с разными условиями и целями общения, в результате изменения самого языка и исторической смены коммуникативных систем, под воздействием других языков в лексической системе языка формируются разные слои лексики: диалектная, профессиональная, просторечная, терминологическая, старославянская (в русском языке) и др. Разнообразны тематические и семантические группировки слов, отражающие различные связанные между собой явления действительности и понятия. На лексико-семантическом уровне смыкается и перекрещивается внутренняя и внешняя структура языка. В результате происходит стилистическая дифференциация лексики языка. Основанием такой дифференциации выступает межстилевая, нейтральная лексика, служащая словарным ядром в любом стиле и сфере

общения; эта лексика представляет собой стилистический фон, на котором выделяются другие стилистически маркированные и ненормированные слои лексики.

Лексика языка внутренне системно организована на разных семантических основаниях. Рассматриваемые нами парадигматические отношения существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления значений слов и/или лексико-семантических вариантов на основе интеграции и дифференциации в их значениях. Начиная с того, как слово может быть представлено в парадигме, необходимо различать внутрисловные и межсловные парадигмы [1, с.6]. Из многообразия словесных парадигм остановимся на тех, которые проявляют системную организацию лексико-семантического уровня языка.

1. Смысловые парадигмы с отношениями тождества. Внутрисловные парадигмы этого типа составляют варианты слова. Считать набор вариантов слова особым видом парадигмы – вполне согласуется с пониманием парадигмы как набора слов, а варианта как лексической формы слова. Межсловная парадигма этого типа – синонимический ряд (пара, пучок) – один из самых традиционных объектов лексикологии.

2. Смысловые парадигмы с отношениями сходства между их элементами содержат интегрирующие и дифференцирующие части. Этот тип парадигмы именуют семантическим классом – объединения лексем, различных по объему компонента значения. В лексикологии – это лексико-семантические группы, каждая из которых представляет собой парадигму парадигм со сложной внутренней структурой, образуемой пересечением парадигматических линий со смысловыми отношениями синонимии, антонимии, гипонимии, тематической общности и под.

3. Формальные парадигмы с отношениями тождества. Внутрисловная парадигма такого типа, названная Виноградовым В.В. «смысловой структурой слова» (в лексикологии – лексико-семантическая, семантическая парадигма), представляет собой набор его семантических вариантов, или «пучок значений».

Межсловные парадигмы с формальным тождеством членов называют омонимическими, в которые объединяются слова, совпадающие формально безотносительно к их морфемной структуре.

Системность лексики литературного языка и диалектов национального языка доказана многочисленными исследованиями, хотя есть и единичные мнения о том, что в лексике как таковой нет системности, кроме той, которая обусловлена отношениями между явлениями самой действительности (В.М.Жирмунский). При исследовании других разновидностей общенародного языка вопрос о системе решается неоднозначно.

Проблема городского просторечия до сего времени остается малоисследованной. Термином «просторечие» в монографии «Городское просторечие: Проблемы изучения» называют (1) совокупность стилистических средств сниженной экспрессии и (2) нейтральные с точки зрения стилистики и не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере нормами литературного языка [5, с.5]. Помимо нормативного аспекта в отношении просторечия, необходимо тщательное исследование просторечной языковой стихии, наиболее полно представленной на лексическом уровне, со следующими целями: «обнаружить те или иные тенденции, действующие в современной русской речи в целом, выяснить природу и истоки многих явлений, считающихся характерными для литературной разговорной речи и других устных форм реализации языка, выявить слабые и неустойчивые звенья в структуре общенационального русского языка, что позволит с большей определенностью ставить прогнозы его развития и с большим основанием предлагать те или иные рекомендации нормативного характера» [6, с.6], исследовать статусный и системный характер городского просторечия, распространенного на удаленной от центра России территории. При этом нельзя не учитывать, что современное городское просторечие – явление неоднородное, с изменяющимся социальным составом его носителей, и лингвистической «материей», и набором языковых единиц,

который создает просторечный слой современного городского разговорно-бытового языка.

В работах Земской Е.А., Капанадзе Л.А. и др. [6, 7], Ерофеевой Е.В. [8, с.53] городское (внелитературное) просторечие понимается как не имеющая системного характера (выделено нами) совокупность особенностей речи городских жителей. Л.А.Капанадзе на основе приведенных характеристик просторечия делает вывод: «современное просторечие не представляет собой единой системы. Это речь, противопоставленная как говорам, так и литературной разговорной речи, но противопоставленная им не как система единиц, а как некий общественно-исторический феномен с весьма невысокой степенью структурной организованности... Элементы языка, маркированные как просторечные, не составляют полных парадигм ни на одном из уровней языка» [6, с.11]. И продолжает далее: «При анализе просторечного словаря, по крайней мере в большей, чем в разговорной речи, степени, исследователь сталкивается с такими свойствами просторечной лексики, как пестрота словарного состава, сопротивление включению в упорядоченные отношения, противоречивость... Разнородность словарного состава современного русского просторечия не дает возможности (по крайней мере, на данном этапе изучения (выделено нами) выявить какие-то характерные тематические серии или же дать единые параметры для тех или иных предметных объединений [7, с.129].

Несколько иная точка зрения у Э.Г.Туманян, которая считает просторечие образованием, имеющим системную организацию и, следовательно, представляющим собой одну из форм существования языка [9, с.161]. Исследователи просторечия городов Сибири Т.В.Банкова [10] и А.А.Юнаковская [11] в диссертационных исследованиях обоснованно доказывают системный характер лексики просторечия с помощью одного из результативных способов выявления внутрисистемных связей – исследование лексики по лексико-семантическим группам. Авторы независимо друг от друга пришли к выводу о системной организации словарного состава просторечия, функционирующего в Томске и Омске.

Описание признаков, истории формирования, системных связей просторечия центральной части России и Сибири – большой вклад в лингвистическую науку, но «без представления о городском просторечии окраин России сложно судить о современном состоянии разговорно-просторечной разновидности русской речи в стране, о влиянии территориального фактора на её функционирование» [12, с.115]. «Изучение просторечия в Приамурье – на границах распространения русского национального языка – необходимо для объективной оценки единиц, уже получивших лексикографический паспорт «прост.» в толковых словарях русского литературного языка, которые учитывали языковые вкусы жителей европейской части России» [13, с.125]. Одним из направлений исследования городского просторечия Амурской области (гг.Благовещенск, Белогорск, Райчихинск, Свободный, Тында) является детальное изучение просторечной лексики и ее описание с учетом системных связей.

По нашему мнению, словарный состав просторечия городов Амурской области имеет признаки системной организации (внутрисистемные связи других уровневых единиц просторечия требуют дальнейшего наблюдения). Методологической основой нашей работы явились идеи и принципы лексикологических исследований, системный подход к рассматриваемым лексическим единицам просторечия. Возможность исследования парадигматических связей, обусловленная признанием реального существования системы языка, предполагает построение лексических парадигм, в которых слова противопоставлены друг другу по каким-либо определенным семантическим признакам. Объектом первоначального наблюдения явились материалы картотеки просторечных слов городов Амурской области, хранящейся на кафедре русского языка БГПУ (более 800 единиц). Лексический материал, проверенный на принадлежность к просторечию по словарям русского языка*, предварительно анализировался и

* Словарь русского языка: В 4-х т. /Под ред. А.П.Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981; Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. -17-е изд. - М.: Русский язык, 1985; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. - М., 1935-1940.

представлен (в данной работе – выборочно) по тематическим, синонимическим, антонимическим и омонимическим основаниям с учетом зафиксированных контекстов употребления слов, принадлежности к какому-либо семантическому классу, конкретных лексических связей с другими словами, семантических отношений слова в рядах, принадлежности слова к определенной части речи. Кроме этого, учитывались и социальные признаки носителей просторечия (положение Л.П.Крысина о просторечии-1 и просторечии-2)*, и социальный контекст протекающих языковых процессов (качественное преобразование состава носителей просторечия), и взаимовлияние всех подсистем общенационального языка.

Межсловные смысловые парадигмы с отношениями тождества и сходства представлены тематическими группами и синонимическими рядами.

Несмотря на большое количество научных работ, единства в подходах к определению синонимии нет, что связано с пониманием постулата о близости или тождестве значений слов. Традиционный подход (В.В.Виноградов, Д.Н.Шмелев, А.П.Евгеньева, Е.И.Диброва) определяет синонимы как слова тождественные или близкие по значению и классифицирует их на понятийные и стилистические (стилистические при описании просторечия требуют специального обоснования). Синонимические связи слов являются ответвлением связей тематических, пределом тематического членения словарного состава. Тематическая парадигма (ряд, группа) объединяет слова, имеющие в своем значении интегральную сему, которая называет понятия одного уровня обобщения. В языке существует большое количество тематических рядов, поскольку в тематические парадигмы на основе внелингвистического критерия организуются названия реальных предметов, а понятийные сферы весьма многочисленны в действительности и связаны с объективной реальностью, миром человека и предметно-вещным миром в том

* Выделяются два круга носителей просторечия: горожане старшего возраста, чаще не имеющие образования, речь которых обнаруживает связи с диалектом (просторечие-1), и горожане среднего и молодого возраста, речь которых в значительной степени жаргонизирована (просторечие-2; «молодое») [15, с.56]

числе просторечно говорящего носителя языка. Общие тематические связи объединяют в просторечии большое количество слов, образуя более или менее обширные темы. Темы дробятся на микротемы, подгруппы, в которых слова обладают различной степенью близости значения. Примеры и анализ собранного материала позволяют судить об антропоцентрическом устройстве лексического фонда городского просторечия как его характерной черте [11, с.11]

Тематическая парадигма «Человек»

1. Тематическая группа «Части тела человека»

Данная тематическая группа является одним из самых обширных лексических объединений в просторечной лексике. Здесь представлены почти все названия частей тела человека, составляющие обширные синонимические ряды (кроме перечисленных ниже, выделены группы с общим значение «нос», «голова», «лицо», «живот», «рот» и т.д. с разной наполняемостью составов):

А) *зенки (зеньки), зыркалки, шары, моргалы, лупатки (лупалки)* – сема «глаза»

«Чего вытаращил свои лупатки?» – *«У него шары, как у светофора, красные, не спал, наверно, долго»* – *«Убери свои моргали»* – *«Чё он зеньки на меня пялит?»*

Лексемы *зыркалки, лупатки и моргала* явно глагольного происхождения (ср. *зыркать, моргать, лупать*), хотя не исключено, что слово *лупатки* мотивационно связано со словом *лупоглазый* – «с выпуклыми глазами, пучеглазый». Семантика слово *шары*, вероятно, мотивирована словом *шар* (сходство по форме глаз). Слово *зенки*, в котором значение является наиболее общим для группы и не мотивированным другими синхронными лексическими единицами, образовано и семантически связано с устаревшим словом *зеница* – «глаз, зрачок».

Б) *голяши, копыта, ходули, масалыги, костыли, лапы, дрыгалки* – «ноги»

«Убери свои копыта!» – *«А эта ходит, голяшами сверкает»* – *«Чё ты лапы выставил?»* – *«Я на своих масалыгах за твоими ходулями не успеваю»*

Все лексемы имеют грубую, сниженную окраску; у некоторых есть дополнительный оттенок значения: *голяши* – «голые ноги», *лапы* – «несуразно большие или толстые ноги», *дрыгалки* – «ноги подвижного человека», *ходули* – «длинные ноги», *масалыги* – «крепкие мускулистые ноги».

В) *грабли, лапы* – «руки»

«Сколько можно, убери свои противные грабли от меня!» – *«Лапы у него дай бог: как сожмёт – так и охнешь»*.

Сниженная окраска лексемы *грабли* проявляется в сочетаемости этого слова с определениями, отрицательными по семантике. Слово *лапы* в значении «большие грубые руки» употребляется обычно как шутивное, возможно, пренебрежительное.

Г) *кучеряшки, космы, лохмы* – «волосы».

«Ты когда свои лохмы сострижёшь?» – *«Помой да причеши лохмы свои, лица не видно»* – *«У нее такие кучеряшки, да и вообще она симпатюлька»*

Значение слов этой группы раскрывается деривационными связями: *кучеряшки* – кучерявый, *космы* – косматый, *лохмы* – лохматый. По сравнению с остальными синонимами лексема *кучеряшки* выражает некоторое одобрение при описании ребенка или любимого человека.

2. Тематическая группа «Речь человека».

Глаголы, обозначающие речь, говорение, высоко употребительны в просторечии, и это связано с одной из отличительных особенностей просторечия – коммуникативной значимостью всех просторечных элементов. На первоначальном этапе наблюдения нами выделено два ряда:

А) *базарить, балаболить, балясничать, буркатъ, вякать, гундосить, городить, долдонить, лязгать, лялякать, калякать, набрехаться, разбудыривать, перетереть, талдычить, трындычать* – «разговаривать, говорить»

«Да они на лекциях только и базарят, что за студенты!» – *«О чём говорили? – Да так, калякали о том о сём»* – *«Костя чего-то нудно балаболит, балаболит, а я, если честно, ничего не поняла»* – *«Сколько можно балясничать,*

надоели уже» – «Всё, кончай разбудыривать, как сказал, так и сделаю» – «Я уже устал им талдычить одно и то же, ничего не понимают» – «Хватить трындычать, уши вянут» и т.д.

Лексема *базарить* выражает самое общее значение группы. Глаголы *разбудыривать, балаболить, балясничать, калякать* объединены общими семами, выраженными в значении «разговаривать о несерьезных вещах, заниматься болтовнёй» и употребительны в контекстах иронического характера.

Семы «без умолку», «повторять», «одно и то же» экспрессивно проявляются в просторечных лексемах *долдонить, талдычить, трындычать*. Последний глагол противопоставлен двум другим, у которых основное значение уточняется семами «упрямо повторять одно и то же».

Глаголы *гундосить* и *буркать* объединяются значением «говорить невнятно, несвязно» и различаются в значении по способу производства и восприятия звука во время разговора. *Гундосить* – «говорить с неприятным носовым призвуком» – «Фу, он такой страшный, ещё и гундосит, капец!» – «У меня друг заболел – гундосит и гундосит». У глагола *буркать* – «бормотать, бурчать, говорить ворчливо и невнятно» – сема «ворчливо» усиливает негативную коннотацию в контексте «Чё-то он как-то странно буркает, как будто мы враги народа». Со значением «производство звука» выделим глагол *лязгать* – «говорить шумно, громко» – «Она как начнёт лязгать, так звон в ушах стоит».

В этом синонимическом ряду с общим значением «разговаривать» выделяются единичные глаголы, отличающиеся оттенками значения: *вякать* – «неуверенно что-то говорить, говорить не к месту» – «Чё ты всё время вякаешь, замолкни быстро!»; *городить* – «говорить чушь, ерунду» – «Городит не понять что, у него с котелком всё в порядке?»; *набрехаться* – «поболтать, наговориться» – «Ой, набрехались вчера, нахохотались»; *перетереть* – «обсудить какой-либо вопрос» – «Хватит тебе об одном и том же: перетёрли уже и забыли. Остынь»

Б) *сказануть, ляпнуть, брякнуть, сморозить* – «неожиданно, необдуманно, не к месту выразить вслух какие-либо мысли». В 3-х первых глаголах сема выражается суффиксом -ну- с просторечным значением «неожиданно» и проявляется при сопоставлении просторечных слов с литературными *сказать, произнести* – «выразить мысли вслух».

«Такое сказанул, что повторить невозможно» – «Чего она там опять брякнула?» – «Ляпнула не подумавши, теперь он точно не придёт» – «Ты вчера такое сморозил, что вспоминать не хочется – стыдно».

Тематическая парадигма «Предметно-вещный мир человека»

1. Тематическая группа «одежда, личные вещи человека».

Интегральный семантический признак тематической группы – «совокупность предметов, которыми покрывают тело человека». В просторечии есть полный синоним названия этого тематического объединения – *шмотки* (вариант – *шмутки*) – «одежда, личные вещи» – «*У девицы одни шмотки на уме*». К этому значению близко слово *манатки*, чаще пренебрежительно называющее домашние вещи, в том числе и одежду – «*Я наберу на Западе манаток, и мне на пять лет хватает*». В группе можно выделить несколько основных синонимических рядов:

1) *беретка, кепсон* – сема «головной убор»;

2) *разлетайка, кацавейка, лапсердак* – сема «верхняя одежда, пальто».

Лексемы первого и второго ряда не частотны по своему употреблению и встречаются скорее при иронической или шутливой характеристике головного убора и пальто. Слово *кепсон* – «*Ты чего кепсон надел, холодно что ли?*» – производно от литературного *кепка* и употребляется в речи молодых носителей просторечия, остальные в речи молодежи не встречаются.

3) *баретки, гады, копыта, обувька, чёботы, шанхайки, шкряпанцы, шлёпки, кирзачи*.

Слова последнего ряда представляют собой микрогруппу «обувь» в тематическом объединении «одежда, личные вещи». Доминантой можно считать слово *обувка* – «то же, что и обувь». Единица *чёботы* с таким же

значением употребляется в речи пожилых носителей просторечия – «*Вчера своему деду чёботы новые купила*».

Выделим следующие синонимические ряды:

А) *копыта, гады* с семантическими признаками «грубая тяжелая обувь» и яркой экспрессией принадлежат просторечию-2.

«*Ну у тебя и копыта!*» – «*Где ты такие гады купил?*»

Б) *шкряпанцы, шлёпки*. Кроме основной семы «тапочки», обладают дополнительной семантикой – «сопутствующее действие, названное глаголами *шлёпать, шкряпать*». Лексема *шанхайки* – «легкие летние тапочки китайского производства» появилась в просторечии Приамурья в связи с развитием торговых отношений с соседним Китаем и производна от названия города Шанхай. Другие слова в этой микрогруппе не составляют синонимических рядов в просторечной лексике: синонимические отношения возможны при сравнении со словами литературного языка: *кирзачи* – сапоги; *баретки* – туфли.

2. Тематическая группа «транспорт»

В этом объединении слов наблюдаются сложные отношения нового и старого просторечия в синонимических рядах:

А) *тарантас, драндулет, легковушка, мотор, тачка, развалюха, корыто*.

На фоне синонимов *легковушка, тачка, мотор* со значением «легковая машина» выделяются остальные, в которых эта сема дополнена указанием на «возраст» машины, ее техническое состояние и внешний вид. Из этих синонимов выделяется слово *тарантас* своим происхождением (*тарантас* – «дорожная крытая повозка»), которое изменило свою семантику, перейдя в разряд просторечных слов (*тарантас* – «старая, несовременная, плохо работающая машина») – «*Садись в свой тарантас и дуй отседа!*»

Слова *драндулет* и *развалюха* представлены как синонимы в границах этого ряда, но слово *драндулет* может быть использовано для обозначения любого вида транспорта: «*Купил драндулет какой-то, не мог получше найти*», «*Сел на свой драндулет и укатил*» (о мотоцикле).

Слово *развалюха* при определенных контекстных условиях может выходить за границы синонимического ряда и даже тематической группы. Ср.:

«Не машина, а развалюха»; *«Живет в какой-то развалюхе»*; *«Он уже не человек – развалюха»*.

Редко в переносном смысле по отношению к средству передвижения употребляется слово *корыто* – *«Ну и корыто у тебя, она хоть ездит?»*

Лексемы *тачка* и *мотор*, кроме указанного значения, в просторечии номинируют такси.

Б) *москвидон* («Москвич»), *запор – запор* («Запорожец»), *жига*, *жигуль*, *жигулёнок*, *жучка* («Жигули») *козёл* (УАЗ) – «марки (названия) отечественных машин». Выделяя данную микротему, оговоримся: приведенные ниже слова не будут являться синонимами в языковом смысле, а лишь будут указывать на то, что под любой конкретной маркой машины подразумевается и само транспортное средство со своими характеристиками. Все просторечные названия, кроме *козёл* и, возможно, *жучка*, сохраняют деривационную связь с литературными номинациями, проявляя разную степень оценки: *жигуль* (пренебр.) и *жигулёнок* (ласк.) Переносное наименование *козёл*, видимо, связано с большой проходимостью по бездорожью этой марки машины и ассоциацией с названием животного, а *жучка* – со скоростью, маневренностью автомобиля (по кличке собаки).

В) в один ряд со словами *жига*, *жигуль*, *жигулёнок*, *жучка* можно поставить следующие: *копейка*, *четвёрка* (*четвёрка*), *пятёрка* (*пятеро*), *шестёрка* (*шестеро*), *девятка* и т.д. Все эти слова обозначают марку «Жигули» с указанием номера модели, но воспринимаются в любом случае как название одной марки. Ни одно из этих наименований не выражает отрицательной коннотации, но наиболее «душевна» номинация *копейка*, так понятная простому человеку, как и монета достоинством «одна копейка».

В) *марковник*, *марчело* («Тойота-Марк II»), *чайник* (Тойота-Чайзер»), *крауняга* («Тойота-Краун»), *спринтёр* («Тойота-Спринтер»), *креста* («Тойота-Креста») – «марки (названия) зарубежных автомобилей». Стремительное заполнение дорог Дальнего Востока иностранными автомобилями способствует «просторечиванию» их названий. Данные номинации, почти не задерживаясь в

литературном языке и испытывая влияние жаргона, непосредственно и быстро попадают в просторечный слой лексики, а просторечная система, пополняя свой состав, из-за своей ненормативности свободно моделирует различные словообразовательные производные с экспрессивными аффиксами, знакомыми носителю просторечия.

Появление новых марок современных машин и их разительное отличие по характеристикам от уже существующих проявляется и в лексиконе носителей языка, отражая просторечие-1 и просторечие-2: названия *драндулет*, *тарантас* с семей «несовременная машина» противопоставляется номинациям *спринтер*, *креста* и под. – «новая, современная машина».

Выборочно представленный материал, отражающий тематические и синонимические объединения слов, может свидетельствовать о признаках системной организации лексико-семантического уровня просторечия городов Амурской области. Сравнительно небогато в просторечии (что отражает общую закономерность) представлены антонимические и омонимические парадигмы.

«Антонимическая парадигма – это соединение слов с противоположными значениями. В основе их семантического соотношения находится общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противоположность значений» [14, с.93]. Данное определение и исследования по антонимии позволяют выделить четыре основных признака антонимов: наличие противоположной семантики; принадлежность к одной части речи; одинаковая стилистическая окраска; регулярная совместная воспроизводимость в речи.

В просторечии можно говорить лишь о создании антонимических пар с помощью негативных префиксов: *путёвый* – *непутёвый*, *вдосталь* – *невдосталь*. Ср.:

Путёвый «хороший, порядочный» – «Люди *путёвые* что-то читают, трудятся, но этот же *алкоголик пьёт*»

Непутёвый – «плохой; недобросовестный» – «За что мне такое наказание, *дети*» как *дети у всех*, мой же *непутёвый*. В школу чаще хожу, чем домой».

Причина незначительного употребления антонимов в речи просторечно говорящих не совсем ясна, дальнейший сбор и анализ материала позволит сделать необходимые выводы о данном виде парадигматических отношений в устной речи горожан.

Вопрос отнесения омонимических связей лексем к парадигматике, предполагающей семантические корреляции слов, не всегда решается единообразно. Поскольку системность омонимического ряда проявляется в наличии интегральных и дифференциальных признаков, понятие парадигматических отношений может быть применено и к явлению омонимии. Омонимическая парадигма – явление формально-семантического порядка [14, с.95], или межсловная парадигма с формальным тождеством членов [4, с.17], под которой «понимается системная группировка одинаковых по графической форме слов, семантически противопоставленных» [14, с.97].

В просторечной лексике Приамурья на данном этапе нами выделены группы слов-омонимов, из которых ниже представлены следующие:

1 *Завал* – «плохо, трудно» – *«Если этого не сделать, тогда будет завал. Завал во всем»*

2 *Завал* – «много» – *«У меня дел просто завал»*

1 *Залипуха* – «непогода, осадки» – *«Идёт какая-то залипуха с неба, ох и погодка»*

2 *Залипуха* – «обман» – *«Залипуха какая-то: билет дивчина позывает, а фотография без печати».*

1 *Здорово* – «1.большое количество чего-либо» – *«Тогда на охоте я здорово уток настрелял, в рюкзак еле влезли»* «2. Хорошо» – *«Ну, я так здорово ответил, а чего четыре – не знаю»*

2 *Здорово* – «приветствие при встрече» – *«Здорово, здорово, что скажешь? Принёс?»*

1 *Паровоз* – «поезд» – *«Ты домой на паровозе поедешь?»*

2 *Паровоз* – «человек, который много курит» – «*Ну ты и паровоз, третью подряд куришь*»

1 *Басик* – «бассейн» – «*Пойдём в басик, там уже открыли*»

2 *Басик* – «микроавтобус» – «*Да на басике доедем, чего ждать автобус*» и др.

Данные омонимы можно классифицировать как лексические полные (например, 1 *Залипуха* и 2 *Залипуха*; 1 *Паровоз* и 2 *Паровоз*) и как неполные омографы (1 *Здорово* и 2 *Здорово*)

Омонимы 1 *Басик* и 2 *Басик* представляют пласт нового просторечия (просторечие-2) и употребляются в речи молодых носителей просторечной лексики. Первый омоним образован суффиксальным способом от усеченной основы слова *бассейн*. Мотивация второго слова, возможно, объясняется англ. *Bus* («автобус») с присоединением эмоционально – экспрессивного суффикса русского языка

Таким образом, тематические и синонимические парадигмы на фоне слабо выраженных антонимических и омонимических отношений являются главным элементом лексико-семантического уровня просторечия как подсистемы национального языка и служат доказательством существования признаков системной организации словарного состава городского просторечия Амурской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В.Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980.
4. Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск: Изд-во Красн, ун-та, 1987.
5. Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.
6. Капаназе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С.5 - 12.
7. Капаназе Л.А. Современная просторечная лексика (московское просторечие) // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 125-129.

8. Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке // Активные языковые процессы конца XX века: Тезисы докладов международной конференции: Шмелевские чтения. М.: Азбуковник, 2000. С.53-55.
9. Туманян Э.Г. Язык как система социолингвистических систем: Синхронно-диахроническое исследование / Отв. ред Ю.Д.Дешириев. М.: Наука, 1985.
10. Банкова Т.В. Лексика томского городского просторечия. Автореф. канд. наук. Томск, 1987.
11. Юнаковская А.А. Омское городское просторечие. Лексико-фразеологический состав. Функционирование: Автореф....канд. наук. Барнаул, 1994.
12. Кирпикова Л.В. Кафедральная картотека как база для изучения словарных богатств Приамурья // Тезисы докладов научно-практической конференции «Проблемы изучения и сохранения культурно-исторического и природного наследия Дальнего Востока». Благовещенск, 1996. С. 112-118.
13. Кирпикова Л.В. Диалектно-просторечная лексика в Приамурье // Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Благовещенск, 1997. С. 125-130.
14. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ.: В 2 ч. Ч.1. / Е.И.Диброва, Л.Л.Касаткин, Н.А.Николина, И.И.Щеболева; Под ред. Е.И.Дибровой. М.: Академия, 2001.
15. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М: Наука, 1989.

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЭМИГРАНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ В ХАРБИНЕ В.П.ХАН)**

Возникший в последние десятилетия интерес к языку русского зарубежья открыл для исследователей как одну из особых форм существования русского языка – русский язык зарубежья, так и множество интересных языковых личностей, в чьей речи реализуется названная форма существования языка [См.1-6].

Впервые русский язык зарубежья как «самостоятельный способ бытования русского языка, как отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мёртвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь – в СНГ» определил Ю.Н.Караулов [1, с.5]. В своей статье «О русском языке зарубежья»(1992) он рассматривает особенности «личностного аспекта» русского языка зарубежья, ставя задачу охарактеризовать типизированную, усредненную языковую личность – «русскую языковую личность» [Там же, с.5] на материале письменных источников русской эмиграции XX в. – художественной прозы и книжной публицистики.

Устные источники, представляющие собой записи устной речи говорящих по-русски представителей многочисленных разбросанных по миру русских диаспор, также, на наш взгляд, позволяют описать и охарактеризовать инвариантную языковую личность русского эмигранта. Хотя, полагаем,

адекватное описание возможно лишь с учётом дополнительных факторов социолингвистического характера: причин и волн эмиграции, страны проживания, установки на сознательное сохранение языка или её отсутствие и др.

Описание языковой личности, как типизированной, так и индивидуальной, требует по возможности исчерпывающего знания языковой способности говорящего, реализующейся в порождаемых им текстах, письменных и/или устных. Необходимым этапом при описании языковой личности является речевое портретирование, подразумевающее выявление специфичных черт говорящего на фоне социолингвистических переменных.

Традиция речевого портрета сложилась в Московской социолингвистической школе. У её истоков находился М.В.Панов, который в своей монографии «История русского литературного произношения XVIII-XX вв.» (1970, опублик. в 1990г.) представил эволюцию русской орфоэпической нормы не только в историческом, но и в персонологическом аспекте, создав серию фонетических портретов, иллюстрирующих тот или иной период в истории произносительной системы русского языка. Одной из задач книги было определить, «в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой – внутренними законами языка» [7, с. 5], поэтому фонетические портреты М.В.Панова сопровождаются биографическими сведениями и сведениями историко-культурного характера, помогающими объяснить тот или иной тип произношения. Языковые факты в личностном преломлении обретают зримость и убедительность.

Стратегия речевого портретирования обоснована в работе М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой «Русский речевой портрет» (1995). Она заключается в описании характерных черт языковой личности и отражении неповторимой речевой индивидуальности [8, с.3-4]. М.В.Китайгородская и Н.Н.Розанова указывают на то, что «обычно в распоряжении исследователей имеется ограниченный объём записей и наблюдений над речевой

деятельностью говорящего в разных коммуникативных сферах, что не даёт возможности представить его как языковую личность во всём многообразии». Однако имеющиеся в распоряжении тексты устной речи обладают, по мнению авторов, «диагностирующей информацией, достаточной для создания речевых портретов. О том, что важно при речевом, или социолингвистическом, портретировании «фиксировать яркие диагностирующие речевые пятна», писала Т.М.Николаева [9, с.71]. «Многие языковые парадигмы, начиная от фонетических, кончая словообразовательными, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и потому интереса не представляют» [Там же, с.71].

Несмотря на то, что речевой портрет отражает индивидуальные черты речи конкретного говорящего, он представляет языковое бытие социальной группы, к которой относится говорящий, и в этом смысле любой речевой портрет – явление типическое. В последнее время появилось немало исследований, в которых предприняты попытки «нарисовать» речевые портреты представителей различных социальных групп: представителя интеллигенции (Л.П.Крысин), носителя просторечия (В.Д.Черняк), бизнесмена (Т.А.Милёхина), «нового русского» (Е.Я.Шмелёва) [10, с.479-534]*.

Создание речевых портретов с учетом особенностей на всех языковых уровнях, особенностей речевого поведения, личных, профессиональных, биографических сведений, по мнению Е.А.Земской, является одним из возможных направлений исследования русского языка зарубежья. «В результате такого изучения мы получаем речевой портрет определённого человека, отражающий как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств эмигрантов, распределённых по тем или иным признакам, так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [5, с.28]. В монографии «Язык русского зарубежья» (2001) Е.А.Земской представлены речевые портреты 25 представителей русской эмиграции на

* Существует также и опыт создания речевого портрета собаки [11, с.94-103], что само по себе показательно и свидетельствует об уже сложившейся методике речевого портретирования.

запад, значительной частью это эмигранты разных поколений первой волны эмиграции. При речевом портретировании русских, эмигрировавших за рубеж, и их потомков обращается внимание на фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические особенности их речи в сравнении с нормами русского языка. В результате речевого портретирования оказалось возможным выявить типические черты речи эмигрантов первой волны и их потомков, показывающие, с одной стороны, тенденции развития русского языка, которые в языке эмиграции усиливаются, а с другой стороны, сделать выводы о значительной степени сохранности русского языка в эмиграции, что обусловлено факторами экстралингвистического характера.

Русский язык восточной ветви эмиграции из России практически не изучен, однако интерес к нему закономерно возник в последнее десятилетие. Восточное русское зарубежье имеет как сходные с эмиграцией на запад черты языкового плана, так и существенные отличия. Полагаем, что в качестве одного из способов выявления общего и специфичного в русском языке западной и восточной ветвей эмиграции может выступать речевое портретирование представителей русской эмиграции на восток.

Первые «портретные наброски» речи представителей русской восточной эмиграции имеются в работах Оглезневой Е.А. [12, 14], Старыгиной Г.М. [13], об особом русском языке старых харбинцев неоднократно упоминалось в газетно-журнальной публицистике. Однако полного системного описания речи отдельных представителей русской эмиграции на восток, которое можно назвать речевыми портретами, на сегодняшний день нет. Создание речевой «портретной галереи» лишь в перспективе. Цель настоящей работы – создание речевого портрета представительницы русской диаспоры в Харбине (Китай) кореянки Валентины Павловны Хан, 1923 г.р. Может показаться необычным выбор именно этой носительницы русского языка в качестве портретируемого представителя русской диаспоры в Харбине. Однако степень владения русским языком, сферы его использования, статус среди других известных Валенти не Павловне языков и история русского Харбина объясняет наш выбор.

Крупнейшими центрами восточной русской эмиграции были Харбин и Шанхай.

«Восточной Москвой» по праву называли Харбин. Русские здесь появились в конце XIX века. Первое массовое переселение русских в Китай началось в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), административным и экономическим центром которой стал Харбин. Начало строительства КВЖД датируют 1898г. Оказавшись в Харбине, русские создали уникальную культурную среду — по образу и подобию той, что была на родине, своеобразную «российскую цивилизацию» [15, с.38].

Известно, что Харбин был многонациональным городом, но общий тон здесь задавала русская культура: русская архитектура, русская микротопонимика (см.названия улиц Церковная, Гоголевская, Таможенная, Крестовоздвиженская, Пекарная, Аптекарская, Почтовая и др.), русское кино и театры, русские газеты и журналы, русские учебные заведения, русские магазины, крупнейшие из которых принадлежали известному русскому купцу и предпринимателю И.Я.Чурину. В Харбине образовался остров русской жизни, судьба которого оказалась отличной от судьбы родины в силу исторических обстоятельств.

Ко времени белой эмиграции в Китай Харбин был достаточно крупным городом. В 1920 г. его население составляло 200 тыс. человек, из них больше 50 тыс. русских, а в 1931 г. – 332 тыс., из них 64 тыс. европейцев, главным образом, русских [16, с.297], в 40-е гг. – около 800 тыс. человек [17, с.32]. «После поражения Колчака в Китай устремилась четверть миллиона сторонников белой идеи, 175 тыс. беженцев принял Харбин» [18, с.6].

По воспоминаниям очевидцев, до конца 40-х гг. Харбин производил впечатление патриархального русского города.

Таким образом, послереволюционные беженцы из России нашли на чужбине русский город, с привычным для них патриархальным укладом, и это обуславливало принципиально иное положение и мироощущение русской восточной эмиграции. «Странная эта эмиграция», по выражению бывшего

харбинца В.В.Левитского, была отличной от эмиграции на Запад. «Два центра было у русской эмиграции: в Европе – Париж, в Азии – Харбин. И если русское дворянство быстро ассимилировалось во французском обществе, то на другом конце света несколько десятилетий сохранялась дореволюционная Россия. На улицах Парижа русские говорили на чужом языке, на улицах Харбина – на своем», — писал О.Б.Бобин [18, с.7]. Все «волны» русских переселенцев в Китае неизбежно взаимодействовали, представляя собой этническую общность со всеми этнокультурными атрибутами. Символом этнокультурного объединения стал русский язык.

По замечанию Л.П.Крысина, «задача социолингвистического исследования состоит как раз в том, чтобы получить представление о реальной языковой жизни людей» [10, с. 81].

Уникальной языковой личностью является кореянка Валентина Павловна Хан, примкнувшая к русской диаспоре в Харбине. Родилась она в 1923 г., в 20-е гг. семья ее отца обосновалась в Маньчжурии. Родной язык Валентины Павловны корейский. Интерес к русскому языку и православию возник в детстве под влиянием семьи русских интеллигентов, живших по соседству. Затем – обучение в русской школе, русском университете, любовь к русскому парню. Личностные аспекты соприкосновения с другой культурой обернулись глубокой верой и любовью ко всему русскому. Русский язык выполнял функцию основного у Валентины Павловны до периода угасания харбинской русской диаспоры.

Валентина Павловна — верующий человек. Во время отсутствия священника в церкви она и М.М.Мятов заменяли его на богослужениях. Валентина Павловна уверена, что только вера помогла ей пережить тяжкие годы испытаний – двенадцать лет китайской тюрьмы и ссылки во время культурной революции: здесь она и начала изучать китайский язык. До этого времени языком страны проживания она не пользовалась. В настоящее время свободно говорит по-китайски, с уважением относясь к китайцам и их культуре. Кроме корейского, русского и китайского языков, в область языковой

компетенции Валентины Павловны входит английский, который она преподаёт до настоящего времени. Русский язык в иерархии известных ей языков занимает, по словам Валентины Павловны, особое место: она называет его тем языком, на котором думает. В душе она считает себя русской.

Материалом анализа русского языка Валентины Павловны (далее – В.П.) выступает аудиозапись её спонтанной устной речи продолжительностью 180 мин., сделанная в ситуации неофициального общения в дружеской обстановке дома у В.П. в Харбине.

Разговор шёл на разные темы: старый Харбин, общественная и культурная жизнь в русском Харбине, истории из жизни русских Харбина, юность, друзья юности, первая любовь, православная церковь в Харбине, последние русские харбинцы В.А.Зинченко и Н.А.Давиденко, судьба бывших русских харбинцев, современная Россия, Москва.

По основным характеристикам речь В.П. представляет собой разговорную разновидность русского литературного языка: в ней наблюдаются особенности разговорной фонетики и грамматики, использование лексики также не противоречит традиции разговорной речи.

Усвоенный в детстве в Харбине русский язык В.П. в целом соответствует русской литературной норме начала XX века. В качестве нормативного ориентира в области произношения, словоупотребления, использования грамматических форм нами избран «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д.Н.Ушакова (1935-1940)[19]. Кроме того, мы обращались к данным современных толковых и фразеологических словарей русского языка [20; 21; 22] и показаниям собственного языкового сознания при анализе и характеристике фактов речи В.П.Хан.

ФОНЕТИКА

Фонетические особенности речи В.П. в основном отражают русскую литературную произносительную норму начала XX в., усвоенную ей в русской школе и русском университете в Харбине от русских педагогов и поддерживавшуюся повседневным общением в русской интеллигентской среде.

1) В области вокализма это **аканье**, т.е. неразличение <а> <о> в первом предударном слоге после твёрдых согласных: *в мужской к[а]манде; в б[а]льнице, к[а]зённые деньги, к[а]рмила в рест[а]ране.*

2) После мягких согласных отмечаем **еканье** в первом предударном слоге: <е> и <а> реализуются звуком [е] в речи В.П.: *в пять [ч`е]сов, по[б`е]жали домой, [б`е]рите пирожные, на этом [д`е]ле, на[ч`е]лось, двадцать шестого сен[т`е]бря.* Еканье характеризует, как известно, петербургский вариант произносительной нормы*.

3) В области консонантизма отметим нормативное произношение г-**взрывного**, лишь в некоторых словах В.П. произносит г-**фрикативный** (*Бо[γ] с ними ; и слава бо[γ]у*), что допускается произносительной нормой начала XX века.

4) Отмечено ассимилятивное смягчение согласных: *ше[с`т`], на этих [д`н`]ях, двадцать шестого се[н`т`]ября* в соответствии с нормой начала XX века.

5) Слово **что** произносится как [што]: *Понимаете / Володе повезло/ што люди откликнулись на его... на его беду / вот эта болезнь-то //* (произношение [ч`о] встречается у В.П. при имитации чужой речи).

6) **Аффриката ц** произносится мягко: *китай[ц`]ы; шесть меся[ц`]ев; лежал в больни[ц`]е.*

7) **Аффриката ч** произносится как [т`ш`]: *Я Вам налью [т`ш`]аю?*

8) В целом артикуляцию согласных в речи В.П. можно охарактеризовать как недостаточно чёткую.

9) Широкое распространение фонетического эллипсиса в речи В.П. вполне соответствует традиции русской устной разговорной речи: *щас, скоко, в-и-и-те, кода, гыт, грю, всё-т(а)ки, на(вер)но, пожаласта. Он щас тоже болеет там / семесят / или семесят два года.*

* О распространённости в Харбине именно петербургского варианта нормы см. [23, с.101; 24, с.36].

10) В некоторых случаях постановка ударения в словах отступает от норм русского языка: *Потом мне иностранный отдел мне звонит по телефону* (Словарь Ушакова: звонишь – прот.); *Когда уже после похорон полукровка и все другие поехали / на квартире уже ниче не осталось // Вот такие люди //* (Словарь Ушакова: похоро́н)

11) Следует особо отметить хороший, довольно быстрый темп речи В.П., нормативное интонирование.

Кроме того, в произношении В.П. имеются особенности, обусловленные, как мы полагаем, влиянием других языков (корейского, китайского и английского).

Прежде всего отметим сохранение произносительных особенностей языка-источника в топонимических названиях и экзотизмах. См. иноязычное произношение слов и словоформ: *тридцать девять или сорок тысяч юаней, тофу* (Т - с придыханием), *Ченхэ* (топоним), *из Америки* (как из Эмерики) и некот.др.

Произношение согласных П, Т в речи В.П. сопровождается придыханием (известно, что придыхательные согласные имеются в корейском и китайском языках). Однако в цели данной работы не входило объяснение участков, подвергшихся интерференции со стороны названных языков.

МОРФОЛОГИЯ

В.П. хорошо владеет грамматической нормой русского языка, даже в тех случаях, когда необходимо знание распределения существующих грамматических вариантов. Так, форма Род.п. Ед.ч. слова **сахар** употребляется В.П. с флексией –У при указании на количество (чего требует строгая норма), а не с более прогрессивной, ненормативной в данном случае, флексией –А: *Берите / а тут сахару скоко угодно //*

В русской речи В.П. имеются грамматические особенности, отличающие её речь от современной. Например, в рассказе о современной Москве В.П. употребляет слово огонь в значении «Освещение, свет осветительных приборов» в Род.п. Ед.ч.): А в этот раз я когда поехала в Москву / я смотрю /

такие большие перемены / так чисто / культурно / везде много **огня** / и думаешь / слава богу // *В современном русском языке в подобном контексте предпочтение будет отдано форме Мн.ч.: **огней**. Словарь Ушакова отмечает, что форма Мн.ч. у данного лексико-семантического варианта слова **огонь** употребляется редко. Таким образом, В.П. наиболее распространенный для своего времени вариант.*

*Отступлением от грамматической нормы в речи В.П. является употребление слова **рвота** во Мн.ч.: А у нее **рвоты** / понос // И тут мне Люба звонит / «Надо ее в больницу» // Я говорю / «Что такое?» «**Рвоты** / понос и потеряла сознание». В Словаре Ушакова отмечено, что данное слово не имеет формы Мн.ч., в современном нормативном употреблении также слово **РВОТА** во Мн.ч. невозможно. Объяснить использование этой словоформы В.П. пока не представляется возможным.*

В речи В.П. отмечено образование притяжательного прилагательного с помощью суффикса –СК(ИЙ): *У нас правда вот сейчас молитвы этот Виктор Лукьяновский сын (нрзбр.) // Ну слава богу / что он читает //* В современном русском языке такие формы прилагательных вытеснены формой существительного в Род.п., выражающей значение принадлежности (ср.: сын Лукьяновой).

СИНТАКСИС

Синтаксическая организация устной речи В.П. в целом соответствует традиции русского разговорного дискурса, который является противопоставленным дискурсу книжному. «Разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. Однако в последние десятилетия она получает интерпретацию как самостоятельная и самодостаточная система – внутри общей системы литературного языка в условиях непосредственного, заранее не подготовленного общения при неофициальных отношениях между говорящими» [10, с.43]. В устной речи В.П. мы наблюдаем типичные для

разговорного синтаксиса средства: эллиптические конструкции, конструкции с именительным темы, конструкции добавления:

Потому што в-и-и-те / он уже целый год же болеет // Ему даже китайцы / которые очень скупы [пауза] на пожертвования [с убыстрением] / и то / ему пожертвовали три(д)цать девять или сорок тыщяч юаней // Это для них большие деньги / Они приносили в больницу / потому што / э-э-э Изабэлла ... она в газете написала большую статью / про Володю // Как он с детства здесь вырос / с хозяйством / с коровами и... кто у него были родители / знаете / он же в Ченхе там под мостом / торговал молоком / в три / в три с половиной часа утра / выезжал за... за город / там покупал молоко у китайцев / привозил туда под мост в Ченхе //

Активно используются релятивы [25]:

*И я...он grit / я грю «У вас виза до какого?» он как турист приехал / Он grit «До десятого мая» / **Вот хорошо** / сегодня трин(д)цатое / почти месяц / я грю «Я Вам дам пятьсот юаней / вы / грю / пожал(уй)ста / пойдите к Володе / А вы можете ухаживать за больным?»;*

***Вы шутите** / миллионы людей у нас в Харбине // А я вот нашла именно //*
указатели:

*Берите / а **тут** сахару скоко угодно;*

*Я Вам налью чаю? Возьмите **там** чашку / берите...*

паратаксическое объединение глаголов:

*Я его **ждала-ждала**;*

*Все **ходила назначала** ему свидания;*

конструкции с плеонастическим местоимением:

*Я всегда обращала внимание / что две сестры особенно почему-то обожали **этого** Сидорова // Оказывается потом старшая Кондратович **эта** вышла замуж за **этого** Сидорова //*

*А этот хозяин / **он** знает / што я в церковь хожу //*

Отметим те синтаксические явления, которые составляют специфику устной речи В.П.. Это, прежде всего, использование наряду с традиционно

разговорными конструкциями книжных оборотов. Довольно частотно в её речи составное именное сказуемое с кратким страдательным причастием в именной части:

Я была разочарована;

Она **была** страшно **оскорблена**.

С другой стороны, в высказываниях В.П. в функции сказуемого может выступать деепричастная форма, имеющая в современном русском языке диалектно-просторечный статус в подобном употреблении:

*А его жена **приехавши** из центра России //*

*Мы с Китая **приехавши** //.*

Укажем на особенности речевого поведения, определяющие синтаксическую организацию речи В.П.

В устных рассказах В.П. активно используется чужая речь, что делает её разговорный дискурс полифоничным:

Проходит неделя // Не выдержала я / пошла к его матери домой / до этого я с ней не встречалась / я прихожу / она говорит / «А / вы наверно Валя?» Я говорю / «Да» // Я говорю / «Что с Толей? Почему его нету?» Она говорит / «Он исчез / уже неделю»// Я говорю / «Я всю неделю так тревожилась / что пришла с вами поделиться / что с ним» //;

Она уже в сорок девятом уехала в этот / в Ухан / на Юг Китая преподавателем // И вдруг к ней на квартиру пришла его карточка / в розыске / что «где моя мама?»

«Ты / говорит / в моем представлении / говорит / утонченная пианистка».

В разговорном дискурсе В.П. могут одновременно выступать два плана речи: рассказ о каком-либо событии может ею же самой перебиваться ситуативными вставками бытового характера (например, приглашением к угощению), что не нарушает канвы основного повествования:

*Понимаете / Володе повезло / што люди откликнулись на его... на его беду / вот эта болезнь-то // И из Эмерики мне прислали деньги што скоко ему надо / давайте / и вот прямо у меня это...в книге все записаны его полочки // **Берите***

сахар! Поэтому он / ви-и-те / это... лежал в больнице пять- шесть месяцев / потом выписался / привезли его домой // Но всё-т(а)ки у него нога плохо заживала // Я Вам налью чаю? Возьмите там чашку / берите... А вот тут последнее время / он стал поправляться / нога у него уже почти зажила одна //

Указанная черта является типичной особенностью женского речевого поведения [26, с.113]. Другой яркой чертой речевого поведения В.П. как женщины является повышенная эмоциональность её дискурса [26, с.111]. Чувства и переживания, которыми сопровождаются рассказы В.П., оказываются отражены в её высказываниях с помощью различных языковых средств, в том числе и синтаксического характера. Весьма частотны в её дискурсе восклицательные и невосклицательные предложения, передающие эмоциональное состояние В.П.:

И так это было приятно;

Ну прям так было приятно!

Знаете / так было приятно!

Так мне было тревожно

Еще церковь открыта / и слава богу.

Ой / она такая скандалистка была / ой / ...Ужасно жалко / хороший человек //

Я была в восторге! Шелковые чулки «Ханэ»! Боже мой!

На основании всего вышеизложенного можно констатировать, что русская речь кореянки Валентина Павловна Хан, примкнувшей к русской диаспоре в Харбине, представляет собой уникальное явление.

Во-первых, хорошее знание В.П. русского языка является не только следствием неординарности её личности, но и подчёркивает высокий статус русского языка в Харбине как языка культуры и православия.

Во-вторых, русский язык в целом отражает литературную норму начала XX века и тем самым демонстрирует факт консервации языка в отрыве от метрополии.

В-третьих, не соответствующие норме русского языка (как современной, так и норме начала XX века) факты речи В.П. позволяют уловить историю развития ряда частных явлений русского языка, а также интерферирующие тенденции в условиях языкового контакта.

В перспективе исследования анализ лексического и жанрово-тематического своеобразия речи В.П., что позволит сделать её речевой портрет наиболее полным и выразительным и приблизит исследователя к описанию В.П.Хан как языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
2. Земская Е.А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т.57. №4.
3. Голубева-Монаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. №2.
4. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.,1995.
5. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв.ред.Е.А.Земская. М.; Вена,2001.
6. Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В.Красильниковой. М., 2001.
7. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 2002.
8. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.1995.
9. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20-23 мая 1991г. Доклады. Ч.2. М., 1991.
10. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Ермакова О.П. Речевой портрет собаки // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. М., 1998.
12. Оглезнева Е.А. Жанр воспоминания в речи представителей харбинской диаспоры: мотивы и настроения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.2. Благовещенск: АмГУ, 2001. С.196-201.
- 13.Старыгина Г.М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Этнические контакты. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 263-269.
- 14.Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Известия АН. Серия литературы и языка. Т.63. №2. 2004. С.42-52.
- 15.Кузнецов Н.С. Востребует ли опыт российской цивилизации в Маньчжурии? // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы конференции. Москва, 19-21 мая, 1998.
- 16.Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: ДВГУ, 2002.
17. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994.
18. Бобин О.Б. Прощание с русским Харбином. М.,1994.

19. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.
20. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995.
21. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Фёдоров. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995.
23. Дземешкевич Л. Харбинцы. Омск, 1998.
24. Таут М.П. Сбережённый русский язык //Русская Атлантида. №7. 2001.
25. Терминология О.А.Лаптевой. См. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
26. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.

А.Н.Анцыпова

Красноярский государственный университет

г.Красноярск

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ЭМИГРАНТОВ АВСТРАЛИИ

Проблемы функционирования языков в иноязычном окружении, а также вопросы взаимного влияния контактирующих языков на протяжении последнего столетия представляют неизменный интерес для лингвистов разных стран [см. 1-9]. Изучение языка русского зарубежья, несомненно, представляет интерес для исследователей, поскольку:

1) «история русского литературного языка XX века не может претендовать на полноту описания без включения этого материала» [10, с.3];

2) в необычной для себя обстановке (в иноязычном окружении) могут проявляться скрытые тенденции языка метрополии, что позволит выявить закономерности его развития.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования русского языка эмигрантов, проживающих в Австралии.

Материалом исследования послужили *периодические издания* (журналы: «Австралиада. Русская летопись» (Sydney, Australia). 1995 (№4–5), 1996 (№6–9),

1997 (№ 10–14), 1998 (№15–18), 1999 (№19–21), 2001 (№ 26–29), 2002 (№31), 2003 (№36–37), 1994 (№ 38–40) – далее А.; «Русские харбинцы в Австралии» (Sydney, Australia) 1999 (№1), 2000 (№2) – далее РХА; «Друзьям от друзей» (Sydney, Australia) 1994 (№ 41), 1995 (№42–43), 1996 (№44–45), 1997 (№46–47), 1998 (№48–49), 1999 (№51), 2000 (№52) – далее ДОД; «Жемчужина» (Brisbane, Australia) 2000 (№1–4), 2003 (№13–16) – далее Ж.; «Картины прошлого» (Sydney, Australia) 1969 (№5), 1972 (№10), 1974 (№13) – далее КП; газеты: «Вестник. Русское Этническое Представительство штата Н.Ю.У», Сидней, 2001 (№19), 2002 (№21–23), 2003 (№24–25), 2004 (№26) – далее ВНЮУ; «Вестник. Бюллетень Русского представительства штата Виктории», Брисбен, 2003 (май, авг., дек.), 2004 (январь) – далее В.В; «Единение» (Русская еженедельная газета) Сидней, 2003 (№ 27–52) – далее Е.; «Горизонт» (Еженедельная газета) Сидней, 2004 (№1–14) – далее Г.); *художественные произведения представителей русского зарубежья Австралии* (Свиридов М., Ангелуца П. «Австралийские ветры. Из Австралии с любовью». Брисбен, 2000; Якупова Е. «Вторая жена. Рассказы». Сидней, 2002; Золотарева Т. «Маньчжурские были». Сидней, 2000.), *материалы анкетирования и частной переписки*.

Изученный материал свидетельствует о том, что в настоящее время едва ли можно говорить однозначно об отношении этнических русских в Австралии к русскому языку. Каждый приехавший в Австралию эмигрант по-своему решает этот вопрос, причем решение зависит от внутренней установки: хочет ли он, живя в Австралии, остаться русским или как можно быстрее стать австралийцем. В связи с этим несомненный интерес представляют данные социологического опроса, проведенного Л.Кузьминой в 1988 году среди русских эмигрантов (98 респондентов) в Австралии. Согласно данным, более 90% эмигрантов второй и более 80% эмигрантов третьей волны выразили желание, чтобы их дети знали русский язык [11].

Между тем, в полилингвистическом обществе, с явной тенденцией к использованию английского языка в более социально значимых ситуациях (работа, учеба, бизнес, отношения с государственной властью и др.),

несомненно, идет процесс перераспределения функций языков, что в свою очередь ведет к ограничению сфер использования русского языка.

Сопоставив данные исследователей русского зарубежья разных стран с материалами настоящего исследования (периодическая печать, исследования русского языка Австралии), можно сделать вывод о том, что основные социальные функции русского языка в эмиграции (независимо от страны проживания) не меняются: *общение внутри этнической группы, домашнее общение, церковь, профессиональное использование* (учителя русского языка, журналисты, редакторы периодических изданий, переводчики) [12].

Проведенное в рамках данного исследования анкетирование, в котором приняло участие 52 эмигранта (1923 – 1961 гг. р.), местом рождения которых являются Австралия (12 человек), Китай (36 человек) и СССР (8 человек), позволило проследить, как распределяются данные функции в русском зарубежье Австралии. В результате, проведенного анализа полученных данных, удалось установить, что основной социальной функцией русского языка респонденты считают *функцию домашнего общения** (44 чел. – 84,6%); остальные (8 чел. – 15,4%) – *функцию внутриэтнического общения*, то есть досуга.

Второй по значимости социальной функцией русского языка респонденты считают *функцию внутриэтнического общения* (30 чел. – 58%), остальные (22 чел. – 42%) – *религиозную функцию*.

Следует, однако, учитывать, что, поскольку в проведенном анкетировании приняло участие недостаточное количество эмигрантов, сделать окончательные выводы не представляется возможным. Тем не менее, полученные данные, в основном, совпадают с результатами зарубежных исследователей русского зарубежья Австралии [13; 14] и подтверждают мнение отечественных лингвистов о распределении социальных функций русского языка в эмиграции [12].

* Согласно статистическим исследованиям в Австралии 2001 года, основным языком домашнего общения у 76 % эмигрантов из Российской Федерации является русский язык [41].

Итак, по нашим данным, 42% респондентов, ответивших на вопрос анкеты о сфере применения русского языка, на втором месте (после семьи) указали церковь. По официальным же данным, согласно результатам переписи населения 2001 года, православных русских в Австралии насчитывается 18 507 человек [ВНЮУ 2003 – 25], что составляет 53,2% всего русского населения. То есть эти показатели достаточно близки результатам проведенного анкетирования.

Значение православной церкви в сохранении «русскости» эмигрантов трудно переоценить. Православная религия для эмигрантов стала символом России, объединяющим фактором, «в их глазах церковь сделалась главным охранителем национального и культурно-языкового единства...» [15, с.18]. Важная роль религии в сохранении единства русского этнического сообщества неоднократно отмечалась исследователями русского рассеяния [7; 9; 10; 15-18; 20; 21].

Эмигранты Австралии, похоже, полностью разделяют это мнение. В частности отмечается, что, даже, несмотря на то, что службы в церкви проводятся на церковнославянском языке, они оказывают огромное значение на объединение русских и сохранение русского языка [14; 22]. Эмигранты уверены, что достаточно двух-трех поколений, чтобы молодежь полностью растворилась в иностранной среде, чтобы навсегда исчезли не только язык и вера, но и всякая память о России. Спасти положение, по их мнению, может «только православная церковь – оплот веры, нравственной культуры и русскости...» [23, с.17].

Православное христианство пришло в Австралию вместе с представителями первой волны эмиграции (1910–1911 гг.)^{*}, однако едва ли можно говорить о его распространении и значении среди эмигрантов в те годы, по сравнению с религиозной устремленностью эмигрантов первой волны в

^{*} Традиционно выделяются четыре волны русской эмиграции в XX веке (1 волна – после революции 1917 года, 2 волна – после второй мировой войны, 3 волна – эмиграция 70-х годов, известная как «брежневская», основанная на разрешении евреям и немцам вернуться на историческую родину, 4 волна – постперестроечная (после 1987 г.) или экономическая. [15, 18, 20, 42, 43]. Однако русская эмиграция в Австралию имеет свои отличия, как во временном, так и в качественном отношении.

Европе [24]. По данным дальневосточной прессы, а также научных исследований, проведенных представителями русской эмиграции в Австралии, основная часть переселенцев первой волны эмиграции занималась тяжелым физическим трудом на строительстве дорог, рубке леса, золотых приисках, фермах и плантациях. Социальный состав эмигрантов был представлен выходцами из рабочей и крестьянской среды, внутренней установкой большинства которых была скорейшая ассимиляция [25-28].

Тем не менее, русская колония формировалась, и центром ее жизни была православная церковь. По воспоминаниям Н.М.Кристесен (урожд. Максимова), основательницы первого отделения русского языка и литературы в Австралии, православные богослужения стали проводиться в Брисбене*, в здании англиканской церкви уже с 1925 года [А. 1997 – № 14]. А в 1926 году был освящен первый в Австралии Св. Николаевский православный храм.

Говорить же о распространении православия в Австралии можно лишь со времени второй волны эмиграции. Причем, не вызывает сомнения, что основную роль в его распространении сыграла «харбинская эмиграция»**, поскольку религия в СССР в то время преследовалась во всех ее проявлениях.

С приходом второй волны эмигрантов православные храмы появились во всех крупных городах Австралии. Если до 1937 г. в Сиднее был только Свято-Владимирский храм, то к 1981 году в штате НЮУ было уже десять православных церквей [29, с.36]. В 1952 году был основан православный приход в г.Джилонге, а в начале 80-х годов – Свято-Троицкий приход Русской Православной церкви Московского Патриарха в Мельбурне [30, с.41]. Более того, как свидетельствуют материалы периодической печати, там, где нет соборов и церквей, русские объединяются в православные общины и проводят богослужения в снимаемых помещениях [31, с.24].

Кроме того, начиная с 1965 года, в Австралии ежегодно проходит съезд Русской Православной Молодежи, что, по мнению эмигрантов, несомненно,

* Брисбен – столица штата Квинсленд, один из первых городов, заселенных русскими эмигрантами.

** «Харбинская эмиграция» - эмиграция из г. Харбин (Китай); представляла значительную часть эмиграции второй волны в Австралию, сыграла огромную роль в формировании русского зарубежья Австралии.

способствует объединению русской молодежи и формированию русского духовного мировоззрения [32].

То, что церковь является неотъемлемой частью общественной жизни русских эмигрантов Австралии, доказывают и многочисленные публикации, описывающие общественные события в Австралии, на которых непременно присутствуют священнослужители, а также сами названия публикаций характеризуют духовную устремленность русского общества зарубежья: «Русская школа им. Св. Андрея Боголюбского при Свято-Покровском храме Русской Православной Церкви Московского Патриарха» [Г. 2004 – №14, с.3]; «Дорога к храму» [Г. 2004 – №1, с.2]; «Духовное достояние» [Е. 2002 – №37, с.2]; «Встреча с иерархами Русской православной церкви» [Е. 2003 – №39, с.1]; «Всех скорбящих радость» [Е. 2003 – №40, с.3]; «Престол Св. Покровского храма в Кабрамате^{*}» [Е. 2003 – №42, с.2]; «Без бога нация – толпа» [Е. 2003 – №43, с.1-2]; «Престольный праздник» [Е. 2003 – 46, с.3]; «Освящение русского центра при университете Макуори» [А. 2002 – №31, с.28] и др. Кроме того, в периодической печати постоянно публикуется информация о времени служб в различных церквях. При многих православных церквях функционируют русские школы. Современные Русские прицерковные школы предлагают бесплатное преподавание по предметам: Закон Божий, История России и мира, Русский язык, География, Русская литература, Пение [Г. 2004 – №1].

Тем не менее, в настоящее время представители русской эмиграции в Австралии озабочены тем, что внуки и правнуки эмигрантов 40–50-х годов (4–5 поколение эмигрантов – А.А.), ассимилируются, а русский язык становится для них вторым языком. Решить эту проблему, по их мнению, могут лишь русские школы и церковь. Они считают, что русские, родившиеся и выросшие в Китае, не ассимилировались только потому, что «ходили в русские школы, изучали русский язык и литературу, в семьях всегда говорили по-русски и соблюдали все обычаи и традиции Русской Православной Церкви» [33, с.107].

* Кабрамата – один из районов Сиднея

Являясь неотъемлемой частью жизни русской эмиграции, православная религия отразилась и в языке эмигрантов, в частности, в широком употреблении церковной лексики, зачастую непонятной носителю русского языка метрополии.

Практически все исследователи языка русского зарубежья отмечают архаичную лексику в языке эмигрантов [7; 10; 19; 34; 35], что, естественно, связано с рядом как субъективных, так и объективных причин (стремление сохранить язык в том неизменном виде, в котором они (их родители или бабушки) «вывезли» его из старой России, воспринимая язык в процессе домашнего общения, дети эмигрантов, закономерно, усваивают архаичную лексику). Однако помимо нейтрально-архаичной лексики, в практическом материале нашего исследования особое место занимает конфессиональная лексика.

Исследователи русского языка отмечают «актуализацию конфессиональной» лексики и в языке метрополии на современном этапе [36, с.47]. Выступая на Симпозиуме Русского языка в Университете Макуори (Австралия, Сидней), профессор В.Г.Костомаров отметил, что в России в настоящее время все более активно используются церковно-славянская лексика [Е. 2003 – №41] и в качестве примеров приводятся такие слова, как *Господь, благодать, храм, благотворительность, духовность*, действительно хорошо знакомые россиянам. На страницах же русскоязычной периодической печати Австралии авторы свободно, без каких-либо пояснений, пользуются церковной лексикой, о значении которой носитель русского языка метрополии может иметь лишь самое далекое представление: *клирос, епархия, приход, игуменья, иеромонах, диакон, протодиакон, отпуст, усопшие, трапеза* и др. Вот лишь несколько примеров:

- ... где были исполнены подобающие *акафистные песнопения* (Е. 2003 – №43, с.3). Акафист – «род хвалебного церковного песнопения» [37, с.23];

• По окончании **отпуста** все направились в Русский клуб (Е. 2003 – 43: 3). Отпуст – (церковн.) «прощание и молитва, при окончании службы» [38, с.748]. В словаре Ожегова данное слово не приводится;

• В 1958 году указом Архиепископа Саввы за долголетнюю и усердную службу Церкви Христовой был награжден **камилавкой** (РХА 2000, с.74). Камилавка – «высокий цилиндрический, с расширением кверху, головной убор как почетная награда православных священников» [37, с.259];

• **Владыка** в сопровождении **протодиакона** П. Гришаева три дня ехал поездом на дальний запад Австралии... (А. – №31, с.2). Владыка – «одно из названий архиерея» [37, с.84], протодиакон – «старший по чину дьякон» [37, с.615];

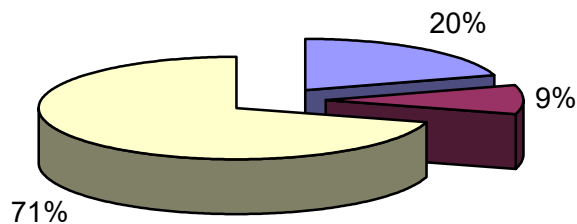
• О. Ростислав получил назначение на должность **настоятеля**..., а также **благочинного** женской обители (РХА 1999, с.4). Благочинный – «священник, которому поручено благочиние, округ, несколько церквей, причтов и приходов» [39, с.95]. Словарь Ожегова не дает подобного значения.

• При мерцании лампад сотни опускающихся на колени монашествующих в мантиях и **клобуках**, производили сильное впечатление (ДОД – №48, с.5). Клобук – «высокий монашеский головной убор с покрывалом» [37, с.273].

• К сожалению, несколько лет назад прихожане остались без постоянного **пастырского окормления** (А. – №28, с.42). Окормлять – (церковн.) «направлять в пути» [38, с.586]. Словарь Ожегова данное слово не дает;

• В 1921 году принял монашество и был **хиротонисан** во Епископа Хайларского (РХА 1999, с.2). Хиротонисать – «посвящать, рукополагать» [40, с.548]. Словарь Ожегова данное слово также не приводит.

На практическом корпусе исследования данная группа представлена 246 примерами ($\approx 20\%$ от общего числа особенностей (См. об этом: Анцыпова 2004), выявленных на лексическом уровне, при том что архаизмы, не связанные с религиозной темой, составляют лишь 9%). Результаты анализа соотношения конфессиональной лексики представлены на следующей диаграмме:

■ конфессиональная лексика ■ архаизмы □ другие особенности

Таким образом, анализ экстралингвистических условий функционирования русского языка в Австралии, в частности, роли православной церкви, позволяет сделать вывод о том, что, в то время как в России конфессиональная лексика лишь начинает возрождаться, в языке эмигрантов она широко и свободно используется, и это непосредственно связано с ролью православной церкви в жизни русского зарубежья Австралии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wells H. B. The Russian Language in the United States // *The American Mercury*. pp. 448–451.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // *Избранные труды по общему языкознанию* Т.1. М., 1963. С. 362–372.
3. Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов // *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5–22.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
5. Хауген Э. Языковой контакт / *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 61–80.
6. Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке: Аннотированный библиографический указатель (1918-1992). М., 1993.
7. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: два полюса // *Язык. Культура. Гуманитарное знание*. М., 1999. С. 236–257.
8. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. М., Вена, 2001. С. 341–492.
9. Оглезнева Е.А. Жанр воспоминания в речи современных представителей харбинской диаспоры: мотивы и настроения // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск, 2001. С. 196–201.
10. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку эмиграции первой волны. М., 1995.
11. Kouzmin L. Language use and language maintenance in two Russian communities in Australia // *International Journal of the Sociology of language* 72. 1988. pp. 51–65.

12. Васянина Е.Ю. Русская звучащая речь в США. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998.
13. Kuzmin L. Grammatical interference in Australian Russian // *The Slavonic Languages in Émigré Communities. (Current Inquiry into Language, Linguistics and Human Communication 42)*. 1982. pp. 73–87.
14. Ryan N. Socio-linguistic Changes with Particular Reference to Speech Etiquette in a Russian-speaking Community Living in two Different Cultural Environmens during the 20th century. PhD Thesis. Sydney. 1998.
15. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // *Русский язык зарубежья*. М., 2001. С. 8–68.
16. Стародубцев В. Историко-культурный центр «Русское Зарубежье» начал свою работу // *Русский язык за рубежом*. 1991. № 4. С. 119–120.
17. Литвинова Г.И. Русские американцы. М., 1993.
18. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.
19. Голубева-Монаткина Н.И. Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. М., 1998.
20. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. М., Вена, 2001. С. 25–340.
21. Васянина Е.Ю. Наброски к лингвистическому портрету русских американцев // *Русский язык за рубежом*. 2001. №2. С. 95–102.
22. Суворов И. Церковная жизнь. Окончание краткой биографии Владыки Архиепископа Федора // *Австралиада. Русская летопись*. 1999. № 19. С. 19–21.
23. Малиевская Т.Н. Русская прицерковная школа в Брисбене // *Австралиада. Русская летопись*. 2003. С. 17–19.
24. Шатилов А.Б. Эмигранты из России в Австралию в 20–30-е годы // *Славяноведение*. 1997. № 5. С. 9–14.
25. Малаховский К.В. Участие русских революционеров в рабочем движении Австралии // *Идеи социализма и рабочее движение в Австралии: Сб. статей*. М., 1981. С. 67–85.
26. Дмитриевский Н.И. Русские в Квинсленде. Приезд // *Австралиада. Русская летопись*. 1996. № 8. С. 8–9.
27. Каневская Г.И. Эмиграция с Российского Дальнего Востока в Австралию // *Австралиада. Русская летопись*. 1999. № 20. С. 34–36.
28. Говор Е. Из ранней истории. Русские анзаки // *Австралиада. Русская летопись*. 2001. № 27. С. 4–8.
29. Ширинская Е. Георгий Евгеньевич Радионов // *Австралиада. Русская летопись*. 2001. № 26. С. 35–36.
30. Филяровский И. Свято-Троицкий приход Русской Православной церкви Московского Патриарха в Мельбурне // *Австралиада. Русская летопись*. 2001. № 26. С. 41–43.
31. Мельникова Н. Св. Пантелеймоновская община в Госфорде // *Австралиада. Русская летопись*. 2004. № 38. С. 24.
32. Ширинская Е. Памяти Витязя // *Австралиада. Русская летопись*. 1999. № 20. С. 2–3.
33. Сулова Т.К. Учителя русских школ // *Русские харбинцы в Австралии*. 2000. С. 107.
34. Leinonen M. Language Survival: Russian in Finland // *Slavica Tampereusia. (Tampereen Gliopisto, Slaavilainen filologia)*. 1992 (I). pp. 1–44.
35. Голубева-Монаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // *Русский язык за рубежом*. 1993. № 2. С. 100–105.
36. Нестерская Л.А. О некоторых новых тенденциях в развитии словарного состава современного русского языка (социокультурный и лингвистический аспекты) // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1997. № 4. С. 40–47.

37. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова – 24-е изд. М., 2003.
38. Толковый словарь / Сост. В.И. Даль. – 2-е изд. Т. 2. М., 1955.
39. Толковый словарь / Сост. В.И. Даль. – 2-е изд. Т.1. М., 1955.
40. Толковый словарь / Сост. В.И. Даль. – 2-е изд. Т. 4. М., 1955.
41. Statistics 2001 // http://www.immi.gov.au/statistics/stat_info/comm_summ/textversion/russianfederation.htm p.1.
42. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919 – 1939. М., 1994.
43. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Русская речь. 1994. № 3. С. 70–74.

Н.В. Колесова

*Красноярский государственный университет
г. Красноярск*

ОРФОГРАФИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСЕМ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ

Орфография заимствованных слов представляет собой отдельную специфическую область исследования. Эта тема продолжает оставаться актуальной в настоящее время, что обусловлено постоянным пополнением словарного состава языка иноязычной лексикой и требует квалифицированного лингвистического подхода.

Целью данной статьи является изучение орфографических особенностей передачи иноязычных лексем в текстах писателя-эмигранта третьей волны В. Аксенова, рассмотрение общих принципов и частных приемов индивидуально-авторской передачи новых иноязычных слов в русских текстах. Работа выполнена на материале повестей и романов автора, написанных в разные периоды его творчества.

Наблюдения над языком В.Аксенова позволяют сделать вывод о продуктивном использовании писателем иноязычных заимствований в русскоязычном тексте. Несмотря на то, что общее количество иноязычных лексем в текстах В.Аксенова чрезвычайно велико, они не представляют собой хаотической массы, напротив, обладают определенными общими свойствами, поддаются систематизации и классификации.

При передаче заимствованной лексики в художественном тексте автор использует следующие основные приемы: 1) употребление заимствований в тексте в исконной орфографической и грамматической форме в качестве вкрапления; 2) использование транскрипции; 3) использование транслитерации; 4) сочетание латинской и кириллической графики в пределах лексемы; 5) применение графических средств (курсив); 6) перевод.

1. Вкрапление иноязычных элементов в русский текст – один из характерных приемов автора. Частотные случаи использования иноязычной графики можно объяснить тем, что в письменной речи существенную роль играет контраст графической формы языка-источника с привычной графикой русского языка. Этот контраст служит определенным стилистическим целям, позволяет автору реализовать собственные замыслы и осуществить определенное воздействие на читателей.

При изучении корпуса иноязычных элементов, представленных в графике языка-источника, прежде всего, целесообразно выделить широко известные слова и словосочетания интернационального характера. Таковы, например, латинские словосочетания *alter ego*, *alma mater*, *post factum*, которые имеют устойчивую традицию написания в русском литературном языке и знакомы образованным читателям:

• «Почему юноша выпал из своей *alma mater*?» [«В поисках грустного бэби», с.38]; «В ярком пустынном небе над нами, словно наши *alter ego*, парили два орла» [«В поисках грустного бэби», с.44]; «...иногда ты будешь чувствовать это сразу, иногда *post factum*» [«Кесарево свечение», с.544].

Несмотря на преимущественное использование латинской графики для передачи интернациональных словосочетаний, автор употребляет в единичных случаях кириллицу:

• «Ходит также слух, что эта огромная собака Полкан является на деле *альтер эго* нашего банкира» [«Кесарево свечение», с.171]; «Фил Фофанофф – один из моих ближайших друзей, если не мое *альтер эго*» [«Желток яйца», с.19].

Подобное употребление латинских выражений соответствуют основным нормам русского литературного языка, допускающим применение как русской, так и латинской графики.

Использование данных выражений без перевода на русский язык не является помехой для восприятия и интерпретации текста. Неправомерно было бы считать их авторскими неологизмами, поскольку их употреблению в текстах романов предшествовала длительная фиксация в письменном языке.

В ряде случаев латиница использована для непосредственного включения в русский текст медицинских терминов, что характерно для специальной литературы:

- «Нижняя челюсть, то есть *mandibula*, была аккуратно прикручена проволочкой» [«Московская сага», книга третья, с.227]; «На третьем курсе профессор Гушин как-то сказал студентам: «*Chirurgia est obscura, terapia – obscurissima*» (хирургия темна, терапия – еще темнее) [«Коллеги», с.37].

Написание терминов на латинском языке принято в медицине, способствует более легкому узнаванию, носит традиционный характер. В текстах В.Аксенова использование латинской графики для обозначения биологической номенклатуры не случайно, писатель получил медицинское образование, в 1956 году он окончил Ленинградский медицинский институт, несколько лет занимался врачебной практикой, медицинская терминология для него близка и понятна.

Продуктивны вкрапления в текст иноязычных элементов других языков, в первую очередь английского, французского, немецкого в качестве цитат, фрагментов речи персонажей и номинации соответствующих предметов и явлений:

- «... *миазмы пресловутого midlife crisis* одолевают» [«В поисках грустного бэби», с.8]; «Седые виски, шрам на щеке, орлы в петлицах, *an American military attaché*» [«Скажи изюм», с.193]; «*Unbearable*, думал он на ходу, и эту мысль отчетливо выражала его спина» [«Скажи изюм», с.369] и др.

Примеры данной группы используются без сопутствующих комментариев или перевода автора. Использование графики языка-источника, как представляется, подчеркивает этимологию слова, его принадлежность иноязычной действительности, служит указателем места действия. Кроме того, иноязычная графика свидетельствует о том, что именно так данные слова закрепились в языковом сознании писателя. Несмотря на то, что многие лексемы довольно легко поддаются переводу, автор сохраняет их иноязычный облик, придавая этим национальный колорит тексту и подчеркивая собственную причастность к западному образу жизни.

В некоторых случаях автор вводит заимствованное слово на латинице, а при повторном употреблении использует кириллическое написание:

- «...мы, пользуясь романским пространством, можем слегка размахнуться по его *curriculum vitae*» [«Новый сладостный стиль», с.7]; «Заканчивая этот предельно краткий корбаховский «*куррикулум витэ*», мы выходим на вполне банальную фразу...» [Там же, с.32].

Можно предположить, что в расчете на компетентного читателя В.Аксенов стремится сохранить оригинальное написание лексемы, чтобы избежать неточностей и ошибок при ее декодировании, в дальнейшем он адаптирует ее к общему контексту своего произведения, используя средства родного языка. Русский графический облик лексемы позволяет ввести ее в словоизменительную парадигму и систему согласования принимающего языка.

2. Достаточно распространенным способом передачи заимствований является прием транскрибирования. Поскольку фонетические системы английского и русского языков значительно отличаются друг от друга, передача звучания английского слова при транскрибировании несколько условна и воспроизводит лишь некоторое подобие английского звучания. При оформлении иностранного слова средствами родного языка требуется возможно более точное воспроизведение звукового облика слова на языке-источнике с учетом его морфологической структуры. В основе приема

транскрипции лежит стремление имитировать иностранное произношение с помощью звуков родного языка.

В ряде случаев автор прибегает к транскрибированию нарицательного элемента в составе географического названия. Этот прием широко используется в тех случаях, когда транскрибированная форма достаточно понятна русскому читателю. Таковы, например, формы «*стрит*», «*дистрикт*», «*сити*»:

- «по 23-й *стрит*» [«В поисках грустного бэби», с.176]; «Бетховен-*стрит*» [«В поисках грустного бэби», с.265], «из третьего *дистрикта*» [«В поисках грустного бэби», с.176]; «Сенчури *Сити*» [«Новый сладостный стиль», с.225] и т.д.

При транскрипции заимствованных лексем используется разнообразные приемы передачи звучания слова, это, в первую очередь, субституция звуков, составляющих слово:

- *шримп* [«Остров Крым», с.20] от англ. **shrimp** – креветка; *энтшульдиген* [«Остров Крым», с.185] от нем. **entschuldigen** – извините и др.

В данных случаях звуковая последовательность лексем языков-источников передана с помощью соответствующих звуков русского языка.

Автором продуктивно использована звуковая конвергенция – замена двух близких звуков одним:

- *хелло* [«Ожог», с.356] от англ. **hello** – привет, английский дифтонг [eu] передан русским о; *бэби* [«В поисках грустного бэби»] от англ. **baby** – малютка, крошка, английский дифтонг [ei] передан русским э и т. д.

Как показывает практический материал, звуковая конвергенция находит отражение в замене английских дифтонгов монофтонгами русского языка.

При преимущественном использовании субституции и конвергенции единичны случаи звуковой дивергенции, сводящейся к передаче одного звука двумя:

- *дансинг* [«Остров Крым», с.25] – от англ. **dancing** – танцы, пляска; *паркинг* [Там же, с.169] – от англ. **parking** – место стоянки автотранспорта; *киднэппинг* [Там же, с.195] – от англ. **kidnapping** – и т. д.

В приведенных примерах специфический английский [ŋ] передан сочетанием русских букв **нг**, приблизительно воспроизводящих звучание английского звука.

Заимствования данной группы включают в себя лексические единицы различных тематических классов. Они адаптированы автором к русскому языку в соответствии с характерными для него фонетическими особенностями: оглушением в конце слова, аканьем, иканьем, редукцией безударных гласных. Продуктивное использование русской графики для передачи иноязычных лексем свидетельствует о том, что автор считает данные слова своими, обычными для собственного словоупотребления и не видит необходимости выделять их из общего литературного контекста.

3. Транслитерация выступает на первый план в тех случаях, когда практическая транскрипция искажает графический облик заимствуемого слова:

- *сэндвич* [«Ожог», с.77] – от англ. **sandwich** – бутерброд.

Русский эквивалент лексемы не соответствует произносительным нормам английского языка: [sáenwidz] и передан с помощью транслитерации. Случаи транслитерации не характерны для текстов В.Аксенова, примеры носят единичный характер. Возможно, причина этого – в ориентации писателя именно на речевой укус окружающих, так как речевая коммуникация основывается, прежде всего, на фонетической форме слова. Введенные с помощью транскрипции или транслитерации слова сохраняют свою иноязычность и становятся элементами языковой системы русского языка, где они приобретают определенное значение.

4. В отдельных случаях автор допускает сочетание графики языка-источника и русского языка в пределах одного слова:

- «Наше семейство стало увлекаться этими пресловутыми *hearty breakfast'amu* [«Кесарево свечение», с.36)]; «...*царит цивилизация understatement'a* – не знаю, как перевести – недоговоренности, что ли» [«Кесарево свечение», с.42]; «Соловьевский «богочеловек» был вытеснен *homo soveticus'om*» [«Кесарево свечение», с.380].

Латинская графика в приведенных примерах воспроизводит реальную графическую форму заимствования, свидетельствует об иноязычности обозначаемого денотата. В то же время, использование русских окончаний, отделенных апострофом от заимствованного оригинала, позволяет органично включить заимствованную лексему в русский текст путем ее уподобления грамматической системе принимающего языка.

5. В ряде случаев автор вводит иноязычный элемент при сопровождении полиграфических средств. Следует отметить, что основным графическим средством у В. Аксенова остаются кавычки, выделение курсивом или иными графическими средствами нетипично для автора. Кавычки создают в тексте эффект отстраненности:

- «Оба писателя были почтенными грешниками, философами, неряхами, «дарлинггами» Европы» [«В поисках грустного бэби», с. 8], «Они полностью не понимают друг друга, – говорит режиссер, – люди разных миров, свершено разный «бэкграунд» [«В поисках грустного бэби», с.15], «... он оказывался в плену американской кухни, каких-либо изысков вроде «*тибон стейк*» с абрикосовым вареньем» [«В поисках грустного бэби», с.32] и др.

Использование кавычек подчеркивает противопоставление заимствований общелитературному контексту и свидетельствует об их чужеродности и о собственной непричастности писателя к подобному словоупотреблению, таким образом он дистанцируется от употребления иноязычных лексем. Использование графических средств направлено на придание большей экспрессивности контексту.

5. Продуктивно используется в текстах способ перевода. Забота автора о доступности текста и стремление представить предметы и явления окружающей иностранной действительности средствами русского языка объясняют случаи перевода ряда иноязычных лексем.

Способом перевода переданы в тексте некоторые географические наименования. В то время как в английском языке географические названия очень часто используются без каких-либо сопроводительных нарицательных

элементов, для русского читателя необходимо введение дополнительных поясняющих слов:

- «... к озеру *Айриш Понд*» [«В поисках грустного бэби», с.216], «над горизонтом висела огненная полоска знаменитого моста *Голден Гейт Бридж*» [«Круглые сутки нон-стоп», с.384].

Автор оставляет географические названия без перевода, однако добавляет к английским словосочетаниям нарицательные элементы «озеро» и «мост», которые можно рассматривать как перевод одного из составляющих словосочетание элементов «*понд*» (от англ. **pond** – озеро, пруд) и «*бридж*» (от англ. **bridge** – мост). Значение данных элементов передают дополнительные сведения об объектах, которые, по замыслу автора, могут быть непонятны русскому читателю из английских словосочетаний, таким образом, сопровождение русскими эквивалентами направлено на снятие трудностей при декодировании содержания высказывания.

В отдельных случаях автор использует перевод для передачи наименований узкого, местного значения:

- «В его любимом баре, который называется «*Неряха Джо*»...» [«В поисках грустного бэби», с.183].

Название бара в этом случае дано в переводе на русский язык, поскольку передает специфику внутренней формы наименования, вносит дополнительную информацию о характере главного персонажа произведения.

Вариативное написание имеет место в случае передачи иностранных имен собственных, так, например, название английского корабля автор вначале передает транскрипцией, сохраняя иноязычное звучание словосочетания, тем самым, подчеркивая его принадлежность Великобритании, впоследствии то же наименование дается в переводе:

- «В морской канал вошел английский пароход «*Дьюк оф Норманди*» [«Коллеги», с.51]; «На палубе «*Герцога Нормандского*» ... болтались свободные от вахты матросы» [«Коллеги», с.52].

Можно предположить, что в данном случае автор уделяет внимание практической полезности наименования, в результате чего возрастает роль перевода по сравнению с фонетической передачей.

Разнообразие графико-орфографических средств в идиостиле В.Аксенова можно объяснить воздействием иноязычной среды и речевого узуса окружающих, стремлением сделать свой язык более выразительным и индивидуальным, повысить экспрессивность текста. Кроме того, использование заимствований в тексте как в русской графике, так и с сохранением графического написания языка-источника, в целом, соответствует современным тенденциям развития русского литературного языка, характеризующегося на современном этапе большей свободой и раскрепощенностью орфографии по сравнению с советским периодом, что выражается в «не присущей периоду тотальных запретов значительной свободе орфографических реализаций» [1, с.56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева Т.М. Русская орфография: XX в. (послереформенный период): Уч. пособие. Красноярск. 1998.

ИСТОЧНИКИ

1. Аксенов В. Апельсины из Марокко (Коллеги, Звездный билет, Апельсины из Марокко). М., 2000. 446 с.
2. Аксенов В. В поисках грустного бэби (В поисках грустного бэби, Бумажный пейзаж). М., 2000. 416 с.
3. Аксенов В. Гибель Помпеи (повести и рассказы). М., 2003. 624 с.
4. Аксенов В. Желток яйца. М., 2003. 672 с.
5. Аксенов В. Кесарево свечение. М., 2001. 640 с.
6. Аксенов В. Московская сага. Трилогия. М., 1993.
7. Аксенов В. Новый сладостный стиль. М., 2002. 656 с.
8. Аксенов В. Ожог. М., 1990. 400 с.
9. Аксенов В. Остров Крым. М., 2000. 320 с.
10. Аксенов В. Скажи изюм. М., 2001. 408 с.

А В Т О Р Ы

АНЦЫПОВА АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА, аспирант Красноярского государственного университета, старший преподаватель кафедры английской филологии КГПУ

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Амурского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики

БЕЛЯКОВА (УСАЧЕВА) СВЕТЛАНА ПЕТРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка с методикой начального обучения Тверского государственного университета

БРЫСИНА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, ассистент кафедры русской филологии Амурского государственного университета.

ГОРДИЕНКО Е.А., аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного педагогического университета.

ЗИМИН ВАЛЕНТИН ИЛЬИЧ, доктор филологических наук, профессор Московского государственного педагогического университета

КОЛЕСОВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, аспирант Красноярского государственного университета, старший преподаватель кафедры английской филологии КГПУ.

КУНГУШЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Амурского государственного университета.

КУРИКОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА, аспирант Томского государственного университета (г.Томск)

КУРОЕДОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Амурского государственного университета

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Амурского государственного университета

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, завкафедрой русской филологии Амурского государственного университета, руководитель лаборатории региональной лингвистики

ПИРКО ВЕРА ВЕНИАМИНОВНА, старший преподаватель кафедры русского языка и методики преподавания Благовещенского государственного педагогического университета.

РЯБИНИНА НАДЕЖДА ИВАНОВНА, кандидат культурологии, доцент Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

САВЕЛОВА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, кандидат культурологии,
доцент Хабаровского государственного педагогического университета.

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, ассистент кафедры русской
филологии Амурского государственного университета.

ТУЯКОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА, ассистент кафедры
русской филологии Амурского государственного университета.

ШИПАНОВСКАЯ ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА, кандидат
филологических наук, профессор кафедры русской филологии Амурского
государственного университета.

ШУНЕЙКО АЛЕКСАНДР АЛЬФРЕДОВИЧ, кандидат
филологических наук, доцент Комсомольского-на-Амуре государственного
технического университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Русский литературный язык: современное состояние и перспективы развития	
<i>Зимин В.И.</i> Оценочно-эмотивная амбивалентность фразеологических единиц в современном русском языке	6
<i>Архипова Н.Г.</i> Экспликация концептов «Здоровье» - «Болезнь» в современном языковом сознании	15
<i>Куроедова М.А.</i> Лексическая репрезентация концепта «Радость» в творчестве публициста В.Пескова	29
<i>Кунгушева И.А.</i> Разрыв мотивационных отношений между словами как результат семантических модификаций	43
<i>Гордиенко Е.А.</i> Категория интенсивности: опыт применения принципа унификации при исследовании антонимо-синонимических отношений в лексике современного русского языка	54
<i>Савелова Е.В., Рябинина Н.И., Шунейко А.А.</i> К постановке проблемы текстовой репрезентации культурных ценностей национальных и конфессиональных групп	63
Русские говоры на рубеже XX-XXI веков	
<i>Брысина Е.В.</i> Культурно-прагматический потенциал диалектных фразем (на материале донских казачьих говоров)	71
<i>Лагута Н.В.</i> О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья)	83
<i>Курикова Н.В.</i> Дейктические элементы в диалектном высказывании: функционально-коммуникативный аспект	98
<i>Галимова Д.Н.</i> Метафоры человеческой жизни в книжной культуре и в бытовом дискурсе	110
<i>Сосина Н.А.</i> Названия кушаний в амурских говорах: опыт лингвокультурологического описания	117
Язык фольклора	
<i>Шипановская Л.М.</i> Заговорные тексты как памятники «вещного, чародейского слова»	126
<i>Туякова А.В.</i> Вариативность способов включения в заговоры апокрифического текста «Сон Богородицы»	146
Просторечие как форма русского национального языка	
<i>Белякова (Усачева) С.П.</i> Синхронизация некоторых фонетических процессов в городском просторечии и говорах тверского региона	159
<i>Пирко В.В.</i> К вопросу о системности лексики просторечия (на материале просторечия Приамурья)	179

Язык русского зарубежья

<i>Оглезнева Е.А.</i> Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В.П.Хан)	199
<i>Анцыпова А.Н.</i> Религиозное общение как одна из социальных функций русского языка зарубежья и ее отражение в письменной речи эмигрантов Австралии	213
<i>Колесова Н.В.</i> Орфография иноязычных лексем в индивидуально-авторском словоупотреблении	223
Авторы	232